

№ 3(10)
Сентябрь 2014

ВЕСТНИК *Института* Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Проблемы
современной молодёжи**

/ Вмешательство науки
в сферу репродукции человека

/ Действующий субъект
в системной аварии

/ Критерии научной школы

/ Реформирование
властно-управленческой
вертикали

Состав международного редакционного совета

Председатель:

ЯДОВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований ИС РАН, декан социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДИБИРОВ Абдул-Насир Зирарович – доктор политических наук, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, ректор Дагестанского института экономики и политики (Махачкала, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

YADOV Vladimir A., Ph.D., Professor, Head of the center of the theoretical, historical and sociological studies of the Institute of Sociology, RAS (Russia);

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DIBIROV Abdul-Nasir Z., Dr. Sci. (Polit.), Professor, Honored Scientist of Dagestan Republic, Rector of the Dagestan Institute of Economics and Political Science (Russia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOŚEŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Rresearch;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: Проблемы современной молодёжи.....	11
<i>Асеева И. А., Пащенко Е. Н.</i> Проблемы вмешательства в репродукцию человека: социологический анализ.....	11
<i>Ефлова М. Ю., Ишкинеева Ф. Ф., Фурсова В. В.</i> Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодёжи в контексте социальных изменений	34
Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии.....	45
<i>Козлова Л. А.</i> «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании.....	45
Социология управления.....	66
<i>Тихонов А. В.</i> Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали	66
<i>Аксёнова О. В.</i> От регламента к хаосу: действующий субъект в системной аварии	85
Социальное самочувствие	111
<i>Зубок Ю. А., Михеева В. В., Чупров В. И.</i> Доверие и недоверие в саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий (на примере украинского общества).....	111
Интернет-сообщества.....	130
<i>Писаревский В. Г.</i> Социальный портрет аудитории православных интернет-сообществ в социальной сети ВКонтакте	130

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue.....	9
Problems of Modern Russian Youth.....	11
<i>Aseeva I. A., Paschenko E. N.</i> Problems of Intervention in Human Reproduction: a Sociological Analysis	11
<i>Eflova M. Y., Ichkineeva F. F., Fursova V. V.</i> Students' Social Well-Being and Values in the Context of Social Changes	34
Scientific Areas and Scientific Communities of Modern Russian Sociology.....	45
<i>Kozlova L. A.</i> The “Scientific School” in Scientific Policy and Social Research	45
Sociology of Management	66
<i>Tikhonov A. V.</i> Experience of Sociological and Culturological Research of Problems of Administrative Vertical Reforming	66
<i>Aksenova O. V.</i> From Organization to Chaos: Actor in the System Accident.....	85
Social Well-being.....	111
<i>Chuprov V. I., Zubok J. A., Mikheeva V. V.</i> Trust and Distrust in Self-Regulation of the Emotional State of the Subjects of Social Interactions (on the Example of the Ukrainian Society)	111
Internet Communities.....	130
<i>Pisarevsky V. G.</i> Social Portrait of the Audience of Orthodox Online Communities in a Social Network VKontakte.....	130

И. А. Халий,
заместитель главного редактора
журнала «Вестник Института социологии»

Представляю номер

Тема номера – [«Проблемы современной молодёжи»](#). В ней подняты значимые, как для молодых, так и для всего общества, аспекты: вмешательство науки в сферу репродукции человека (авторы – [И. А. Асеева, Е. Н. Пащенко, Курск](#)) и социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодёжи (авторы – [М. Ю. Ефлова, Ф. Ф. Ишкинеева, В. В. Фурсова, Казань](#)). Особое значение имеет то, что обе статьи написаны учёными из регионов и поэтому рассматривают подходы именно проживающей там молодёжи, что позволяет с высоким основанием распространить их выводы на всю российскую провинцию. Конечно, представленные статьи далеко не охватывают всего спектра современных молодёжных проблем, но мы надеемся на продолжение и развитие этой темы в будущем.

Наши ожидания развития уже поднятых в предыдущих номерах журнала тем в этом выпуске реализуются продолжением осмысления того, что такое современные научные коллективы и научные школы (статья [Л. А. Козловой \(Москва\)](#) [«“Научная школа” в научной политике и социальном исследовании»](#) в рубрике [«Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии»](#)). Существуют ли научные школы сегодня? Востребованы ли они временем или являются фактором стагнации науки? Оказались ли они лишь российским способом организации науки? – таков круг вопросов, поднимаемых в данном материале.

Одной из наиболее жизненно важных проблем современного общества (и далеко не только российского) являются проблемы управления. В рубрике [«Социология управления»](#) размещены статьи, предметы внимания которых абсолютно различны. В статье [А. В. Тихонова \(Москва\)](#) [«Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали»](#) предлагается инновационная методология исследования заявленной темы. Материал [О. В. Аксёновой \(Москва\)](#) [«От регламента к хаосу: действующий субъект в системной аварии»](#) посвящён анализу

ценностных и функциональных оснований деятельности профессионалов, оказывающих существенное влияние на процесс управления.

В рубрике [«Социальное самочувствие»](#) авторы [Ю. А. Зубок, В. В. Михеева и В. И. Чупров \(Москва\)](#) в статье [«Доверие и недоверие в саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий \(на примере украинского общества\)»](#) рассматривают доверие и недоверие как факторы саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий. Особую актуальность статье придаёт то, что в ней анализируются данные, полученные в результате социологического исследования, проведённого в 2012 г. Институтом социологии НАН Украины в 26 областях страны.

Впервые в нашем журнале появилась рубрика [«Интернет-сообщества»](#), хотя исследования в этой области в России уже носят масштабный характер. В ней размещена статья [В. Г. Писаревского \(Москва\)](#) [«Социальный портрет аудитории православных интернет-сообществ в социальной сети ВКонтакте»](#), в которой автор выявляет, представители каких социальных слоёв образуют круг носителей православных ценностей и лиц, заинтересованных в их обсуждении в виртуальном пространстве. Без сомнения, мы крайне заинтересованы в дальнейшем анализе самых различных Интернет-сообществ.

Т е м а н о м е р а : П р о б л е м ы современной молодёжи

Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодёжи в контексте социальных изменений

Асеева Ирина Александровна –
доктор философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии и социологии
Юго-Западного государственного университета,
Курск

E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

Пашченко Екатерина Николаевна –
магистрант кафедры философии и социологии
Юго-Западного государственного университета,
Курск

E-mail: kate280590@yandex.ru

Проблемы вмешательства в репродукцию человека: социологический анализ

Аннотация

Статья¹ содержит социологический анализ отношения студенческой молодёжи к актуальным для современной России проблемам вмешательства науки в сферу репродукции человека, репродуктивным технологиям, решающим вопросы воспроизводства и регуляции потомства, основанным на научно-технических достижениях. Исследование касается отношения молодёжи к традиционно обсуждаемой технологии прерывания беременности (аборта) и современным достижениям науки, в частности, в области новых репродуктивных технологий (НРТ): искусственной инсеминации, экстракорпорального оплодотворения и клонирования. В качестве респондентов выступили представители наиболее репродуктивно активной части населения – молодые люди от 18 до 25 лет, студенты экономического, технического, гуманитарного, медицинского профиля, обучающиеся в вузах г. Курска. Анализируются источники получения информации о сути и сложностях репродуктивных технологий. Поскольку Россия переживает в настоящее время демографический кризис, который многие специалисты связывают с довольно либеральным законом о прерывании беременности, авторы уделили проблеме аборта пристальное внимание, выяснили мотивы и степень готовности молодёжи прибегнуть к этой процедуре. Выявлены отношения молодых людей к новым репродуктивным технологиям, актуальность которых определяется тем, что уже несколько десятилетий они являются частью клинической практики, но до сих пор вызывают ожесточённые споры и среди специалистов, и среди общественности. Авторы выявляют своеобразный парадокс: с одной стороны, дефицит качественной информации о НРТ, с другой – готовность молодёжи активно использовать эти технологии в своей жизни, что может привести к острым антропологическим и социокультурным рискам. Вместе с тем, развитие репродуктивных технологий сопровождается не только совершенствованием методов и методик, обусловленных прогрессом науки, но и ростом проблем различного характера, которые вызывают бурное обсуждение в обществе и всё настойчивее требуют своего решения. В связи с этим результаты представленного исследования отношения молодёжи и оценок медицинских технологий в области репродукции человека позволят в дальнейшем выработать ряд мер рекомендательного характера по наиболее оптимальному, осторожному и тщательному их использованию.

Ключевые слова: социология науки, биоэтика, репродуктивные технологии, общественное мнение

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-33-01023 «Человек в инновационной цивилизации: трансдисциплинарные аспекты конструирования будущего».

Проблема репродукции человека и её социокультурный резонанс

С развитием цивилизации наше общество, наряду с достижениями в самых разнообразных областях, накопило и ряд проблем, в частности, довольно остро сегодня стоит вопрос о репродукции человека, связанный с нерешённой и достаточно болезненной демографической ситуацией. В одних странах наблюдается чрезмерный рост населения, в других, наоборот, фиксируется его убыль. Причины этого различны: низкий уровень контрацептивной культуры, религиозные особенности, роль традиций, медицинские показатели и, напротив, независимость, ориентация на карьерный рост, потребительское отношение к жизни, несовершенство законодательства, упадок нравов и прочее. На протяжении истории человечества наука старается поспевать за этими изменениями, иногда даже опережать, создавая всё новые и новые технологии, которые, как предполагается, смогут решить хотя бы часть проблем.

На сегодняшний день наука многого добилась в совершенствовании репродуктивных технологий. Они давно вышли из статуса эксперимента, стали частью клинической практики и утвердились в тезаурусе науки, о чём свидетельствует наличие их определений в учебниках и словарях. Для акцентирования современного уровня их развития в специальной литературе используется термин «новые репродуктивные технологии» [Биоэтический словарь... 2006: 319]. Новые репродуктивные технологии (НРТ) – различные технологии, применяемые для регулирования беременности и деторождения. Наиболее известны следующие категории новых репродуктивных технологий: технология управления, которая включает медицинское руководство в период беременности; контрацептивная технология, а также технология искусственного прерывания беременности; концептивная технология, состоящая из искусственного оплодотворения, донорства, хранения эмбрионов. Кроме того, в последние годы всё чаще обсуждается возможность потенциального клонирования человека, а в некоторых государствах ведутся исследования по созданию человеческих копий. Но, вместе с развитием техник и технологий в области репродукции человека, накопился ряд проблем этического, морального, социального, правового характера, пренебрегать которыми нельзя.

Современное биомедицинское знание позволяет настолько глубоко проникнуть в природу человека, что он как бы сам становится её «создателем» и «производителем». Особенно ярко это проявляется в репродуктивных технологиях. Сложность заключается в том, что развитие биомедицинских технологий, вторгающихся в жизнь современного человека

от рождения до смерти, вызывает серьёзную озабоченность общества. Развитие биомедицинских технологий значительно опережает осмысление возможных духовно-нравственных и социальных последствий их бесконтрольного применения.

Современные репродуктивные технологии шагнули далеко вперёд. Они основаны на результатах научно-технических достижений и решают задачи воспроизводства потомства. На сегодняшний день принято различать несколько видов новых медицинских технологий, связанных с репродукцией (репродуктивной функцией) человека. К основным из них можно отнести следующие: искусственное прерывание беременности (аборт), искусственное оплодотворение и его различные методы, и клонирование. Остановимся подробнее на каждом.

Этические, социальные, статистические аспекты абортов

Аборты – одна из главных причин низкой рождаемости и отрицательного естественного прироста населения. Аборт бывает двух видов: самопроизвольный и искусственный.

Самопроизвольный аборт (в переводе с латинского языка – выкидыш) чаще всего зависит от состояния здоровья женщины, недоразвития или воспалительного процесса внутренних половых органов. К возникновению выкидыша могут предрасполагать такие факторы, как острые инфекционные (грипп, дизентерия, дифтерия, воспаление лёгких и др.), а также хронические (туберкулёз, ревматизм и др.) заболевания. Самопроизвольный аборт могут вызвать физические и психические травмы. Это трагическая ситуация, вызывающая сочувствие, а не осуждение.

Иное отношение складывается к искусственным абортам (прерывание беременности в лечебном учреждении по желанию беременной или по медицинским показаниям). В некоторых случаях беременность приходится искусственно прерывать по состоянию здоровья, когда её продолжение может привести к тяжёлому осложнению имеющегося у женщины заболевания, а роды представляют серьёзную опасность для жизни и здоровья матери и плода. Такими медицинскими показаниями чаще всего служат тяжёлые заболевания сердца, почек, печени, лёгких и др. [Биоэтический словарь... 2006: 152]. Искусственное прерывание беременности у данного контингента женщин вызывается вынужденной необходимостью, поэтому аборт для них – выбор из двух зол.

Производство абортов по медицинским показаниям допускается исключительно в обстановке больниц. При внебольничном, или криминальном, аборте вмешательство обычно производится самой женщиной или людьми, несведущими в медицине, и в антисанитарных условиях. Такой аборт приводит к тяжёлым последствиям, а иногда и к смерти женщины. Наблюдения показывают,

что криминальный аборт является не столь редким явлением и до настоящего времени. Это объясняется целым рядом причин: поздний срок беременности (более 12 недель); срок меньше 6 месяцев после уже проведённого искусственного прерывания беременности; длительная процедура поступления в стационар и боязнь женщины не успеть сделать законный аборт до наступления 12-недельной беременности. Наконец, большое значение имеет желание скрыть имеющуюся беременность от окружающих. Женщины, прибегающие к подпольному аборту, рискуют своим здоровьем, а нередко и жизнью [Иванюшкин 2009].

Распространённость искусственных абортов – проблема не только здравоохранения, но также демографии и семьи как социального явления, поскольку здоровье супружеских пар – одно из условий её нормального развития и жизни.

Проблема искусственного аборта в настоящее время превратилась в значимую социальную и демографическую проблему. Само по себе распространение абортов не является фактором, оказывающим понижающее действие на рождаемость, поскольку они – следствие определённых репродуктивных установок. Тем не менее, аборты могут рассматриваться как непосредственная причина изменения уровня рождаемости в связи с их влиянием на репродуктивную функцию женщин, жизнеспособность их плода. Они являются социальной проблемой ещё и потому, что касаются интересов не только женщины, но и государства [Антипова 2005].

Россия до недавнего времени находилась на первом месте в мире по числу абортов: даже по официальной статистике, абортom заканчиваются 57% всех беременностей. Страна занимает второе место в мире по количеству прерывания нежелательной беременности несовершеннолетними [Пестова 2010]. Каждый пятый аборт делается подростками до 18 лет. От 10 до 15% абортов заканчиваются различными осложнениями, 7–8% женщин после них становятся бесплодными. Каждый год армия тех, кто не может иметь детей, пополняется на 200–250 тысяч человек. В нашей стране около 15% пар, состоящих в браке, не способны зачать ребёнка [Юсупова 2009]. По данным Всемирной организации здравоохранения, 15% – это предел, после которого бесплодие становится социальной проблемой. При этом многие врачи говорят, что официальную статистику по количеству абортов следует увеличить вдвое [Паевский 1970]. В настоящее время, несмотря на заметные успехи контрацептивной революции и значительное сокращение числа абортов, о котором свидетельствует официальная статистика, искусственное прерывание беременности продолжает оставаться основным методом регулирования рождаемости в России.

Вместе с тем, последствия абортов, согласно статистике, являются причиной вторичного бесплодия 50% женщин. Поэтому аборт и решение проблемы бесплодия нахо-

Аборты могут рассматриваться как непосредственная причина изменения уровня рождаемости в связи с их влиянием на репродуктивную функцию женщин, жизнеспособность их плода. Они являются социальной проблемой ещё и потому, что касаются интересов не только женщины, но и государства.

дятся в тесной взаимосвязи. Медико-социальная значимость этой проблемы не вызывает сомнений, если принять во внимание, что в России из 140 млн населения около 53% (74 млн) составляют женщины. В активном детородном возрасте (от 20 до 29 лет) находятся приблизительно 37 млн, из них 5 млн бесплодны. Мужской фактор в структуре бесплодия у супружеских пар составляет 50%. По медицинской статистике, более 20% всех супружеских пар не обладают естественной способностью к рождению детей [Паевский 1970]. Применение новых биомедицинских технологий во многих случаях позволяет преодолеть последствия бесплодия, и ими пренебрегать абсурдно.

Новые репродуктивные технологии: возможности, проблемы и риски

В каждом человеке самой природой заложено желание иметь детей, продолжить свой род. В тех случаях, когда супруги не могут зачать ребёнка сами естественным путем, применяется искусственное оплодотворение. Оно может быть гомологичным (с использованием спермы мужа) или гетерологичным (с использованием спермы донора). Искусственное оплодотворение – это понятие, подразумевающее методы «лечения» бесплодия с использованием репродуктивных технологий. К таким технологиям относятся: искусственное оплодотворение яйцеклетки в организме женщины или вне его «в пробирке», так называемое ЭКО, или экстракорпоральное оплодотворение; ИКСИ – это разновидность программы «экстракорпорального оплодотворения» – один из видов искусственного микрохирургического оплодотворения, при котором один сперматозоид помещается непосредственно в яйцеклетку; искусственная инсеминация – это введение специально подготовленной спермы мужчины в матку, метод наиболее приближен к естественному зачатию; предимплантационная генетическая диагностика (ПГД) – современный молекулярно-биологический анализ некоторых патологий эмбриона. Предимплантационная генетическая диагностика позволяет провести генетическое тестирование эмбриона ещё до переноса его в полость матки и, соответственно, до наступления беременности. Данная методика проводится в рамках программы ЭКО и позволяет переносить в полость матки только «здоровые» эмбрионы, у которых не выявлено тех генетических заболеваний, для обнаружения которых эта диагностика проводилась [Этические проблемы...].

Таким образом, все эти методы направлены на решение одной задачи – при различных формах мужского и женского бесплодия добиться наступления беременности, обеспечить её сохранение и получить живого и здорового ребёнка.

Большинство исследователей утверждают, что с помощью репродуктивных технологий эта цель достижима. Основным и чрезвычайно убедительным аргументом является то, что в мире благодаря данным методам уже родились тысячи здоровых детей. При этом репродуктивные технологии продолжают развиваться, совершенствоваться. И если технические моменты зачастую удаётся решить благодаря достижениям науки, новым разработкам, то возникают моральные, социально-правовые и иные проблемы, не имеющие пока своего решения. Очевидной становится необходимость продуманного, взвешенного осмысления возможных отрицательных последствий использования репродуктивных технологий. Нет никаких сомнений в том, что вопросы, связанные с репродукцией человека, ещё долгое время будут волновать умы как широкой общественности, так и отдельных индивидов. И какого бы уровня развития ни достигли репродуктивные технологии, всегда найдутся те, кто будет выступать «за», и те, кто будет придерживаться точки зрения «против» [Жарова 2010].

Особый интерес с социологической и социально-философской точки зрения представляет молодёжь репродуктивного возраста с 18 до 25 лет, поскольку её отношение к новым репродуктивным технологиям определяет, по сути, многие социокультурные трансформации. С целью изучения представлений студенческой молодёжи о различных репродуктивных технологиях, получения их взглядов, мнений и оценок по рассматриваемым проблемам, было проведено социологическое исследование. В качестве респондентов (320 человек) выступили студенты экономического, технического, гуманитарного, медицинского профиля, обучающиеся в вузах г. Курска. Среди опрошенных 46% составили юноши, 54% – девушки, что соответствует гендерному распределению в стране.

На вопрос «Признаёте ли Вы применение искусственных технологий, техник в таких сферах, как репродукция человека?» 60% опрошенных дали положительный ответ. При этом 91,5%, т. е. абсолютное большинство молодых людей, знают или что-либо слышали о репродуктивных технологиях.

Среди источников, из которых молодые люди преимущественно получают информацию о новых репродуктивных технологиях, выделяются СМИ – газеты, радио, телевидение назвали 83,7% опрошенных, интернет – 66,8% и документальные фильмы, фантастику – 56%. Также информационными источниками можно назвать друзей и окружение молодёжи (29,3%), специализированную литературу (22,3%). Незначительный объём информации о репродуктивных технологиях несут семья, реклама, популярная литература и пр. Такое распределение в получении информации объясняется тем, что СМИ и интернет занимают важное место в повседневной жизни людей, в частности молодёжи.

Особый интерес с социологической и социально-философской точки зрения представляет молодёжь репродуктивного возраста с 18 до 25 лет, поскольку её отношение к новым репродуктивным технологиям определяет, по сути, многие социокультурные трансформации.

Интересен тот факт, что почти четверть опрошиваемых узнали о репродуктивных технологиях из специализированной литературы, что свидетельствует об осознанном, целенаправленном интересе к данной тематике (см. таблицу 1).

Таблица 1

Источники информации о НРТ
(аборт, искусственное оплодотворение, клонирование)

Источники информации	Ответы		% наблюдений
	N	%	
Газеты, Радио, ТВ	154	28,1	83,7
Интернет	123	22,4	66,8
Специализированная литература	41	7,5	22,3
Популярная литература, фэнтези	18	3,3	9,8
Документальные фильмы, фантастика	103	18,8	56,0
Реклама	23	4,2	12,5
Семья	27	4,9	14,7
Друзья, сверстники	54	9,9	29,3
Другое	5	0,9	2,7
Всего	548	100,0	297,8

Анализируя информационную заинтересованность студенческой молодёжи в новых репродуктивных технологиях, можно заключить, что 40% хотели бы больше знать о вреде для здоровья от их использования. В то же время 27,4% студентов интересуются механизмом рассматриваемых процедур, остальных волнуют социальные последствия (21,1%) и юридическо-правовые особенности (11,6%) (см. рис. 1). Таким образом, можно заключить, что молодёжь в первую очередь интересуется медицинской стороной вопроса, а уже затем его социальный аспект.

Информацию какого рода Вы хотели бы получить о НРТ

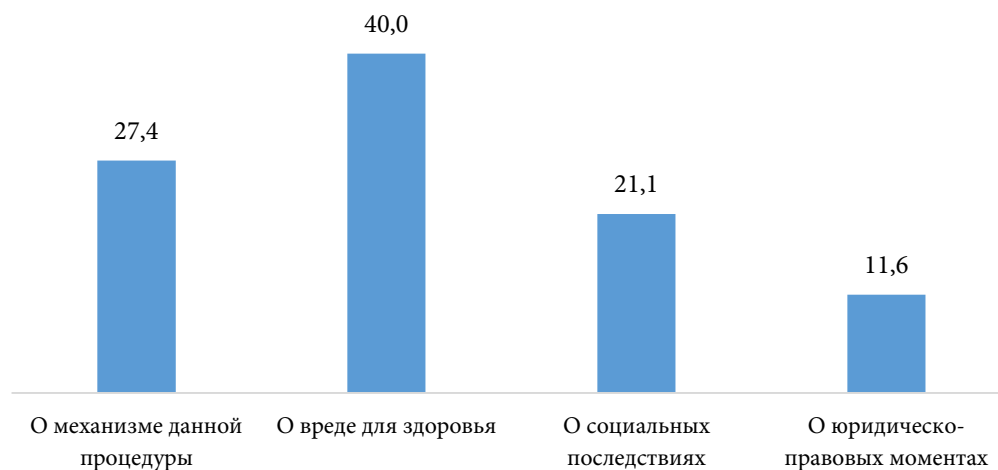

Рис. 1. Сферы знаний о НРТ

Насколько близко опрашиваемые и их окружение знакомы с репродуктивными технологиями, позволили судить ответы на вопрос: «Среди Ваших знакомых, окружения кто-нибудь сталкивался с НРТ?». Выяснилось, что у 39,5% молодых людей знакомые прибегали к технологии искусственного прерывания беременности, еще у 7% – к технологии искусственного оплодотворения.

Аборт в оценках студентов

Далее молодым людям был задан блок вопросов о различных аспектах искусственного прерывания беременности.

Так, говоря об аборте как сугубо медицинской процедуре, 45,5% респондентов считают его крайней мерой, прибегать к которой можно лишь по медицинским показаниям. Четверть опрошенных называют аборт вынужденной мерой в сложной жизненной ситуации. Недопустимой процедурой искусственное прерывание беременности находят 22% молодых людей. И лишь 7,5% относят технологию аборта к рядовой медицинской операции (см. рис. 2). Существенных различий во взглядах мужчин и женщин выявлено не было.

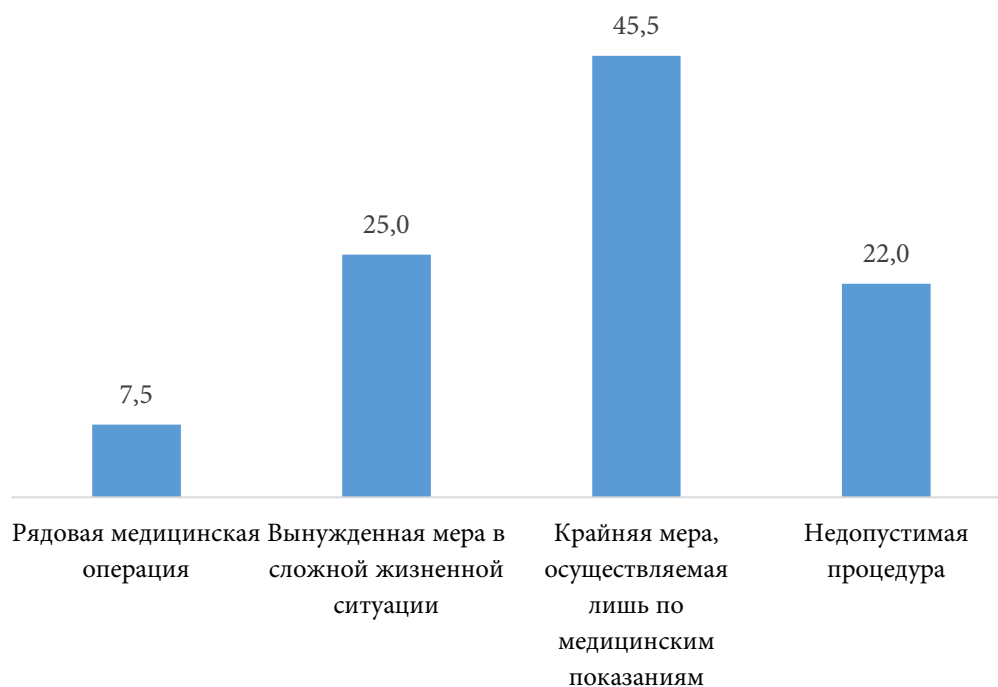

Рис. 2. Аборт как медицинская процедура

Значительно более явные расхождения наметились во взглядах мужчин и женщин на психологическую нагрузку аборта для женщины. Среди считающих аборт *психологической травмой* для женщины, что в будущем может повлечь тяжёлые эмоциональные последствия (50,3%), большинство составили именно женщины – 34,3%. Данная позиция нашла

45,5% респондентов считают аборт крайней мерой, прибегать к которой можно лишь по медицинским показаниям. Четверть – называют аборт вынужденной мерой в сложной жизненной ситуации. Недопустимой процедурой его находят 22%. И лишь 7,5% относят технологию аборта к рядовой медицинской операции.

отражение лишь у 16% мужчин. 37% респондентов рассматривают аборт как *психологически трудное решение* для женщины. Оставшаяся часть молодых людей не видят в процедуре искусственного прерывания беременности каких-либо значительных эмоциональных последствий, придерживаются той позиции, что аборт не несёт для женщины психологической нагрузки (см. рис. 3). На наш взгляд, это объясняется тем, что женщинам прежде всего в силу их природы ближе эта ситуация, во-вторых, им свойственен материнский инстинкт, они ощущают связь с будущим ребёнком, да и кроме того женщины более чувствительны, эмоциональны и гораздо сложнее, чем мужчины, переживают различные потрясения.

Однако, невзирая на некоторые различия по данной проблеме во взглядах мужчин и женщин, остаётся неизменным то, что подавляющая часть молодёжи, а именно 87,3%, всё же находят аборт психологически трудным решением с очень тяжёлой психологической нагрузкой, оставляющим заметный след в будущем эмоциональном здоровье женщины.

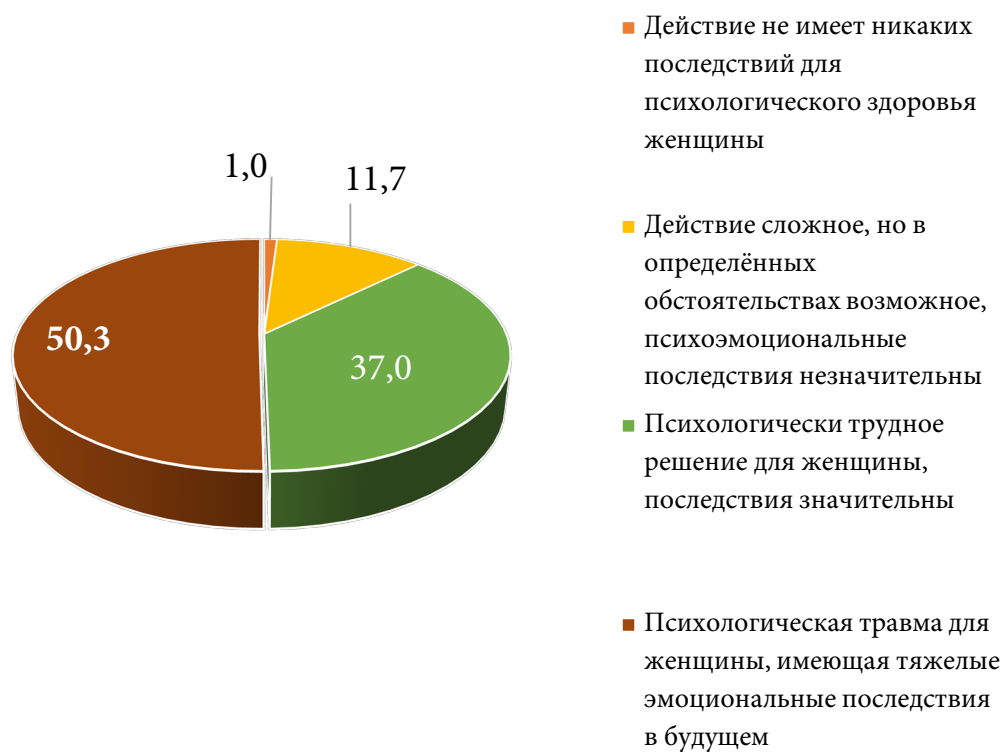

Рис. 3. Аборт как психологическая нагрузка для женщины

Отсюда весьма закономерным является тот факт, что большинство опрошенных студентов (65,5%) считают, что эмбрион представляет собой формирующийся живой организм, 28% полагают, что эмбрион – это уже человек, хотя ещё и неродившийся. Только незначительная часть молодёжи высказала мнение о том, что эмбрион – это всего лишь набор клеток отца и матери (см. таблицу 2). Можно считать, что в большинстве своём данные ответы отражают мнение, сформировавшееся в обществе относительно положения и статуса эмбриона [Леонов 2005].

Таблица 2

Статус эмбриона

Варианты ответов	Частота	%
Уже человек, хотя ещё и неродившийся	56	28,0
Формирующийся живой организм	131	65,5
Набор клеток отца и матери	11	5,5
Другое	2	1,0

Далее, рассматривая потенциальные действия, которые готовы предпринять молодые люди относительно процедуры искусственного прерывания беременности, студентам был задан вопрос: «Если перед Вами встанет проблема нежелательной беременности, какое действие Вы предпримите или посоветуете предпринять своей второй половине (жене/девушке)?». Подавляющее большинство респондентов предполагают сохранить беременность – 85,9%. Всего 9,5% молодых людей в подобной ситуации обратились бы в медицинское учреждение с целью аборта; стимулировать самопроизвольный выкидыш и прибегать к нетрадиционной медицине считают возможным 2,5% и 2% соответственно (см. рис. 4). Различий при принятии решения в условно заданной ситуации по половому признаку не наблюдалось. Такой настрой не может не радовать, однако стоит учитывать, что заданная ситуация является условной, и действия молодёжи в реальной ситуации нежелательной беременности могут несколько отличаться от заявленных.

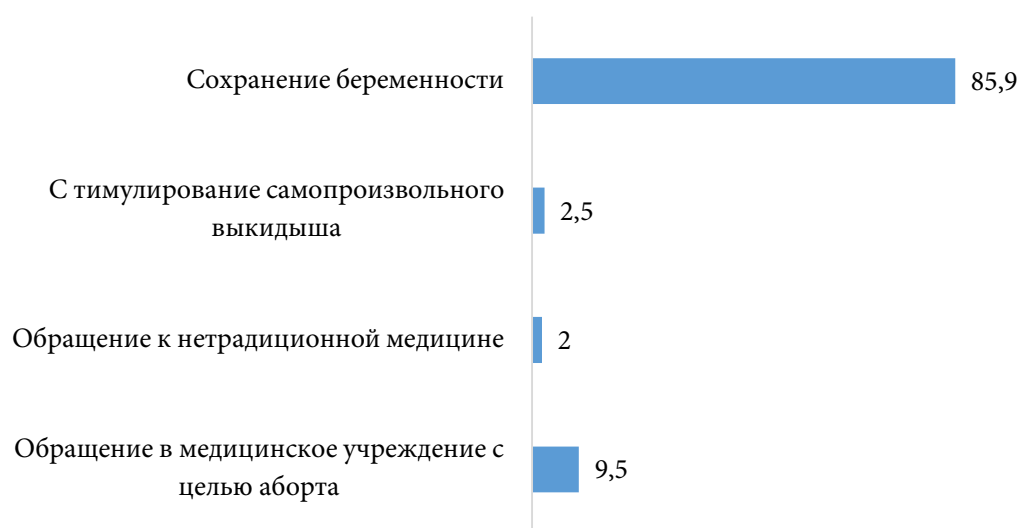

Рис. 4. Действие в случае нежелательной беременности

Вместе с тем, для проверки искренности ответов респондентов был задан следующий вопрос: «Считаете ли Вы возможным для себя или своей девушки/жены осуществление искусственного прерывания беременности?». Свыше 80% опрошенных считают невозможным в своей ситуации обращение к технике аборта, 7,5% затруднились с ответом (см. рис. 5).

Сравнивая ответы, полученные на оба вопроса, можно смело утверждать, что они весьма близки друг другу, что говорит об искренности респондентов при ответе на каждый из них.

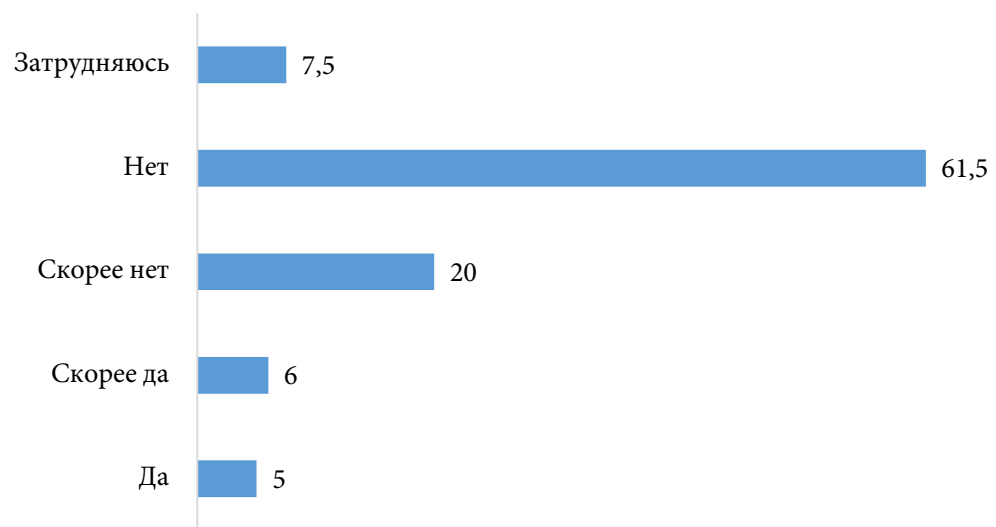

Рис. 5. Возможность осуществления искусственного прерывания беременности

Также студентам было предложено оценить уровень распространённости аборт в нашей стране по 10-балльной шкале. В итоге, по мнению большинства опрошенных, уровень распространённости данной технологии в стране колеблется от 7 до 10 баллов, т. е. довольно высок. И несмотря на то, что данная оценка является весьма субъективной, она по большей части совпадает с реальным положением. Так, по официальной статистике, Россия занимает второе место в мире по числу аборт, притом, что существуют ещё нелегальные аборты, которые не учитываются статистикой. Исходя из этого, можно говорить о том, что современная молодёжь довольно хорошо осведомлена о частоте применения технологии искусственного прерывания беременности. Тем не менее, свыше половины опрошенных студентов считают целесообразным каким-либо образом урегулировать, ограничить или даже запретить эту процедуру в нашей стране.

Говоря о случаях допустимости искусственного прерывания беременности, молодые люди отмечают наличие медицинских показаний, которые грозят здоровью и жизни матери (63,5%), выявление каких-либо отклонений в развитии плода (47%). Эти случаи относятся к медицинской стороне вопроса. Также в качестве допустимых причин аборта 35,5% студентов назвали изнасилование и юный возраст будущей матери (21%). Примечательно, что для 27,5% респондентов процедура искусственного прерывания беременности является совершенно недопустимой. Немаловажно, что социально-экономическую сторону и наличие в семье нескольких детей в качестве причины допустимости аборта отметили всего 8% в респондентов обоего пола (см. таблицу 3). Всё это вселяет надежду на готовность молодых людей серьёзно задумываться и решать проблемы, связанные с осознанным репродуктивным поведением.

Таблица 3

Случаи допустимости искусственного прерывания беременности

Варианты ответов	Ответы		% наблюдений
	N	%	
Если ребёнок нежеланный	26	6,1	13,0
В случае юного возраста будущей матери (несовершеннолетия/малолетства)	42	9,8	21,0
Если уже имеется несколько детей	16	3,7	8,0
По медицинским показаниям (в случае опасности для жизни и здоровья женщины)	127	29,6	63,5
Если выявлено, что плод с отклонениями/больной	94	21,9	47,0
В случае изнасилования	71	16,6	35,5
Одинокой/незамужней женщине	1	0,2	0,5
В случае сложной экономической ситуации в семье	16	3,7	8,0
Совершенно не допускаю	35	8,2	27,5
Другое	1	0,2	0,5
Всего	429	100,0	224,5

Как известно, ткани, остающиеся после процедуры искусственного прерывания беременности, используются в дальнейшем для различных нужд. В ходе исследования выявлено, что три четверти опрошенных респондентов негативно относятся к тому, что эмбрион после аборта используется в косметической промышленности и генетических опытах (см. таблицу 4).

Таблица 4

Отношение к использованию эмбриона после аборта в качестве материала в косметической промышленности, генетических опытах

Варианты ответов	Частота	%
Положительно	13	6,5
Скорее положительно	37	18,5
Скорее отрицательно	43	22,0
Отрицательно	106	53,0
Итого	200	100,0

Такую позицию они объясняют тем, что это безнравственно (36,5%) и нарушает этические нормы и права человека (21%). Те, кто одобряет дальнейшее использование abortивных тканей, полагают, что это способствует развитию медицины, идёт на благо другим людям, для которых производят лекарства с использованием этих тканей.

Почти половина молодых людей выступают за увеличение стоимости процедуры аборта, треть считают, что нужно оставить цену без изменений, четверть респондентов полагают целесообразным сделать аборт бесплатным. При этом, используя гендерное разделение в оценках, мы выявили, что 55,7% женщин выступают за повышение цены на аборт, при этом среди мужчин так считают 30%, в то время как 38% из них выступают, наоборот, за бесплатность данной процедуры, и лишь 14% женщин разделяют ту же позицию.

Рассматривая меры, которые необходимо предпринять в отношении искусственного прерывания беременности относительно духовно-психологической стороны изучаемого вопроса, выявлено, что более половины (57,5%) студентов считают необходимым формировать в обществе контрацептивную культуру. Это позволит исключить или, по крайней мере, значительно снизить случаи обращения к аборту как контрацептивному средству и уменьшить вероятность наступления нежелательной беременности. В то же время 46,5% молодых людей признают важность «воспитания» в обществе отношения к аборту как к греховному, аморальному явлению, недопустимому с точки зрения религии, этики и морали. 44% опрошенных волнует медицинская сторона вопроса – они считают крайне важным минимизировать нелегальные аборты, проведение которых грозит здоровью и жизни женщины, осуществляется неспециалистами, в антисанитарных условиях и сопровождается многими тяжёлыми побочными последствиями.

Таблица 5

Меры духовно-психологического плана в отношении аборта

Варианты ответов	Ответы		% наблюдений
	N	%	
Свести к минимуму нелегальные аборты, опасные для жизни и здоровья женщины	88	24,2	44,0
Проводить пропаганду / просветительскую работу о негативных последствиях аборта для здоровья и репродуктивной функции женщины	68	18,6	34,0
«Воспитывать» в обществе отношение к аборту как к греховному, аморальному явлению	93	25,6	46,5
Формировать в обществе контрацептивную культуру во избежание обращения к аборту как к способу контрацепции (защиты от нежелательной беременности)	115	31,6	57,5

Чуть более трети респондентов высказались за проведение пропаганды, просветительской работы о вреде аборта для здоровья женщины и её репродуктивной функции (см. таблицу 5). Это связано не только с различными негатив-

ными последствиями в ходе данной процедуры, но и, главным образом, с тем, что довольно часто в результате неудачного прерывания беременности возникает вторичное бесплодие, т. е. невозможность иметь детей. Информирование о потенциально негативных последствиях, возможно, позволит сократить обращения к этой процедуре и более ответственно подходить к планированию деторождений.

Отношение студенческой молодёжи к технологиям искусственного оплодотворения

Далее респондентам был задан ряд вопросов, имеющих отношение к искусственному оплодотворению. Из полученных данных следует, что 78,5% респондентов признают искусственное оплодотворение положительным явлением. По их мнению, применение этой технологии дало возможность бездетным семьям, страдающим бесплодием, обзавестись потомством (74,5%), а также одинокой, незамужней женщине, не имеющей партнёра, родить ребёнка с помощью донора спермы (19%). Подобные случаи всё чаще имеют место в настоящее время. 6,5% считают, что технология искусственного оплодотворения позволяет парам с нетрадиционной ориентацией также заводить детей (см. таблицу 6). На сегодняшний день данное явление всё чаще встречается в медицинской практике. И это не кажется уже чем-то невероятным, хотя и требует дополнительного рассмотрения социальных и ценностных трансформаций, которые, вероятно, будут спровоцированы широким применением НРТ с этой целью.

Таблица 6

Обусловленность применения технологии искусственного оплодотворения

Варианты ответов	Частота	%
Возможностью родить при бесплодии (для бездетных семей)	149	74,5
Возможностью одинокой/незамужней женщине родить «для себя», без партнёра	38	19,0
Возможностью сексуальным меньшинствам (парам с нетрадиционной ориентацией) иметь детей	13	6,5
Итого	200	100,0

В связи с этим вполне закономерно, что среди категорий граждан, которым, по мнению респондентов, следует разрешить применение процедуры искусственного оплодотворения, на первом месте стоят бездетные семьи – 76% ответивших, на втором – одинокие женщины, 32,5%. Лишь 3,5% считают возможным применение данной технологии для однополых

Среди категорий граждан, которым, по мнению респондентов, следует разрешить применение процедуры искусственного оплодотворения, на первом месте стоят бездетные семьи – 76% ответивших, на втором – одинокие женщины, 32,5%. Лишь 3,5% считают возможным применение данной технологии для однополых пар.

пар. Кроме того, 15% высказались за разрешение применения искусственного оплодотворения всем желающим; против оказались 6%. Последние считают, что эту процедуру никому нельзя разрешать и вообще надо запретить (см. рис. 6).

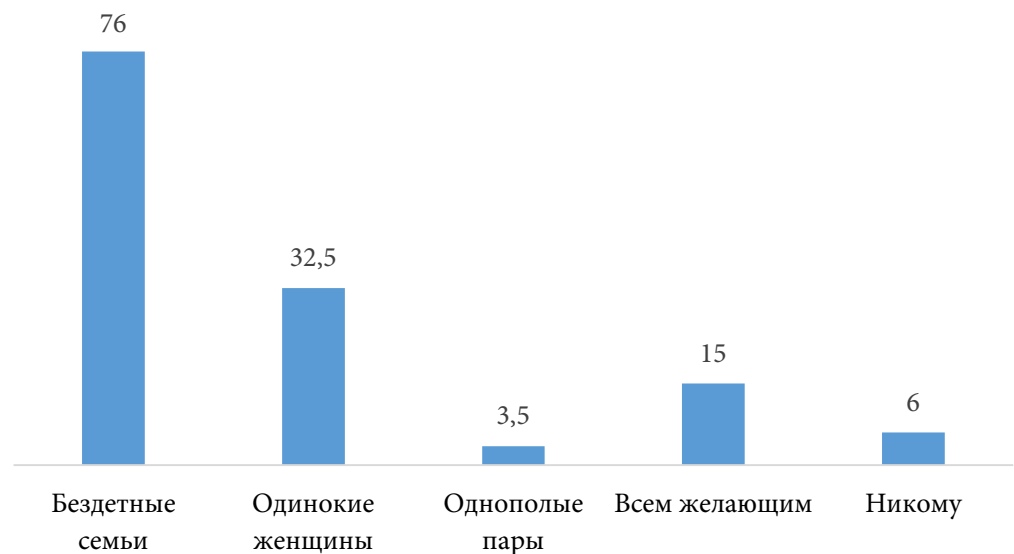

Рис. 6. Категории граждан, которым стоит разрешать процедуру искусственного оплодотворения

Определяя глубину знания молодых людей о технологии искусственного оплодотворения, был задан вопрос: «Какие виды искусственного оплодотворения Вы знаете?». Выяснилось, что 40,2% респондентов знают о таком виде искусственного оплодотворения, как искусственная инсеминация (ИИ), ещё 39,1% – об экстракорпоральном оплодотворении (ЭКО) и 17,6% – о внутрицитоплазматической инъекции сперматозоида (ИКСИ). Вместе с тем, 44,7% не знают ни о каких видах искусственного оплодотворения (см. таблицу 7), что объясняется не столь сильным распространением данной технологии и небольшими познаниями в этой области.

Таблица 7

Виды искусственного оплодотворения

Варианты ответов	Ответы		% наблюдений
	N	%	
ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение	58	21	39,1
ИКСИ – внутрицитоплазматическая инъекция сперматозоида	35	12,7	17,6
ИИ – искусственная инсеминация (с использованием спермы мужа, донора)	80	29	40,2
ПГД – предимплантационная генетическая диагностика	14	5,1	7,0
Никакие	89	32,2	44,7
Всего	276	100	148,7

Исследуя нюансы технологии искусственного оплодотворения, было выявлено, что, по мнению 76,5% опрошиваемых, крайне важно, чтобы данная процедура осуществлялась спермой партнёра, а не донора (см. рис. 7).

Рис. 7. Значение оплодотворения спермой мужа/партнёра

Это объясняется желанием супругов быть для ребёнка не только социальными, но и генетическими родителями. А учитывая, что роды при искусственном оплодотворении ничем не отличаются от обычных, тот факт, что зачатие произошло неестественным путём, не играет существенной роли.

В случаях же, когда при искусственном оплодотворении по каким-либо причинам используется сперма донора, многие родители хотят подобрать донора с теми же характеристиками, что и у них. Таким образом, даже в случае, если отец или мать не являются генетическими родителями ребёнка, велика вероятность, что он будет по некоторым внешним чертам похож на них. Это, в свою очередь, позволит в будущем избежать возможной напряжённости и некоторых психологически острых проблем.

Так, среди характеристик донора спермы цвет глаз и волос считают важным 40% ответивших против 60% тех, кто не находит данные характеристики особенно важными. Что удивительно, в отношении роста ситуация совершенно иная – более 60% респондентов считают рост одной из важнейших характеристик при выборе донора. В отношении религиозной принадлежности мнения молодых людей разделились поровну. Вполне вероятно это объясняется тем, что у молодых людей нет однозначной позиции в отношении важности данной характеристики, тем более что опрошиваемые преимущественно принадлежат к христианской религии. Абсолютное большинство молодых людей склоняются к тому, что среди характеристик донора спермы наиболее важную роль играет его национальная принадлежность, которая должна совпадать с национальностью «социальных» родителей, так ответили 87% опрошенных. Для будущих родителей, которые решили

воспользоваться технологией искусственного оплодотворения, важно, чтобы ребёнок максимально был похож на них, и национальность в этом отношении играет одну из главных ролей, т. к. генетически несёт свои специфические внешние черты. При этом такие категории, как цвет глаз и волос, считаются менее значимыми в силу того, что не в столь сильной форме несут в себе информацию о родителях, как национальная принадлежность.

Сегодня процедура искусственного оплодотворения получает всё большее распространение в мире и в нашей стране. Это уже не кажется чем-то необычным и неестественным [Леонов 2005]. Однако, несмотря на то, что искусственное оплодотворение позволяет обзавестись желанным потомством тем, кто по каким-либо причинам лишён такой возможности, лишь четверть всех опрошенных считают, что данная технология не содержит в себе никаких отрицательных моментов. Мнения же тех, кто видит в этой процедуре и негативные стороны, разделились. Так, 36,5% молодых людей считают, что искусственное оплодотворение нарушает естественные биологические процессы, а также целостность брака и семьи в случае, если донор не является супругом (29%) (см. рис. 8). В свою очередь 23,5% студентов негативно относятся к тому, что в результате искусственного оплодотворения дети могут появиться в однополых семьях, что может привести к разрушению традиционных общественных устоев и изменению понятия «семья», «родители», «дети» (по 16,5%).

Рис. 8. Отрицательные стороны процедуры искусственного оплодотворения

Несмотря на то, что искусственное оплодотворение позволяет обзавестись желанным потомством тем, кто по каким-либо причинам лишён такой возможности, лишь четверть всех опрошенных считают, что данная технология не содержит в себе никаких отрицательных моментов.

Высказывалось мнение и о том, что данная процедура провоцирует предвзятое, несправедливое отношение в обществе к так называемым «детям из пробирки», так считают 22,5% респондентов. Нюансы искусственного оплодотворения, связанные со статусом «генетических» и «социальных» родителей, рано или поздно могут послужить причиной различных проблем, а также отразиться на поведении ребёнка. Кроме того, под влиянием окружения у него могут возникнуть мысли, что он какой-то «не такой», а также проблемы с поиском своей идентичности, своего «Я». При этом учёные и врачи, следившие за здоровьем и развитием «пробирочных» детей, пришли к выводу, что никаких существенных отличий по уровню интеллекта, способности к обучению языкам, овладению всевозможными навыками у подобных детей, в сравнении с детьми, зачатыми обычным путём, не наблюдалось. Да и по физическим характеристикам они равны.

По религиозным причинам считают недопустимой технологию искусственного оплодотворения 21,5% респондентов. Многие конфессии придерживаются позиции, что искусственное зачатие является противоестественным, ибо человек берёт на себя роль Бога в продолжении рода. Эта часть опрошенных считает недопустимым вмешиваться в репродуктивную функцию человека и бороться с природой – «если Бог не дал детей, не стоит это менять». Вполне логично, что 95,4% респондентов, выбравших данный вариант ответа, причисляют себя к верующим людям.

Среди опрошенных высказывались мнения, что вместо зачатия ребёнка «искусственным путём», следует взять детей из детских домов, которые уже родились и так нуждаются в родительской заботе и тепле.

Поскольку при соблюдении медицинской технологии искусственного оплодотворения получается больше эмбрионов, чем это необходимо, и многих из них «умертвляют/удаляют», сохраняя нужное количество, студентов попросили определить, что, на их взгляд, следует делать с «лишними» эмбрионами. 45,7% считают, что необходимо не допускать такого большого числа эмбрионов, чтобы избежать их последующего «удаления». Для 41,7% респондентов наиболее приемлемым вариантом применения «лишних» эмбрионов является их заморозка для использования в будущем, 22,6% считают возможным использовать их как источник стволовых клеток, 15,6% – для создания лекарств. Помимо этого 12,6% предлагают использовать эти эмбрионы при обучении студентов-медиков и 10,6% – в различных медицинских опытах. При этом 19,1% респондентов высказались вообще за запрет данной технологии, если она сопровождается «умертвлением» эмбрионов (см. таблицу 8).

Почти треть молодых людей считают необходимым дальнейшее развитие и совершенствование технологии искусственного оплодотворения. За то, чтобы сделать искусствен-

ное оплодотворение более доступным в материальном плане, высказалось 28%, в территориальном – 18,5%. Лишь 9,5% наоборот считают, что стоит сократить количество клиник, осуществляющих искусственное оплодотворение. 9% респондентов вообще полагают необходимым запретить саму процедуру (см. таблицу 9).

Таблица 8

Действия в отношении «лишних» эмбрионов

Варианты ответов	Ответы		% наблюдений
	N	%	
Заморозить их для использования в будущем (той же парой или другой)	83	24,2	41,7
Использовать для создания лекарств	31	9,0	15,6
Использовать для создания косметики	5	1,5	2,5
Использовать как источник стволовых клеток	45	13,1	22,6
Использовать в опытах	21	6,1	10,6
Использовать для обучения студентов-медиков	25	7,3	12,6
Просто избавляться за ненадобностью	4	1,2	2,0
Не допускать такого большого числа эмбрионов	91	26,5	45,7
Запретить саму процедуру	38	11,1	19,1
Всего	343	100,0	172,4

Таблица 9

Какие действия должно предпринять общество по отношению к искусственному оплодотворению?

Действия общества	% ответивших
Способствовать дальнейшему развитию/совершенствованию технологии	30,0
Сделать его материально более доступным (снизить стоимость процедуры)	28,0
Открыть клиники, занимающиеся искусственным оплодотворением по всей стране (сделать территориально более доступным)	18,5
Сократить количество клиник, занимающихся искусственным оплодотворением, (оставить наиболее крупные центры в Москве и Санкт-Петербурге)	9,5
Удорожить процедуру	5,0
Запретить процедуру	9,0

Стоит отметить, что среди девушек чуть более 40% считают возможным для себя искусственное оплодотворение. В качестве причин, из-за которых девушки готовы на подобный

шаг, называют бесплодие, невозможность забеременеть естественным путём. Гораздо реже причиной такого решения выступает одиночество, отсутствие достойного партнёра или мужа.

Заключение

В результате проведённого анализа не вызывает сомнений тот факт, что в медицине существуют проблемы, выходящие далеко за пределы лишь медицинских интересов и распространяющиеся на социальные, правовые, духовные стороны жизни общества, приобретая государственное значение. Среди таких проблем особо стоит отметить проблемы репродуктивной медицины, к которым обществу необходимо относиться с пристальным вниманием [Юдин 2008].

Согласно полученным данным, большинство молодых людей имеют достаточное представление о новых репродуктивных технологиях и преимущественно признают правомочность их применения. В целом молодых людей интересует механизм и возможные последствия использования данных технологий. Стоит также отметить, что большая часть молодёжи придерживается того же мнения о репродуктивных технологиях, что и общество в целом. Так, среди молодёжи сложилось негативное отношение к искусственному прерыванию беременности, респонденты в основном придерживаются «смягчённой антиабортной позиции» и находят аборт крайней, вынужденной мерой, не готовы к нему прибегать. Также было выявлено, что молодёжь признаёт наличие серьёзных моральных и этических проблем, с ним связанных. К технологии искусственного оплодотворения у студентов более лояльное отношение. Однако и здесь они признают существование спорных моментов и негативных аспектов.

Молодые люди отрицательно относятся к возможности клонирования человека и выступают за запрет дальнейших опытов, признавая множество угроз, которые может принести создание человеческих копий.

Значительная часть студенческой молодёжи готова применять репродуктивные технологии по отношению к себе, в частности искусственное оплодотворение. Большинство студентов считают необходимым развитие новых медицинских технологий в области репродукции человека.

Библиографический список

Антипова Н. Д. 2005. Аборт как этическая проблема. Дис. канд. филос. наук. М. 120 с.

Биоэтический словарь: Учебное пособие / Сост. В. А. Киселёв. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УГМА, 2006. 152 с.

В медицине существуют проблемы, выходящие далеко за пределы лишь медицинских интересов и распространяющиеся на социальные, правовые, духовные стороны жизни общества, приобретая государственное значение.

Молодые люди отрицательно относятся к возможности клонирования человека и выступают за запрет дальнейших опытов, признавая множество угроз, которые может принести создание человеческих копий.

Жарова М. Н. 2010. Этические проблемы начала жизни // Научно-культурологический журнал. № 9. С. 20–29.

Иванюшкин А. Я. 2009. Морально-этические проблемы аборта и контрацепции // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. № 3. С. 39–42.

Курило Л. Ф. 2008. Развитие эмбриона человека и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукции // Проблемы репродукции. № 6. С. 34–39.

Леонов Б. 2005. Рождение in vitro // Человек. № 3. С. 56–59.

Паевский В. В. 1970. Вопросы демографической и медицинской статистики // Избранные произведения. М.: Статистика. 467 с.

Пестова Т. И., Брюхина Е. В., Дюкарева А. М. 2004. Проблемы статистической регистрации некоторых методов контрацепции // Проблемы репродукции: Ежеквартальный журнал. Том 10. № 2. С. 77–80.

Этические проблемы искусственного оплодотворения // Познавательная медицина. URL: <http://www.manada.ru/med/a-15/73/index.shtml> (Дата посещения: 25.07.2014).

Юдин Б. Г. 2008. Этические проблемы новых репродуктивных технологий: социологическое обследование // Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М.: Эдиториал УРСС. С. 56–72.

Юсупова А. Н. 2009. Аборты в России / Под ред. В. Ю. Альбицкого. М.: ГЭОТАР-МЕД. 208 с.

Problems of Intervention in Human Reproduction: a Sociological Analysis

Aseeva Irina Aleksandrovna

Doctor of sciences, senior lecturer, chief of Philosophy and Sociology Department, Southwest State University, Kursk, Russia. E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

Paschenko Ekaterina Nikolajevna

Undergraduate Student, Philosophy and Sociology Department, Southwest State University, Kursk, Russia. E-mail: kate280590@yandex.ru

The paper was prepared within the project "Human being in the innovative civilization: transdisciplinary aspects of the construction of the future", grant RGNF № 13-33-01023

Abstract. This article contains the sociological analysis of scientific intervention in the sphere of human reproduction, reproductive technologies that are based on scientific and technical achievements and the resolution of issues of reproduction and regulation of posterity in modern Russia. Research has traditionally discussed the technology of pregnancy interruption (abortion) and modern achievements of science, particularly in the field of the new reproductive technologies (NRT) such as artificial insemination, extracorporeal fertilisation and cloning. The current study respondents were the most reproductively active segment of the population – young people from 18 to 25 years. Furthermore, they were economic, technical, humanitarian, medical students who

were training in higher education institutions in Kursk. The researchers obtained information on the essence and difficulties of reproductive technologies. As Russia currently endures a demographic crisis, which many experts connect with quite liberal law on pregnancy interruption, the authors closely examined the abortion issue and determined youth's motives and degree of readiness to utilise this procedure. The second part of this research identified the relation of young people to new reproductive technologies. Such technologies have been a part of clinical practice for several decades; however, they continue to cause disputes among experts and among the public. The authors reveal a peculiar paradox. On the one hand, the deficiency of qualitative information on NRT and youth's readiness to use these technologies can lead to sharp anthropological and sociocultural risks. At the same time, the development of reproductive technologies is not only accompanied by improvements in the methods and techniques due to progress in science but also by an increase in problems that cause difficult discussions in society and demand their resolving more persistently. In this regard, the presented research of the estimates of medical technologies in the field of human reproduction will allow the development of a number of advisory measures concerning the most optimal and careful use of such technologies.

Keywords: sociology of science, bioethics, reproductive technologies, public opinion.

References

Antipova N. D. Abort kak eticheskaja problema [Abortion as an ethical problem]. Dis. kand. filos. nauk. Moscow, 2005. 120 p.

Bioeticheskiy slovar': Uchebnoe posobie [Bioethical dictionary]. 2-ed. Ekaterinburg, UGMA, 2006. 152 p.

Eticheskie problemy iskusstvennogo oplodotvorenija [Ethical issues of artificial insemination]. Poznavatel'naja medicina [Cognitive medicine]. URL: <http://www.manada.ru/med/a-15/73/index.shtml> [accessed 25.07.2014].

Ivaniushkin A. Y. Moral'no-eticheskie problemy aborta i kontracpcii [Moral and ethical issues of abortion and contraception]. Profilaktika zabolevanij i ukreplenie zdorov'ja [Disease prevention and health promotion], 2009, no. 3, pp. 39–42.

Kurilo L. F. Razvitie embriona cheloveka i nekotorye moral'no-eticheskie problemy metodov vspomogatel'noj reprodukcii [The development of the human embryo and some moral and ethical issues of assisted reproduction techniques]. Problemy reprodukcii [Problems of reproduction], 2008, no. 6, pp. 34–39.

Leonov B. Rozhdenie in vitro [Birth in vitro]. Chelovek [Human being], 2005, no. 3, pp. 56–59.

Paevskiy V. V. Voprosy demograficheskoy i medicinskoj statistiki. Izbrannye proizvedeniya [Issues of demographic and medicine statistics. Selected works]. Moscow, Statistika, 1970. 467 p.

Pestova T. I., Briuhina E. V., Diukareva A. M. 2004. Problemy statisticheskoy registracii nekotoryh metodov kontracpcii // Problemy reprodukcii. Vol. 10, no. 2, pp. 77–80.

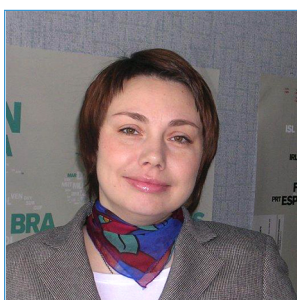
Yudin B. G. Eticheskie problemy novykh reproductivnykh tehnologiy: sociologicheskoe obsledovanie [Ethical issues of reproductive technologies: sociological research]. Bioetika: principy, pravila, problemy [Bioethics, principles, rules, problems]. Moscow, Editorial URSS, 2008, pp. 56–72.

Yusupova A. N. Aborty v Rossii [Abortions in Russia]. Moscow, GEOTAR-MED, 2009. 208 p.

Zharova M. N. Eticheskie problemy nachala zhizni [Ethical problems of the start in life]. Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal [Scientific-culturelogical journal], 2010, no. 9, pp. 20–29.

Т е м а н о м е р а : П р о б л е м ы современной молодёжи

Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодёжи в контексте социальных изменений

Ефлова Мария Юрьевна –
кандидат социологических наук,
доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета, Казань

E-mail: meflova@gmail.com

Ишкинеева Фарида Фалесовна –
кандидат социологических наук,
доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета, Казань

E-mail: farida1967@mail.ru

Фурсова Валентина Владимировна –
кандидат социологических наук,
доцент Казанского (Приволжского)
федерального университета, Казань

E-mail: vafursova@yandex.ru

Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодёжи в контексте социальных изменений

Аннотация

Молодёжь, в силу своих возрастных, социальных, психологических особенностей в большей степени, чем другие социальные и возрастные группы, восприимчива к переменам, происходящим в обществе. Именно от самоопределения молодёжи, её установок, ценностных ориентаций во многом зависит модернизационный потенциал и перспективы развития общества. Авторы статьи на основе инициативного социологического исследования анализируют социальное самочувствие студентов 1–5 курсов Казанского федерального университета, дают краткий обзор основных подходов к проблеме. Выборка составила 679 студентов, отбор респондентов случайный, бесповторный. В ходе исследования был выработан авторский инструментарий. Обработка эмпирических данных реализована в программе SPSS Statistics. Ключевыми задачами исследования являются: определение степени удовлетворённости студентов затронувшими их преобразованиями в различных аспектах вузовской жизни, выявление наиболее существенных (как объективных, так и субъективных) факторов, влияющих на их социальное самочувствие, и обозначение наметившихся возможностей его улучшения. Сфера профессиональной самореализации – одна из важнейших, и от эффективного включения в неё во многом зависит социальное самочувствие молодёжи. Результаты исследования показали неуверенность и нестабильность молодёжи на рынке труда. Наблюдаются серьёзные проблемы при устройстве на работу и в целом в области профессиональной самореализации в соответствии с полученной специальностью. Парадокс в том, что получение высшего образования не гарантирует трудоустройства. Риски, связанные с трудностями самореализации молодых людей, возникают в результате несоответствия их стремлений обрести желаемый социальный статус и ресурсов, имеющихся у различных социальных институтов. Результаты исследования позволяют выявить тенденции социального самочувствия современной молодёжи, демонстрируют её мнение и стиль мышления, акцентируют внимание на аспектах социальной напряжённости и социального здоровья, побуждают задуматься о судьбах молодёжи и перспективах развития страны.

Ключевые слова: социальное самочувствие, образовательный процесс, социальное настроение, ценностные ориентации, профессиональное самоопределение, социальная активность, профессиональная самореализация

Глобализация российского общества в целом и модернизация системы профессионального образования в частности отразились на социальном самочувствии населения. Особенно это коснулось студентов как наиболее активной категории и сказалось на эмоционально-оценочном отношении к затронувшим Россию социально-экономическим новациям, и, в частности, к процессу укрупнения вузов, что имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Одновременность и интенсивность глобальных процессов, таких, как реорганизация в форме присоединения к Казанскому (Приволжскому) федеральному университету целого ряда вузов Татарстана, подготовка и проведение XXVII Всемирной летней Универсиады-2013, подвели к необходимости мониторинга социального самочувствия студентов Казани.

Осмысление западной и российской социологических традиций позволит глубоко изучить проблематику социального самочувствия. Понимание зарубежных учёных подсказывает, что социальное самочувствие – это многомерная характеристика, охватывающая все аспекты человеческой жизни. Так, McGillivray и Mark отмечают, что «социальное самочувствие включает в себя многомерные оценки жизни, в том числе когнитивные суждения удовлетворённости жизнью и аффективные оценки эмоций и настроений» [McGillivray 2007]. Термин «социальное самочувствие» как синоним «субъективного благополучия» используется в западной социологии и зависит от объективных и субъективных факторов: материальных и духовных. Busseri M. A., Sadava S. W., Department of Psychology, Brock University (Canada) в структуре субъективного благополучия (SWB) выделяют три элемента: глобальная оценка удовлетворённостью жизнью, позитивные и негативные, аффективные реакции на жизнь. Предложенные элементы исследователи анализируют с позиций основных концепций SWB, выделяя и оценивая сильные и слабые стороны каждой модели, что позволяет авторам сделать вывод: окончательная структура субъективного благополучия не сформирована и нуждается в дальнейших научных исследованиях [Busseri, Sadava 2011]. Л. Бруни и П. Порта приводят разъяснения о различиях между «счастьем» и «субъективным благополучием» [Bruni, Porta 2007], в связи с чем встаёт вопрос о критериях определения субъективного ощущения счастья. Вместе с тем, субъективная трактовка счастья респондентами не является полной, даже в минимальной степени, ибо ограничивается проблемами респондента и его ближайшего социального окружения.

Что же касается социальных структур и иных институтов, Diener E., Diener C. (University of Illinois, United States) провели сравнительное исследование субъективной оценки и объективного состояния (психическое состояние, физическое

здоровье, материальное положение, социально-демографические факторы), опросив 5391 взрослых в возрасте от 18 лет и выше, проживающих в сельской местности. Исследование показало наименьший уровень субъективной удовлетворённости у молодёжи [Diener E., Diener C. 2004]. Западные учёные оперируют понятием «субъективное благополучие», российские – «социальным самочувствием». На наш взгляд, «социальное самочувствие» (которое может быть как позитивным, так и негативным) является оценочно нейтральным и потому более приемлемым понятием для научного исследования. Степень развития социального самочувствия проявляется в действиях человека, социальных общностей и может использоваться в качестве измерителя, позволяющего на основе определённых критериев степени его развития судить о человеке, общности, оценивая и сравнивая их с другими. Поэтому, как подчёркивает Е. Н. Бочканова, «выделить эти критерии (а, значит, оценить социальное чувство человека, той или иной общности) – сложная, но необходимая исследовательская задача» [Бочканова 2007].

Следовательно, содержание социального самочувствия пересекается с содержанием не только «качества жизни», но и «образа жизни», «стиля жизни», «уровня жизни», «социальной напряжённости», «социального здоровья», «социального настроения». Н. Л. Баталова отмечает, что смежные социальному самочувствию категории могут находиться с ним в различных отношениях зависимости и выступать в качестве: 1) понятий, характеризующихся пересечением категориальных полей с социальным самочувствием (образ жизни, стиль жизни); 2) понятий, входящих в категориальное поле социального самочувствия (социальная защищённость, уровень гарантированности и т. д.); 3) понятий, которые вступают в сравнение по отношению к категории «социальное самочувствие» [Баталова 2009].

Отечественные учёные дают следующее понимание социального самочувствия – это фактор и показатель адаптации и социокультурной интеграции личности в социум. Изменение одного влечёт за собой перемены в другом. Оно измеряется через достаточность/недостаточность объективных условий для реализации собственных притязаний; восприятие индивидом благополучия собственной жизни, а также через удовлетворённость/неудовлетворённость жизненными достижениями, условиями существования [Социальное самочувствие... 2011].

Под «социальным самочувствием» мы понимаем внутреннее состояние социального субъекта, сопровождающееся той или иной степенью удовлетворённости собственными условиями жизнедеятельности. Это состояние определяет качество жизни человека (показатель успешности социальной системы), его социальное поведение, а также влияет на его отношение

к окружающему миру. Поэтому стоит разделять социальное самочувствие личности и социальное самочувствие общности/группы.

На социальное самочувствие влияет множество как объективных, так и субъективных факторов. К объективным можно отнести уровень, качество жизни; экономические, политические, социокультурные изменения в обществе. К субъективным – ощущение стабильности социальной системы, уверенность в завтрашнем дне, ощущение благополучия и счастья.

В связи с обозначенными вопросами, главная *цель исследования* – мониторинг социального самочувствия студентов 1–5 курсов Казанского университета. На аналитической стадии поставлены задачи: определить степень удовлетворённости студентов затронувшими их преобразованиями в различных аспектах вузовской жизни; выявить наиболее существенные факторы, влияющие на социальное самочувствие студентов и наметить возможные пути улучшения их социального самочувствия. Для проведения исследования использованы социологический и статистический методы изучения ситуации. В рамках социологического исследования были разработаны специальные анкеты, включающие оценочные варианты ответов на вопросы. Выборка составила 679 студентов, отбор респондентов случайный, неповторный. В ходе исследования был выработан авторский инструментарий. Обработка эмпирических данных реализована в программе SPSS Statistics. На аналитической стадии применялись методы частотного и кросстабуляционного анализа.

Оценка степени удовлетворённости образовательным процессом в КФУ

Результаты опроса свидетельствуют о неоднозначной оценке студентами процесса укрупнения вуза и проведения масштабного спортивного события. 22% к слиянию относятся положительно, 39% – негативно, 29% выражают своё безразличие и, наконец, 10% не могут дать точного ответа. При этом 30% считают, что на качестве и организации учебного процесса проводимые в университете изменения никак не отразились, 28,4% фиксируют отрицательное влияние, 27,3% затрудняются с оценкой. Интегральная оценка степени удовлетворённости в аспекте образования подтвердилась вопросом: «Удовлетворены ли Вы процессом обучения в КФУ?». Ответы респондентов распределились следующим образом: вполне удовлетворены – 48,8% студентов, не совсем удовлетворены – 35,6%, не удовлетворены – 9,2% и 6% затруднились с ответом. Результаты опроса свидетельствуют, что учебный процесс не устраивает студентов в полной мере.

С целью выявления конкретных проблем, волнующих студентов и определяющих их социальное самочувствие, был задан уточняющий вопрос: «Если Вы не удовлетворены, то чем именно?». Можно было выбрать не более трёх вариантов: на первом месте – проблема высокой стоимости образовательных услуг (зависит от престижа учебного заведения и от востребованности специальностей на рынке труда), на втором – проблема неудовлетворительного преподавания, вызванная применением устаревших методик, на третьем – проблема нарушения равенства шансов на получение образования (тревожный фактор, возможно, вызван слиянием вузов), на четвертом – несоответствие образования рынку труда. В меньшей степени (по 10%) студентов волнует низкий уровень образования и коррупция в системе образования, отсутствие контроля государства за процессом обучения (7%), 16% затрудняются ответить (см. таблицу 1)

Таблица 1

Области неудовлетворённости, беспокойства студенческой молодёжи в сфере образования

Вариант ответа	%
Высокой стоимостью образовательных услуг	17
Устаревшими методиками преподавания	15
Нарушением равенства шансов на получение образования	13
Несоответствием образования спросу на рынке труда	12
Коррупцией в системе образования	10
Низким уровнем образования	10
Отсутствием контроля государства над процессом обучения	7
Чем-либо ещё	1
Затрудняюсь ответить	16

Престижность обучения в университете сведена к попытке выяснить отношение к вузу. На вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда говорите знакомым, что учитесь в КФУ?» подавляющая часть ответили – «гордость» (62,1%). Вариант «ничего не испытываю» выбрали 18,2% респондентов. В то же время 16,4% выбрали позицию «должное, ничего особенного» и, наконец, 2,5% – «разочарование». В целом это говорит о довольно позитивной оценке КФУ, который для получения качественного образования осознанно выбрали более половины студентов – 58,4%.

Другим важным показателем, определяющим не только удовлетворённость обучением, но и возможность подготовки специалистов высокой квалификации, является материальная база вуза. В анкете предлагалось оценить материальное обеспечение учебного процесса (удобство аудиторий, качество

Конкретные проблемы, волнующие студентов и определяющие их социальное самочувствие: на первом месте – проблема высокой стоимости образовательных услуг, на втором – проблема неудовлетворительного преподавания, на третьем – проблема нарушения равенства шансов на получение образования, на четвертом – несоответствие образования рынку труда.

лабораторий, компьютерных классов и т. д.) с целью узнать уровень удовлетворённости. В целом были получены следующие ответы: вполне удовлетворены – 46,4%, не вполне удовлетворены – 37,7%, полностью не удовлетворены – 12,7%, затруднились ответить – 3,2%. Почти половина студентов (52,3%) отмечают обеспеченность учебного процесса учебниками и учебными ресурсами как недостаточную.

Ценностные ориентации и установки студентов

Проблема профессионального самоопределения – сложный вопрос в жизни студентов, находящийся в прямой корреляции с их социальным самочувствием. Учащиеся в силу возраста и ограниченного жизненного опыта затрудняются при выборе учебного заведения и нередко профессионально определяются под влиянием случайных факторов или авторитетного мнения родителей. Тем не менее, согласно полученным результатам, 58,4% студентов КФУ заявляют о том, что «скорее шли за знаниями»; 22,9% «скорее шли за дипломом» и лишь 10,4% студентов признаются – «ни о чём я не думал, все поступали, и я тоже»; ещё 8,3% затрудняются дать однозначный ответ. Это говорит о том, что большая часть старается подходить к выбору вполне осознанно.

Растущая значимость ценностей частной жизни, таких как *семья, дети*, отмечаемая некоторыми исследователями, подтвердилась. В ранговой шкале жизненных приоритетов, составленной на основе полученных результатов, лидирующую позицию занимает желание «иметь хорошую, дружную семью, детей». Приоритетность ценности семьи можно объяснить её универсальностью, а также «возрастной и социальной спецификой социальной группы (существующая зависимость студентов от благополучия их родительской семьи дополняется ориентацией на успешное создание семьи собственной)». Вторую позицию занимает установка на материальную обеспеченность, третью – на карьерный рост и признание. Одно из последних мест – наличие интересной, творческой работы и здоровье. Влияния возрастных или гендерных различий на структуру ценностных приоритетов не наблюдается (см. таблицу 2).

На вопрос: «Как Вы думаете, будете ли Вы конкурентоспособны на рынке труда после окончания КФУ в России?» положительно отвечают 40,7% студентов. А на подобный вопрос о конкурентоспособности в Европе, Америке – всего лишь 13,9%. При этом большинство российских студентов (75,4%) выражают желание уехать в другую страну. Стремление жить и работать за рубежом без выяснения конкретных мотивов трудно объяснить, но предположить, что одним из них является возможность респондентов реализовать себя, можно. Полагают

Проблема профессионального самоопределения – сложный вопрос в жизни студентов, находящийся в прямой корреляции с их социальным самочувствием.

В ранговой шкале жизненных приоритетов лидирующую позицию занимает желание «иметь хорошую, дружную семью, детей».

ли они, что у них будет подходящая работа в жизни – на такой вопрос 44% отвечают отрицательно, 32% – затрудняются, половина опрошиваемых (50,9%) работать намереваются в Казани.

Таблица 2

Жизненные приоритеты студентов КФУ

Вариант ответа	%
Иметь хорошую дружную семью, детей	39
Быть материально обеспеченным, ни в чём не нуждаться	26
Сделать карьеру, добиться общественного признания	15
Иметь интересную творческую работу	10
Быть здоровым и долго прожить	8
Что-либо другое	1
Затрудняюсь ответить	1

Не только в процессе учебной деятельности, но и после окончания вуза у студентов возникает множество проблем с трудоустройством. И от того, может ли он обратиться к структурам, решающим подобные вопросы, или к близким людям, с доверием и уверенностью в том, что ему обязательно помогут, также зависит его социальное самочувствие. На вопрос «На чью помощь Вы рассчитываете в будущем трудоустройстве?» – 12,4% советуются с родителями. В целом студенты рассчитывают на себя и свои способности (71,8%).

Оценка общей удовлетворённости студентов своей жизнью

Исследование показало, что студенты могут позволить себе питаться в соответствии со своими вкусами (64,4%), приобретать самые необходимые продукты (74,9%). Они довольны семейной жизнью (52,8%) и, в случае необходимости, легко приспосабливаются к новым общественным условиям – 57,9%, заявляют о том, что им хватает умений жить в таких условиях. Однако, распределение ответов на вопрос: «Чего из перечисленного Вам в жизни не хватает (здоровья, хорошего жилья, руководителей, способных управлять государством, и т. п.)?», показывает, что почти половина респондентов (48,3%) ссылаются на неполное соблюдение прав человека, экологической безопасности (44,5%) и недостаточность государственной защиты от понижения уровня жизни (41,2%). Молодые люди хотели видеть более способных руководителей, управляющих государством (38,4%). Более того, лишь 14,8% могут с уверенностью говорить о стабильности в обществе/государстве. А каждый второй студент (49%) не уверен в том, что ситуация в стране будет улучшаться.

С целью выяснения степени социальной активности студентов во внеучебной сфере и их отношения к проведению Универсиады-2013 в Казани, на вопрос: «*Какие чувства Вы испытываете в связи с предстоящей Универсиадой?*» 42,2% ответили, что гордятся, а около 37% – что раздражены; а на вопрос: «*Какое значение оказывает Универсиада на КФУ, на ваш взгляд?*» 39,2% студентов видят положительное значение (расширение международных связей), 21% уверены, что она поднимает статус студенческого сообщества. «*Планируете ли Вы посетить мероприятия Универсиады?*» – желание проявили 30,1%, другие 31,1% не включают это в свои планы; 34,9% – ответили «как получится», ещё 4% затруднились с ответом. Таким образом, студенты мало заинтересованы в подобном мега-мероприятии.

В итоге

Таким образом, затронувшее Казань переустройство в форме присоединения других вузов к КФУ и знаковое событие Универсиада-2013 – не являются факторами серьёзных изменений в сфере удовлетворённости студентов процессом обучения. Большинство тенденций, выявленных на основе полученных в ходе исследования результатов, свойственны студенчеству в целом. Но делать вывод о том, насколько позитивны или негативны эти тенденции, не имея данных для сравнения, довольно трудно. В связи с этим предлагается дальнейшее проведение подобного мониторинга с периодичностью один раз в 1–2 года для выявления динамики мнений. Пока можно констатировать неуверенность и нестабильность молодёжи на рынке труда, где наблюдаются серьёзные проблемы при устройстве на работу и в целом в области профессиональной самореализации в соответствии с полученной специальностью. Парадокс в том, что получение высшего образования не гарантирует трудоустройства. В то же время, сфера профессиональной самореализации – одна из важнейших, и от эффективного включения в неё зависит социальное самочувствие современной российской молодёжи.

Библиографический список

Бочканова Е. Н. 2007. Социальное самочувствие горожан как детерминанта содержания и направленности муниципальной политики. Автореф. дисс. канд. социол. наук. Екатеринбург. 25 с.

Баталова Н. Л. 2009. Социальное самочувствие молодёжи в условиях изменяющегося общества (региональный аспект). Автореф. дисс. канд. социол. наук. Тюмень. 26 с.

Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Пер. с нем. М.: Логос, 2010. 249 с.

Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / Под ред. М. К. Горшкова. М. – СПб.: Нестор-История, 2011. 176 с.

Busseri M. A., Sadava S. W. 2011. A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis // *Personality and Social Psychology Review*. V. 15. № 3. P. 290–314.

Bruni L., Porta P. L. 2007. Introduction // Luigino B., Porta P. L., eds. *Handbook on the Economics of Happiness*. Cheltenham, UK: Edward Elgar. P. 303–334.

Diener E., Diener C. 1996. Most people are happy // Diener E., Diener C. *Psychological Science*. V. 7. № 3. May. P. 181–185.

Easterlin R. 2004. The Economics of Happiness // *Daedalus*. № 133 (2). P. 26–33.

McGillivray M. 2007. Human Well-being: Issues, Concepts and Measures // McGillivray M., ed. *Human Well-Being: Concept and Measurement*. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan. P. 88–112.

Frey B. S., Alois S. 2002. *Happiness and Economics: How the Economy and Institutions Affect Human Well-Being*. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 200 p.

Students' Social Well-Being and Values in the Context of Social Changes

Eflova Maria Yurievna

Candidate of sociological sciences, docent of Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: meflova@gmail.com

Ichkineeva Farida Falesovna

Candidate of sociological sciences, docent of Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: farida1967@mail.ru

Fursova Valentina Vladimirovna

Candidate of sociological sciences, docent of Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: vafursova@yandex.ru

Abstract. Young people are particularly perceptive to the changes that occur in society because of their age and social and psychological peculiarities. Their self-understanding, social values and purposes determine the modernisation potential and perspectives of society's development. The authors of the following article analyse the social well-being of 1st- to 5th-year KFU students using initiative social research. The authors conduct brief analyses of the main approaches to the problem of social well-being. The key aims of the research are to define students' level of satisfaction with changes in different aspects of university life, to determine the main factors that affect the students' well-being, and to propose means of improving students' social well-being. There are many subjective and objective factors that influence social well-being. The field of professional realisation is one of the most important factors that strongly affect youth's social well-being. The results of the current research demonstrate the youth's lack of confidence and instability in the labour market, which

displays serious difficulties in youth employment and professional realisation. The paradox is that a high level of education does not guarantee employment. The risks that are associated with the uncertainty of youth's opportunities for self-realisation are caused by the imbalance of students' social position expectations and the resources of various social institutions. The results of the research demonstrate the trends of youth social well-being, showing youth opinions and mental style, and bring attention to the aspects of social tension and social health, the future of youth and a country's development.

Keywords: social well-being, educational process, social mood, social values, professional realization, social activity.

References

Batalova N. L. Social'noe samochuvstvie molodiozhi v uslovijah izmeniajushhegosia obschestva (regional'ny aspekt) [Social well-being of young people in the changing society]. Avtoref. diss. kand. sociol. nauk. Tiumen, 2009. 26 p.

Bochkanova E. N. Social'noe samochuvstvie gorozhan kak determinanta sodержaniya i napravlenosti municipal'noH politiki [Social well-being of citizens as a determinant of the content and orientation of municipal policies]. Avtoref. diss. kand. sociol. nauk. Ekaterinburg, 2007. 25 p.

Bruni L., Porta P. L. Introduction. Luigino B., Porta P. L., eds. Handbook on the Economics of Happiness. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2007, pp. 303–334.

Busseri M. A., Sadava S. W. A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis. *Personality and Social Psychology Review*, 2011, Vol. 15, no. 3, pp. 290–314.

Diener E., Diener C. Most people are happy. *Diener E., Diener C. Psychological Science*, 1996, Vol. 7, no. 3, May, pp. 181–185.

Easterlin R. The Economics of Happiness. *Daedalus*, 2004, no 133 (2), pp 26–33.

Frey B. S., Alois S. Happiness and Economics: How the Economy and Institutions Affect Human Well-Being. Princeton, N. J., Princeton University Press, 2002. 200 p.

Gorshkov M. K., ed. Social'noe samochuvstvie naseleniya v uslovijah reform: regional'ny aspekt [Social well-being of citizens in reform period: regional aspect]. Moscow – Saint Petersburg, Nestor-Istorija, 2011. 176 p.

McGillivray M. Human Well-being: Issues, Concepts and Measures // McGillivray M., ed. Human Well-Being: Concept and Measurement. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan, 2007, pp. 88–112.

Sovremennoe obschestvo: obschestvo riska, informacionnoe obschestvo, obschestvo znaniy [Modern society: risk society, informative society, knowledge society]. Moscow, Logos, 2010. 249 p.

Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии

«Научная школа» в научной политике и социальном исследовании

Козлова Лариса Алексеевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая сектором, Институт социологии РАН, Москва

E-mail: LarissaKozlova@yandex.ru

«Научная школа» в научной политике и социальном исследовании

Аннотация

В статье рассматривается содержание понятия «научная школа» в российских науковедческих и социологических исследованиях, а также его толкование в нормативных документах научной политики. Рассматривается междисциплинарный методологический подход в российских исследованиях научных школ, возникший в 1960 - е гг. на стыке философии, социологии и психологии, и его значение в современных условиях. Проанализированы толкования и применение данного понятия в научной политике в контексте дополнительного финансирования научных школ с целью поддержания и развития науки. Показана значимость традиционного подхода для изучения истории науки, социолого-психологического исследования феномена научных школ, а также его недостаточность при изучении и идентификации школ в условиях современных российских трансформаций. Акцентируется внимание на специфике и идентификации школ социально-гуманитарного профиля. Сделаны следующие выводы. В науковедческом и историко-социологическом исследовании отсутствуют критерии научной школы, учитывающие специфику социально-гуманитарных наук и современные факторы их развития. Это затрудняет идентификацию реальных научных школ. В государственной научной политике не учитываются современные критерии идентификации и финансирования научных школ, что порождает проблему их имитации, самопровозглашения. По данным некоторых исследований, в настоящее время научные школы не являются структурами, дополнительное финансирование которых может служить фактором развития науки, удержания в ней молодёжи.

Ключевые слова: научная школа, науковедение, социология науки, государственная научная политика, критерии идентификации научных школ в социально-гуманитарных науках, развитие науки

Постановка проблемы

В последние два десятилетия возникла новая волна интереса к понятию «научная школа». Во многом это связано с тем, что такая форма кооперации стала объектом целевого финансирования и грантовой поддержки. Понятие «научная школа» содержится во многих документах. Но, как видно, законодатели пользуются им интуитивно, вызывая тем самым неоднозначные толкования у тех, кто должен исполнять принятые решения, включая само научное сообщество. Впрочем, расплывчатость рассматриваемого понятия в нормативных документах вполне объяснима. Оно очень

многозначно и в научном контексте, из многообразия его смыслов нелегко выделить инварианты. Адаптация понятия к изменяющимся реалиям российской научной жизни требует специального внимания. Кроме того, так сложилось, что в российских исследованиях научные школы традиционно рассматривались с точки зрения философии науки, социологии и психологии, и фактически не учитывались их экономическая и организационно-производственная составляющие. Не учитываются и те изменения, которые сейчас происходят внутри науки и вне её.

Пока в теоретической проблематике научных школ остаётся столько неясного, вряд ли возможно адекватное инструментальное применение этого понятия и в социальной политике, и в жизни научного сообщества. Специфика российского употребления понятия «научная школа» в том, что оно наделяется определённым конструктивистским потенциалом. Иными словами, некоторые научные структуры и коллективы ради морального капитала или дополнительного финансирования могут с помощью формальных шагов номинировать себя на звание научной школы. Это лишает понятие её первоначального смысла и роняет престиж науки. Каковы критерии выделения научных школ? Как в ситуации неопределённости должны вести себя институции, стремящиеся претендовать на подобного рода поддержку? Кого выдвигать в качестве соискателей? Насколько сегодня оправдано специальное финансирование именно этой структуры, если за конечную его цель принять повышение эффективности науки? Возникает своеобразная дилемма: либо уточнять современные критерии идентификации научных школ (и, соответственно, условия их финансирования), либо многим образованиям, ныне номинированным как «научные школы», давать другое название.

Об определении понятия «научная школа» в нормативных документах

Вопрос о том, насколько оправдан взгляд на научные школы как ячейки сохранения и развития научного знания, пока оставим в стороне. На примере основополагающих документов социальной политики покажем, что в этом контексте рассматриваемое понятие не является конструктивным, отвечающим декларируемым целям. С его помощью трудно понять, как идентифицировать научные школы, их руководителей и участников. Впервые Правительство РФ решило дополнительно профинансировать научные школы в 1995 г. и приняло постановление «О государственной поддержке ведущих научных школ РФ»¹, предполагая с его помощью сохранить и поддер-

¹ Это постановление 1995 г. утратило силу только с 10.04.2014 в связи с «приведением нормативной правовой базы в соответствие с Законом об образовании и сопутствующими ему поправками».

жать науку в кризисных условиях. В этом постановлении понятие «научная школа» никак не расшифровывалось. В качестве соискателей на получение гранта указывались «действительные члены и члены-корреспонденты» российских академий наук, «а также лица, получившие государственные научные стипендии для выдающихся учёных и талантливых молодых учёных России, активно ведущие научные исследования в научных организациях и учреждениях Российской Федерации». Конкретнее на момент подачи заявки (т. е. в 1994–95 гг.) соискатель должен был (1) быть руководителем или участником работы по грантам РФФИ или РГНФ, по проекту Министерства науки или программе Госкомитета по высшему образованию; (2) иметь (также в указанные два года) научные публикации в ведущих журналах или монографии; (3) работать в РФ не менее 9 месяцев в 1994 г. или не менее 6 месяцев в 1995 г. [О государственной поддержке ведущих научных школ РФ..., 1995]. Наличие у соискателей перечисленных качеств, а также (что важно на момент подачи заявки) названных проектов и публикаций следовало (по умолчанию) рассматривать как участие этих учёных в ведущей научной школе.

В положении следующего, 1996 г. «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки научных исследований молодых российских учёных – докторов наук и государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации» находим косвенную ссылку на то, что соискатели должны иметь учеников и входить в научные коллективы (не уточняется, в каком качестве): средства, помимо затрат на проведение исследований, предназначаются «для материальной поддержки получателя этих средств, его учеников и членов его научного коллектива» (курсив наш. – Л. К.) [Постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 1996 г....]. Согласно этому документу статус соискателя определялся следующим образом: ими могли стать «граждане Российской Федерации, внёсшие значительный вклад в науку, активно ведущие научные исследования в научных организациях, на промышленных предприятиях или в образовательных учреждениях, занимающиеся подготовкой научных кадров в Российской Федерации»). Как и предыдущий, этот документ не убеждает, что речь в нём идёт именно о «ведущих научных школах», а не об успешных объединениях другого типа или об учёных, добившихся индивидуальных результатов. Тем не менее, по итогам первых конкурсов был издан справочник «Ведущие научные школы России» [Ведущие научные школы... 1998], в котором давался перечень более чем 600 научных школ¹.

¹ О динамике численности образований, которым присваивался статус ведущих научных школ и давалось дополнительное финансирование в 1999–2008 гг., см. в статье И. Дежиной и С. Егерёва [Дежина, Егерев].

Приведённые описания кочевали из документа в документ, не внося необходимой ясности в деятельность, которую те должны были регулировать. С 2005 г. в правительственных документах впервые появилось определение научной школы¹: «Ведущей научной школой Российской Федерации считается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединённых совместной научной деятельностью. Указанный коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров, иметь в своём составе руководителя, а также молодых (до 35 лет) исследователей» [Постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2005 г...]. В переложении на обычный язык определение научной школы, причём ведущей, включает следующие её признаки: школа представляет собой сложившийся коллектив разновозрастных научных сотрудников (в том числе до 35 лет) во главе с руководителем; ведёт научные исследования по общему направлению и осуществляет подготовку научных кадров. Не нужно быть науковедом, чтобы задать вопрос: чем такая «научная школа» отличается от большинства обычных подразделений – центров, отделов, секторов, лабораторий и т. п., – которые трудятся в российских академических институтах или НИИ? Разве что требованием иметь в своём составе молодые кадры, которое удовлетворяется всё реже. Нельзя не согласиться со словами И. Г. Дежиной о том, что «определение позволяет идентифицировать в качестве ведущей научной школы практически любой коллектив, совместно (в том числе временно) работающий над научным проектом» [Дежина, Егерев].

К настоящему времени понятие «научная школа», применяемое в нормативных документах, не стало определённое. Достаточно сослаться на документ конца 2013 г. – «Извещение о начале и условиях...» конкурса научных школ на 2014 г. [Извещение о начале и об условиях... 2013].

Примерно с 2010 г. прокатилась волна, связанная с административным созданием научных школ в российских университетах². Каждое научное заведение принимало собственное «Положение о научных школах» (в некоторых случаях – о «научно-педагогических школах»). Беглый просмотр таких положений в интернете показывает, что все они составлены произвольно и включают различающиеся пункты (определение, цели, задачи; условия реорганизации или ликвидации и т. д.). В них перечисляются критерии научных школ или научно-педагогических школ, порядок их выделения (создания, формирования, регистрации и т. п.); нередко

¹ В 2003 г. программа финансирования научных школ из ведения РФФИ была передана в Министерство науки РФ.

² На основании какого документа, установить не удалось.

Примерно с 2010 г. прокатилась волна, связанная с административным созданием научных школ в российских университетах. Каждое научное заведение принимало собственное «Положение о научных школах».

включается приведённое выше определение научной школы от 2005 г. Подчеркнём, что все эти критерии авторами положений выделялись применительно к собственному вузу. Иногда даже указывалось, на какую должностную единицу возложить ответственность руководителя школы. В качестве обязательной части в положениях содержатся типовые таблицы: «Квалификационная карта научной школы», «Сведения о научной школе» и «Результативность работы научной школы за последние 5 лет», которые заполняются претендентами на статус научной школы. Решение о придании неким внутривузовским структурам (как правило, это кафедры) статуса научной школы и занесении её в реестр научных школ данного вуза принимается учёным советом и утверждается приказом ректора. Положения не содержат ссылок на конкретные документы – основания для их создания, а лишь на российское законодательство в общем и устав вуза. Знакомство с рядом положений показывает, что преимущественно (если не абсолютно) учреждённые таким образом «научные школы» вряд ли могут иметь что-то общее с идеями самоорганизации и создания особого направления, особого научного вклада. Это искусственные образования, получившие уже терминологически занятое наименование и, по-видимому, возникшие в целях таким образом интегрировать образование и науку¹.

Понятие «научная школа» в науке

Как отмечалось, трактовки и типологии рассматриваемого понятия многообразны. И в российском, и в западном науковедении школы выделяются по самым разным основаниям. Они связываются с именем своих создателей, местом возникновения, с научной методологией или тематическим направлением и т. д. Выделяются и национальные научные школы [Здравомыслов 2007]. Это сообщество в российской науке традиционно характеризуют два измерения: когнитивное (научные идеи) и социальное (люди и их взаимодействия, межличностное общение). Также считается, что школа должна одновременно обладать тремя функциями: исследовательская, образовательная, новационная.

¹ Объяснение этой волне создания искусственных научных школ может быть получено из «Доклада о результатах и основных направлениях деятельности на 2011–2013 годы» Министерства образования и науки (М., 2010). В документе сообщается, что показатель «Удельный вес вузовского сектора науки во внутренних затратах на исследования и разработки» за 2009 г. был недофинансирован на (целых!) 47,4%. Причиной послужило то, что, как сказано в докладе, «доля данного сектора науки в общем объёме затрат на научные исследования и разработки увеличивается более медленными темпами, чем запланировано» (см.: <http://old.mon.gov.ru/files/materials/8639/doc-2011.htm>). Пришлось форсировать расширение этого сектора.

Если говорить об отличиях российских трактовок от западных, то в западном науковедении и социологии науки термин «научная школа» (science school, research school) применяется только для *исторического анализа*. По мнению западных исследователей, лишь ретроспективный взгляд даёт возможность квалифицировать некое научное образование в качестве научной школы. Это историческая реконструкция, фиксирующая то, что осуществилось и было признано сообществом.

В России впервые термин «научная школа» стал широко применяться в советское время – в 1920–30-е гг., когда шло радикальное переустройство науки. Интерес к исследованию этих сообществ проявился с возникновением науковедения и социологии науки – в 1960-е, а особенно – в 1970–80-е годы. Описание научной школы, ставшее наиболее популярным, дал социальный психолог М. Г. Ярошевский, который рассматривал её как форму объединения процесса исследования и обучения молодёжи в науке, образование научного коллектива, члены которого характеризуются единством программных установок, отношениями «учитель – ученик» [Ярошевский 1977: 42–43]. Временное затухание интереса к проблематике научных школ произошло в 1990-е гг.

Важно подчеркнуть, что созданное в 1960–1970-е гг. новое направление исследований – «наука о науке» – объединяло подходы философии, социологии и психологии. Возникшая на этой почве довольно расплывчатая психологическая методология фактически определила последующее видение проблематики научных школ в российском науковедении и социологии науки. Обращая внимание на этот факт, И. Г. Дежина и В. В. Киселёва пишут: «Направленность подобных исследований предполагала изучение социальных аспектов развития особого “организма”, названного научной школой, и поведения учёных в рамках такой социальной группы. Новизна направления определялась тем, что в его основу были положены два взаимосвязанных подхода к анализу науки, рассматриваемой в качестве системы знаний и вида деятельности. Переплетение этих подходов даёт возможность сочетать методологию и методику социальной психологии с изучением коллективной природы научной деятельности... Поэтому изучение основных категорий науки в России пошло по пути применения психологических наук...» [Дежина, Киселёва... 2009: 8]. Такой путь и обусловил объяснение процесса научного познания и феномена научных школ как исключительно *деятельностного и психологического*. Оказалось, что научные школы (особенно в социо-гуманитарных науках) затруднительно идентифицировать, так как предложенные для их выделения критерии не всегда поддаются процедурам распознавания, оценки и измерения.

В этом можно убедиться на примерах описания критериев научных школ, принятых в российском науковедении. Так, М. Г. Лазар обобщил представления, содержащиеся

В западном науковедении и социологии науки термин «научная школа» применяется только для исторического анализа.

в работах Института истории естествознания и техники РАН (ИИЕТ) – учреждения, которое на протяжении долгого времени исследовало научные школы. Для превращения научного коллектива в школу необходимо следующее:

- учёный-лидер, обладающий незаурядной личностью, преданный своему делу и обладающий определёнными организаторскими способностями;

- перспективная программа исследования научной идеи, разработки данной методологии, методики, метода, притягательные для всех членов научного коллектива;

- долгая совместная работа по разработке одной идеи, темы в рамках одной организации;

- регулярное обсуждение в коллективе научных проблем, предлагаемых вариантов решений проблемы, полученных этапных или окончательных результатов;

- право каждого на критику без оглядки на авторитет, статус в науке и возраст; демократизм и равенство всех членов коллектива при обсуждениях;

- право на выдвижение самых “сумасшедших идей”;

- реальное взаимное уважение достоинства членов коллектива, благожелательные межличностные отношения;

- справедливая оценка со стороны лидера личного вклада младших коллег при опубликовании результатов, оплате, премировании и т. п.» [Лазар 2012: 47].

Чтобы научная школа возникла и функционировала, как отмечает М. Г. Лазар, необходимо наличие всех перечисленных условий. Отсутствие хотя бы одного из них лишает значимости все остальные. Однако не ясно, как измерить, в частности, такие пункты, как «перспективность научной программы» или «справедливая оценка личных вкладов»?

Список Е. З. Мирской, обобщающей опыт учёных, имеет много общего с приведённым выше, однако отличается от него последними двумя пунктами – о значимости научных результатов и высоком авторитете школы. Кроме того, в этом списке сделан больший акцент на роли лидера, а также наличии учеников и необходимости их роста. Однако и в нём сохраняется субъективность некоторых критериев. Автор пишет: «По признанию большинства учёных, научная школа обладает рядом атрибутивных признаков. Среди них:

1. Наличие лидера, известного авторитетного учёного с качествами харизматической личности, генератора идей и учителя.

2. Наличие у лидера оригинальной новаторской научной программы, достаточно разработанной для реального исполнения.

Научные школы (особенно в социо-гуманитарных науках) затруднительно идентифицировать, так как предложенные для их выделения критерии не всегда поддаются процедурам распознавания, оценки и измерения.

3. Наличие учеников – “школьников” – и возможностей пополнения школы.

4. Принятие единой (особой) концептуальной точки зрения на избранную проблему и общих методик для её исследования.

5. Творческая – деловая и доброжелательная атмосфера в коллективе.

6. Поощрение инициативы и самостоятельности мышления.

7. Приобретение учениками высокой квалификации.

8. Значимость научных результатов, полученных школой.

9. Высокий научный авторитет школы и “школьников” в своей области знания [Мирская 2002: 10].»

Е. З. Мирская отмечает, что эти атрибуты – не универсальные, а потому не могут быть одинаково характерными для всех этапов развития школы. Кроме того, они необходимы, но не достаточны для возникновения научной школы.

Н. Х. Розов впервые сделал акцент на научной школе как форме организации деятельности, назвав её «научно-производственным объединением, в котором, помимо традиционных научных и идейных, значительную роль стали играть и организационно-управленческие функции» [Розов 2007: 102–106]. Следующие признаки существования школы, выделяемые этим автором, характерны для многих других определений:

- общность деятельности, объекта и предмета исследования, целевых установок, идейно-методических критериев оценки деятельности и её результатов;

- наличие лидера (либо харизматичного, в качестве морально-организующего звена, либо «хозяина» или администратора и управленца);

- кооперативный принцип деятельности, обмен результатами, как по горизонтали (коллеги), так и по вертикали (ученик – учитель);

- оптимизация процесса обучения научной молодёжи и воспроизводства научной культуры;

- публичное признание – международного, государственного, отраслевого или регионального научного сообщества» [Цит. по: Дежина, Киселёва 2009: 10].

Рассмотренные критерии, как отмечалось, вызывают много вопросов, когда речь заходит об идентификации школ, измерении их научного вклада. В недавней работе сотрудников ЦЭМИ, посвящённой анализу школ как структурной единицы науки, даётся их подробная классификация с точки зрения современных условий, рассматриваются их место в науке и перспективы [Устюжанина и др. 2011]. По оценке авторов,

эффективность научных школ и перспективы сегодня нельзя считать оптимистическими, особенно в условиях бюрократизации и коммерциализации научной деятельности. Основной тенденцией становится формальное выделение научных школ в их привязке к институциям. Авторы исследования даже выделяют «проблему имитации» научных школ. «Как только некое понятие начинает увязываться с возможностью получения дополнительных денежных средств, – пишут они, – так сразу же появляется соблазн “примерить” это понятие и эти деньги на себя. В результате денежная составляющая вопроса вкупе со звучным названием определили интерес различных научных коллективов к провозглашению себя “научными школами”» [Устюжанина и др. 2011: 19]. Очевидно, что не меньшую (а может быть, и большую) роль в возникновении «проблемы имитации» играет не только дополнительное финансирование (сейчас в среднем это всего 500 тыс. руб. в год), но и стремление к престижу, так как для некоторых коллективов приобретение названия «научная школа» составляет основной научный капитал.

Происхождение советско-российских социологических школ

В настоящее время в российском социологическом сообществе легче всего идентифицировать классический тип научных школ, в которых взаимодействие развивалось по типу «учитель – ученик». Возникновению таких школ способствовала новейшая история российской социологии. Поясним это исторической справкой.

Типичным механизмом институционализации и структурирования «новой науки» в 1920–30-е гг. стала формальная фиксация коллективов (как правило, молодых во главе с опытными учёными), самоорганизованных или государственных, в качестве «научных школ». Это соответствовало общей социальной политике того времени: создать механизмы подконтрольности и закрепления кадров на определённых местах работы, создать условия для обучения новой идеологии. Такие школы возникали в новых образовательных учреждениях вокруг квалифицированной старой профессуры («спецов») или вокруг активистов-преподавателей – выпускников краткосрочных курсов, Институты красной профессуры. Однако начальный процесс формирования социологических школ в скором времени завершился.

Промежуток между 1930–60-ми гг. был временем фактического запрета социологии. Но она в усечённом или латентном виде продолжала существовать в качестве научной дисциплины – в академических институтах и службах партийных органов. В образовательной сфере её заменили курсы общественных наук – научного коммунизма, диалектического

В настоящее время в российском социологическом сообществе легче всего идентифицировать классический тип научных школ, в которых взаимодействие развивалось по типу «учитель – ученик».

и исторического материализма, советского строительства и т. п. Социология существовала в виде критики западных идей и в форме закрытых опросов, проводившихся по заказу партийных органов. Можно предположить, что социологических школ в то время не существовало. Дореволюционные были разрушены, а новые, советские, ещё не успели сложиться в короткий период 1920-х гг. Можно говорить лишь о том, что до 1960-х гг. шла латентная подготовка условий для возрождения (по другой версии – второго рождения) российской социологии с последующей кристаллизацией научных школ внутри неё.

Е. З. Мирская, выделяя периоды исторического развития научных школ в России, пишет, что с 1960-х гг. школы классического типа преобразовались в дисциплинарные в качестве структурных подразделений различных научных, а не образовательных институций [Мирская 2002: 12–13]. «Малая наука» учебных заведений преобразовывалась в «большую науку», которая сосредоточивалась в научных учреждениях. Иными словами, за «этапом обучения» последовал этап институционализации. 1960–70-е и для социологии стали годами становления советских социологических школ классического типа. Однако ввиду тридцатилетнего запрета социологии ситуация здесь заметно отличалась от той, что была характерна для многих других наук. Можно сказать, что в этот период становящиеся социологические школы одновременно имели черты и классических, и дисциплинарных. Социология (и школы соответственно) локализовалась в институтах Академии наук СССР и на предприятиях (заводская социология, проекты по изучению общественного мнения), не имея (до конца 1980-х гг.) статуса образовательной дисциплины. Тем не менее, здесь обучение по типу «учитель - ученик» проходило наряду с активно развивавшимися исследованиями, созданием методологий и методик, целых научных направлений.

Можно подытожить, что 1960–80-е гг. были «золотым веком» российских социологических школ, несмотря на стремление партийных органов препятствовать самоорганизации социологического сообщества [Фирсов 2012: 240–243]. В 1990-е гг. по многим причинам ряд научных школ прекратил существование (например, полностью исчезла так называемая «заводская социология»), другие – изменили направление исследований. Но очевидно, что работа научных школ того периода отразилась на развитии последующей социологии, несмотря на решающие переломы, которые произошли в ней в постсоветское время. Б. М. Фирсов в своей книге по социологии 1950–80-х гг. кратко воспроизводит историю создания и жизнедеятельности Новосибирской экономико-социологической школы, Ленинградской социологической школы и «Таганрогского проекта». Об их значении он пишет так: «От трёх описанных мною школ пошла современная экономическая социология, социоло-

гия труда, социология массовой коммуникации и общественного мнения. Легко просматривается генетическая связь основателей школ с нынешними лидерами этих направлений. *Не будет ошибкой сказать, что школы суть корневая система широко понимаемой среды современной российской социологии, которая была создана коллективными усилиями учёных во второй половине минувшего века»* (курсив наш. – Л. К.) [Фирсов 2012: 240].

Проблемы идентификации современных научных школ в социологии

Как уже отмечалось, в современной российской социологии легче всего идентифицировать научные школы классического типа или дисциплинарные, поскольку их критерии наиболее очевидны. В них признана фигура лидера, от которого прослеживается дальнейшая «генетическая связь», ясно обозначено место создания и функционирования, определены научное направление и вклад. Так, можно с уверенностью говорить, например, о социологических школах В. А. Ядова, В. Н. Шубкина, Л. М. Дробижевой; о Ленинградской, Уральской, Новосибирской (экономико-социологической) и т. п. Приведённые примеры проверены временем и признаны сообществом. Но следует отметить, что в социальных и гуманитарных науках критерии идентификации школ, как правило, размыты. Надо сказать, что и в России, и на Западе преимущественно изучались естественнонаучные школы, и это вполне объяснимо.

Одна из причин в том, что социальные и гуманитарные науки, по типологии Т. Куна, нельзя считать «нормальными», парадигмальными, критерии научной организации и научного знания в них определить трудно. Т. В. Захарчук проанализировала различия между двумя типами наук, обуславливающие возможности идентификации в них научных школ (см. таблицу 1) [Захарчук 2013].

Таблица 1

Специфика научных школ в естественных и гуманитарных науках

Аспект идентификации	Научные школы в естественных науках	Научные школы в гуманитарных науках
Наличие научной парадигмы	Чётко сформулированная научная парадигма	«Размытая» научная парадигма, которая может не перерасти в определённую исследовательскую программу
Наличие и характер исследовательской программы	Чётко формулируется в рамках научной школы	Выявляется только путём углублённого анализа деятельности членов научной школы

Продолжение таблицы 1

Аспект идентификации	Научные школы в естественных науках	Научные школы в гуманитарных науках
Организация исследований	Коллективный характер исследований. Высокая плотность коммуникации	Индивидуальный характер исследований. Субъективность в проведении исследований
Структура научной школы	Существует возможность чётко очертить рамки научной школы, выявить её лидера даже с помощью простого историко-научного или социологического наблюдения	Аморфность, «рыхлость» состава научной школы, связанная с нечётко сформулированной исследовательской программой. Идентификация такой школы – сложный процесс, требующий разработки специальных методик
Географическое положение	Как правило, формируется и в дальнейшем работает в рамках и одного региона, и одной научной организации (например, Казанская школа химиков, Московская математическая школа)	Не характерно наличие единого места работы для всех членов школы. Географически школа определяется по месту её создания (например, Санкт-Петербургская библиотечная школа, Тартуская филологическая школа), однако это не означает, что большинство членов научной школы работают в месте её создания
Личностные качества лидера	Лидер прежде всего должен быть хорошим менеджером: уметь организовать научные исследования, осуществлять связи с общественностью, находить финансирование для проведения исследований	Огромное значение имеет образ мысли, отношение к жизни и к людям
Количество докторов наук	Два и более	Не менее одного

Источник: Захарчук Т. В. Научная школа в библиографоведении: теоретико-методологический аспект. Автореф. дисс. ... д. пед. наук. СПб., 2013. С. 17.

Можно в чём-то не согласиться с автором, но противопоставление двух типов школ делает более очевидными интересующие нас особенности социальных и гуманитарных наук, которые в целом прослеживаются верно. Т. В. Захарчук на основе этих различий также выделяет параметры описания научных школ в естественных и социально-гуманитарных науках (см. таблицу 2).

И в России, и на Западе преимущественно изучались естественнонаучные школы.

Таблица 2

Сравнительная характеристика параметров описания научных школ в естественных и социально-гуманитарных науках

Параметры описания естественнонаучных и технических научных школ	Параметры описания научных школ в науках социально-гуманитарного цикла
Акцентирование внимания на состоянии естественных и точных наук определённого периода в целом	Основное внимание уделяется социально-политической ситуации в стране и в мире
Преимущественное описание научной карьеры лидера	Значительное внимание уделяется личной и общественной жизни лидера
Описание научных достижений, оказавших влияние на развитие мировой науки	Характеристика крупных научных трудов, признанных научным сообществом
Чёткая характеристика исследовательской программы	«Размытая» характеристика исследовательской программы
Характеризуется, как правило, чётко выраженный оппонентный круг	Характеризуются противоположные точки зрения
Описывается сфера использования результатов, полученных членами научной школы	Как правило, указываются последователи

Источник: [Захарчук 2013: 32].

Мы не ставим цель выработать критерии, модели, методы идентификации научных школ в социологии. Задача – показать, насколько многообразными, дифференцированными и аморфными в данном случае могут быть эти критерии. Кроме того, они довольно стремительно изменяются вместе с изменением ситуации в российских науке и обществе.

Под влиянием современной глобализации российские научные школы переживают не самые стабильные времена в социальном плане. Появляются новые формы научной кооперации, которые основаны на принципах гибкого проектного финансирования, при котором состав коллектива постоянно меняется, становится «проточным». Эффективными признаются ассоциации нескольких небольших групп со свободным переходом исследователей из одной группы в другую; создаются университетско-академические исследовательские центры; развиваются сетевые учебно-исследовательские структуры; появляется аутсорсинг научных работ и т. п. Нельзя не отметить и неблагоприятные процессы, связанные с реформированием науки: фрагментация научных коллективов, массовые сокращения научных сотрудников и т. п.

Проблематичным становится и когнитивный аспект развития школ. Одним из их признаков считается передача знания между поколениями, а одним из критериев – наличие в школе 2–3 поколений. Однако возникают сомнения в том, возможна ли в наше время передача знаний между поколениями из-за большой динамики современного знания. И. Г. Дежина

и В. В. Киселёва эту проблему формулируют таким образом: «...физическое и моральное старение теоретических результатов происходит такими темпами, что передача знаний между поколениями представляется слишком долгим процессом, особенно с учётом скоростей их передачи. Учёный в течение жизненного цикла, как правило, несколько раз меняет направление исследований и даже может перейти в новую научную дисциплину, поскольку создание новой теории всё чаще происходит на стыке старых специальностей» [Дежина, Киселёва 2009: 10].

Перспективы финансовой поддержки научных школ

Несмотря на неопределённость понятия «научная школа», политика поддержки этих коллективных образований продолжается. Возникает вопрос, как идентифицируются научные школы в целях их финансовой поддержки?

И. Дежина и В. Киселёва не без оснований полагают, что выделение критериев в данной области на деле оказывается не под силу управленцам от науки, которые ориентируются на прикладные результаты и не могут оценить теоретические. Компетентное решение не может быть принято и на конкурсной основе с привлечением экспертов, поскольку те оказываются в условиях парадоксального выбора: эксперты, которые считаются независимыми, не владеют оцениваемой предметной областью и не обладают необходимой квалификацией для вынесения суждений; эксперты, квалифицированные в данной проблематике, не могут считаться независимыми, поскольку представляют «конкурирующую платформу». Целевое финансирование работ, выполняемых школами по госзаказам, также вызывает сомнение, поскольку они бывают направлены на выполнение только практических задач. Тематику и приоритеты теоретических исследований должны формировать сами учёные, а не чиновники, пользующиеся партикуляристскими или случайными критериями. Варианта самопровозглашения научных школ в целях финансирования или получения морального капитала, когда критерии становятся вовсе неважны, мы коснулись выше. Научковеды пытаются создать формализованные критерии идентификации школ и оценки их деятельности, в частности, – по методике изучения научных колледжей, хорошо разработанной в западной науке [Дежина, Киселёва. Научные школы...], по экономическим показателям деятельности [Дежина, Киселёва 2009] и т. д. Однако западные рыночные модели слабо подходят российской науке. Так, по мнению тех же авторов, «получить данные об экономической природе научных коллективов, получивших государственную поддержку, пока не представляется возможным» [Дежина, Киселёва 2009: 19].

Любопытно привести статистику конкурсов ведущих научных школ в области общественных и гуманитарных наук (см. таблицу 3). Срок финансирования – 2 года (кроме конкурса 2003 г.). Все научные дисциплины, участвующие в конкурсе, имеют квоту, которая рассчитывается как частное от деления общего лимита финансирования, выделяемого из госбюджета, на средний размер гранта.

Таблица 3

**Статистика конкурсов ведущих научных школ
в области общественных и гуманитарных наук, 2003–2014**

Год проведения конкурса	Квота	Количество заявок	Примечания
2003	38	107	Самое малое кол-во заявок; для сравнения: в физико-астрономических науках – 269; в биологических и с/х – 206
2006	34	384	Кол-во заявок – самое большое; в технических науках – 352, квота – 19
2008	36	249	Кол-во заявок по физике и астрономии – 254, квота – 103; по техн. наукам. – 262, квота – 28
2010	22	398	В этом году и последующие – самое большое кол-во заявок по сравнению с другими науками (вторые – техн. науки, 333 заявки)
2012	22	241	Вторые – техн. науки, 203 заявки
2014	22	254	Вторые – техн. и инженерные науки, 217 заявок

Источник: [Гранты Президента РФ. Конкурсы научных школ...].

Из таблицы 3 видно, что количество заявок, поступавших от социальных и гуманитарных наук, колебалось. Квоты постоянно уменьшались и стабилизировались на цифре 22 (для сравнения: у технических и естественных наук квоты, как правило, росли). Сравнение с динамикой заявок, поданных от других наук, показано в столбце «Примечания». Если количество заявок от общественных и гуманитарных наук вначале (2003 г.) было самым низким, то в дальнейшем (за исключением 2008 г.) оно стало самым высоким по сравнению с другими науками. На том же сайте приводятся и списки победителей по годам с указанием фамилий (глав научных школ), тем и организаций. Изучение этих списков даёт интересный факт о школах-победителях в области социологии. За весь период их оказалось всего две. Одна из них: Ж. Т. Тоценко – тема «Новые явления в общественном сознании и социальной практике», РГГУ, 2006 г.; та же тема, РГГУ, 2008 г. Другая: В. А. Ядов, В. В. Семёнова – тема «Социологический подход к изучению исторической памяти: социальные инсти-

туты, акторы, практики меморизации», ГАУГН, 2012 г.; тема «Историческая память как социальное пространство конфликтов и солидарности», ГАУГН, 2014 г. Также за рассматриваемый период победила одна школа из области, близкой социологии: В. А. Тишков – тема «Разработка новых методов и подходов в социально-культурной антропологии», Институт этнологии и антропологии (ИЭА РАН), 2006 г.; тема «Анализ научных категорий и разработка новых методов и подходов в социально-культурной антропологии», ИЭА РАН, 2008 г.; тема «Антропология социокультурных перемен. Итоги двадцатилетнего этнологического мониторинга», ИЭА РАН, 2012 г.

Является ли сейчас научная школа эффективной структурой, которую следует приоритетно финансировать? В науковедении укрепляется отрицательное мнение на этот счёт. Объяснение связывается с естественными изменениями форм организации современной науки. В середине 1990-х программа поддержки ведущих научных школ возникла из-за экстренной необходимости сохранить потенциал российской науки. Но постепенно научные школы оказались объединениями, закрепляющими ранее сложившиеся формы научной организации, препятствующие мобильности научных кадров, развитию проектных, сетевых структур и кластеров в науке. Поэтому, по мнению И. Дежиной и В. Киселёвой, «институционализацию в форме научных школ можно рассматривать как тормоз созданию и распространению научного знания. В институциональном плане научные школы отражают все присущие научному комплексу России проблемы и структурные противоречия, и этим также определяется их отрицательное влияние на развитие науки. В этом смысле научные школы существенно отличаются от невидимых колледжей, которые не имеют организационного оформления» [Дежина, Киселёва. Научные школы...].

Е. В. Устюжанина, С. Г. Евсюков и др. считают, что процесс «школообразования» (если признавать позитивную роль школ в развитии современной науки) вообще не следует связывать с дополнительным финансированием, поскольку он определяется наличием лидера, культурой коллектива, научным творчеством. И даже напротив, попытки «непосредственного “управления научной деятельностью” путём так называемой “концентрации ресурсов”, ведущей к трансформации сложившихся научных культур и ограничению конкуренции, способны разрушить уже сложившиеся школы без всякой гарантии возникновения новых» [Устюжанина и др. 2011: 73].

Заключение

Итак, не вызывает сомнения, что российские научные школы – интересный исторический феномен, показывающий пути развития и преемственности науки. Ещё не так давно под-

В науковедении укрепляется отрицательное мнение по поводу того, является ли сейчас научная школа эффективной структурой, которую следует приоритетно финансировать. Объяснение связывается с естественными изменениями форм организации современной науки.

чёркивалось, что научные школы – это уникальное российское явление. Их исследование представляется важным для написания истории становления науки, в частности социологии. Некоторые школы, сложившиеся в социологии десятки лет назад, в том или ином виде действуют и поныне. Изучение их на основе традиционно сложившихся критериев вполне возможно. Возникновение новых научных школ, как и методология их исследования, стали проблематичными. Только будущее науковедение и социология науки, с их обновлёнными представлениями, покажут, что в этом плане происходило в наше время.

В понимании термина «научная школа» на уровне нормативных документов наблюдается неопределённость. Сложилась ситуация, когда из-за отсутствия чётких критериев для идентификации научных школ, а также стремления к дополнительному финансированию, повышению престижа они появляются там, где их фактически нет, то есть в порядке формального назначения, самопровозглашения. Это окончательно убивает идею поддержки наиболее перспективных научных объединений. И, конечно, наносит урон репутации науки и профессионального сообщества.

Уяснение критериев, по которым можно было бы идентифицировать научные школы, и организаторам науки, и самим социологам были бы крайне желательны. Но, вероятно, не меньшего внимания заслуживают современные тенденции, характеризующие структурирование науки в России и в мире. Помимо школ, это могут быть и временные коллективы, и научно-образовательные лаборатории, и сетевые объединения.

В заключение заметим, что если до 2010 г. государство в своей научной политике довольно активно отстаивало роль научных школ, то в программе РФ «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы», принятой в апреле 2014 г., они едва упоминаются.

Библиографический список

Ведущие научные школы России: Справочник. Вып. 1 / Совет по грантам Президента РФ для поддержки научных исследований молодых российских учёных-докторов наук и государственной поддержке ведущих научных школ РФ; Сост. А. И. Левин и др. М.: Янус-К, 1998. 624 с.

Гранты Президента РФ. Конкурсы научных школ: Статистика // Сайт Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации. URL: <https://grants.extech.ru/archiv.php?mlevel=2-0-0-0> [Дата обращения 21.05.2014].

Дежина И., Егерев С. Ведущие научные школы – российский феномен? // Капитал страны. Федеральное интернет-издание. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/992> [Дата обращения 04.06.2014].

Дежина И., Киселёва В. Научные школы: форма стагнации или интеллектуальной капитализации? // НашаУчеба. Ру. URL: <http://fs.nshaucება.ru/docs/92/index-707963.html> [Дата обращения 21.04.2014].

Дежина И. Г., Киселёва В. В. 2009. Тенденции развития научных школ в современной России. М.: ИЭПП. 164 с.

Захарчук Т. В. 2013. Научная школа в библиографоведении: теоретико-методологический аспект. Автореф. дисс. ... д. пед. наук. СПб.

Здравомыслов А. Г. 2007. Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. № 5. С. 114–130.

Извещение о начале и об условиях проведения конкурса на право получения грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ. 25 сентября 2013 года. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/3656> [Дата обращения 17.04.2014].

Лазар М. Г. 2012. Социология и этика науки в России: прошлое и настоящее. СПб.: РГГМУ. 262 с.

Мирская Е. З. 2002. Научные школы как форма организации науки. Социологический анализ проблемы // Науковедение. № 3 (15). С. 8–24.

О государственной поддержке ведущих научных школ РФ. Постановление Правительства РФ № 957 от 26.09.1995 // Поиск. 1995. № 41. С. 7.

Постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 1996 г. № 633 «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки научных исследований молодых российских учёных – докторов наук и государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 22. Ст. 2703.

Постановление Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2005 г. № 260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских учёных – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации» // Российская газета № 3762 от 5 мая 2005 г. URL: <http://www.rg.ru/2005/05/05/uchenie-podderjka-dok.html>.

Розов Н. Х. 2007. Понятие «научная школа» и проблема финансирования науки в России // Педагогика. № 8. С. 102–106.

Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г., Петров А. Г., Казанкин Р. В., Дмитриева М. Б. Научная школа как структурная единица научной деятельности: Препринт № WP/2011/288. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. 75 с.

Фирсов Б. М. 2012. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки: [Учебное пособие] / Б. Фирсов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского ун-та. 476 с.

Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке / Под ред С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Креба, Г. Штейнера. М.: Наука, 1977. 523 с.

The “Scientific School” in Scientific Policy and Social Research

Kozlova Larisa Alekseyevna

Candidate of philosophical sciences, chief of the department of sociology of science, Institute of sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: LarissaKozlova@yandex.ru

Abstract. This article discusses the concept of “science (research) school” in the context of Russian social studies and its interpretations in the state social policy documents that regulate the sphere of Russian science. The interdisciplinary methodological approach to the Russian studies of these schools emerged at the intersection of philosophy, sociology, and psychology in the 1960s, and this article considers its meaning in modern studies. The interpretation and application of this concept in state science policy in connection with the consideration of additional funding for scientific schools for the maintenance and development of science are analysed. The significance of the traditional approach to the study of the history of science, to sociological and psychological studies of the phenomenon of scientific schools, and its failure in the study and identification of schools in contemporary Russian transformation are shown. Emphasis is placed on the characteristics and methods for identifying schools in the social sciences and humanities. The study’s conclusions are as follows. None of the frameworks of the concept of the science (research) school in the context of Russian historical and social research take into account the specifics of the social sciences and humanities, especially their modern development. Thus, it is difficult to identify real science schools. The state science policy does not take into account the modern criteria for the identification and funding of research schools. Rather, it is a source of their simulation and self-declaration within the scientific community. According to some studies, even if the science (research) school receives additional funding, it currently is not a structure that can ensure the development of science and the involvement of young people.

Keywords: science (research) school, sociology of science, state science policy, criteria of science schools identification, science development.

References

Veduschie nauchnye shkoly Rossii: Spravochnik [Leading scientific schools of Russia: A handbook]. Vyp. 1. Sovet po grantam Prezidenta RF dlja podderzhki nauchnykh issledovaniy molodykh rossijskikh uchionyh-doktorov nauk i gosudarstvennoy podderzhke vedushhih nauchnykh shkol RF; sost. A. I. Levin i dr. M., Janus-K, 1998. 624 p.

Granty Prezidenta RF. Konkursy nauchnykh shkol: Statistika [The grants of the President of Russian Federation. Competitions of scientific schools: Statistics]. Russian President’s Council For Grants of Support of Young Researchers. Official website. URL: <https://grants.extech.ru/archiv.php?mlevel=2-0-0-0> [accessed 21.05.2014].

Dezhina I., Egerev S. Veduschie nauchnye shkoly – rossijskiy fenomen? [Are the leading scientific schools only Russian phenomena?]. Kapital Strany [The capital of the country]. Web Journal. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/992> [accessed 04.06.2014].

Dezhina I., Kiseliyova V. Nauchnye shkoly: forma stagnacii ili intellektual’noy kapitalizacii? [Scientific schools: a form of stagnation or of intellectual development?]. nashaucheba.ru URL: <http://fs.nashaucheba.ru/docs/92/index-707963.html> [accessed 21.04.2014].

Dezhina I. G., Kiseljova V. V. Tendencii razvitija nauchnykh shkol v sovremennoy Rossii [Trends of scientific schools' development in modern Russia]. Moscow, IEPP, 2009. 164 p.

Zaharchuk T. V. Nauchnaja shkola v bibliografovedenii: teoretiko-metodologicheskij aspekt [A scientific school in bibliography science: theoretical and methodological aspect]. Avtoref. diss. ... d. ped. nauk. Saint-Petersburg., 2013.

Zdravomyslov A. G. Nacional'nye sociologicheskie shkoly v sovremennom mire [National sociological schools in modern world]. Obshhestvennye nauki i sovremennost', 2007, no 5, pp. 114–130.

Izveshhenie o nachale i ob uslovijah provedenija konkursa na pravo poluchenija grantov Prezidenta Rossijskoy Federacii dlia gosudarstvennoy podderzhki vedushhih nauchnykh shkol [Information on a start point and conditions of the competition for the right to get grants of the President of Russian Federation for state support of the leading scientific schools]. 25th September 2014. Russian Ministry of Education and Science. Official website. URL: <http://minobrnauki.rf/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/3656> [accessed 17.04.2014].

Lazar M. G. Sociologija i etika nauki v Rossii: proshloe i nastojashee [Sociology and ethics of science in Russia: past and present]. Saint-Petersburg, RGGMU, 2012. 262 p.

Mirskaja E. Z. Nauchnye shkoly kak forma organizacii nauki. Sociologicheskij analiz problemy [Scientific schools as a form of science organization. Sociological analysis of the problem]. Naukovedenie, 2002, no (15), pp. 8–24.

O gosudarstvennoy podderzhke vedushchikh nauchnykh shkol RF. Postanovlenie Pravitel'stva RF no. 957 ot 26.09.1995 [On state support of leading scientific schools of Russian Federation no. 957 ot 26.09.1995]. Poisk, 1995, no 41, p. 7.

Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoy Federacii ot 23 maja 1996 g. no. 633 «O grantah Prezidenta Rossijskoy Federacii dlia podderzhki nauchnykh issledovaniy molodykh rossijskikh uchionyx – doktorov nauk i gosudarstvennoy podderzhke vedushchikh nauchnykh shkol Rossijskoy Federacii» [The decree of the Government of Russian Federation of May 23, 1996, no 633 “On grants of the President of Russian Federation for a support of scientific researches of Russian young researchers – doctors of sciences and state support of leading scientific schools of Russian Federation]. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoy Federacii [Collection of legislation of Russian Federation]. 1996, no 22, Art. 2703.

Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoy Federacii ot 27 aprelja 2005 g. no. 260 «O merah po gosudarstvennoj podderzhke molodyh rossijskikh uchjonyh – kandidatov nauk i doktorov nauk i vedushhih nauchnykh shkol Rossijskoj Federacii» [The decree of the Government of Russian Federation of April 27, 2005, no 260 “On measures of state support of Russian young researchers – candidates of sciences and doctors of sciences and leading scientific schools of Russian Federation]. Rossijskaja gazeta, 05.05.2005, no 3762. URL: <http://www.rg.ru/2005/05/05/uchenie-podderjka-dok.html>.

Rozov N. H. Poniatie «nauchnaja shkola» i problema finansirovanija nauki v Rossii [A concept of “scientific school” and a problem of financing of science in Russia]. Pedagogika, 2007. no 8, pp. 102–106.

Ustiuzhanina E. V., Evsiukov S. G., Petrov A. G., Kazankin R. V., Dmitrieva M. B. Nauchnaja shkola kak strukturnaja edinica nauchnoj dejatel'nosti [Scientific school; as an element of scientific activity]. Preprint no. WP/2011/288. Moscow, CEMI RAN, 2011. 75 p.

Firsov B. M. Istorija sovetskoj sociologii: 1950 1980-e gody. Oчерki [A history of Soviet sociology: 1950 1980. Essays]. Saint-Petersburg, Izd-vo Evropejskogo un-ta, 2012. 476 p.

Jaroshevskiy M. G. Logika razvitija nauki i nauchnaja shkola // Shkoly v nauke / Ed. by S. R. Mikulinsky, M. G. Jaroshevsky, G. Kreb, G. Shteyner. M.: Nauka, 1977. 523 p.

Социология управления

Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали

Тихонов Александр Васильевич –
доктор социологических наук, профессор,
руководитель Центра социологии управления
и социальных технологий,
Институт социологии РАН, Москва

E-mail: alvast39@mail.ru

Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали

Аннотация

Статья представляет собой краткое изложение результатов исследования, проведённого Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН в 2011–2013 гг. в рамках мета-проекта «Гражданская экспертиза сферы управления». В фокусе внимания проекта – проблема реформирования отечественной системы управления в связи с новыми вызовами и стратегиями развития страны в XXI веке. Об этом многие пишут и говорят, но мало кто начинает свои рассуждения с диагноза состояния системы управления и заканчивает анализом последствий различного рода вмешательств. В статье предпринята попытка соединить социологический и культурологический подходы для экспликации оценок гражданами страны различных аспектов функционирования властно-управленческой вертикали. Эта вертикаль перманентно находится в неустойчивом динамическом равновесии с внешней и внутренней средой, выполняя при этом сложные и противоречивые функции воспроизводства государственно-общественных отношений и, одновременно, инициирования их изменений. Социологический подход даёт возможность измерить степень электоральной поддержки гражданами действий органов власти и управления, а культурологический – позволяет учесть весь диапазон оценок, свидетельствующих о способности граждан принимать рациональные решения. В этой связи был предложен триплекс-анализ как новый способ измерения различных аспектов функционирования властно-управленческой вертикали на основе оценок граждан. Он включает в себя как манихейские критерии (только «за» и только «против» в отношении работы органов власти и управления), так и критерий медиации («срединности»), трактуемый как возможность участия граждан в поисках более рационального и взвешенного «третьего пути». Помимо обоснования научной и практической актуальности данного исследования, в статье представлены примеры эмпирической проверки гипотез о факторах, влияющих на формирование различных диспозиций населения, и выводы о возможностях прогнозирования перспектив трансформации властно-управленческой вертикали на основе процедур триплекс-анализа.

Ключевые слова: социетальная регуляция, властно-управленческая вертикаль, реформирование, социологический и культурологический подходы, ментальность, оппозиции массового сознания, манихейство, медиация, триплекс-анализ

Научная и практическая актуальность исследования

Проблемы социетальной регуляции отношений в обществе, к которым относится генезис и функционирование властно-управленческой вертикали, теоретически рассматриваются в работах Т. И. Заславской, Н. И. Лапина, Ж. Т. Тощенко и целого ряда других российских исследователей. В последнее время всплеск внимания к политическому аспекту этих проблем возник в связи с протестными движениями в период выборов в Государственную Думу и Президента РФ (на который пришёлся и эмпирический этап нашего исследования) и в связи с 20-летием проводимых в стране реформ. Последнему посвящён, например, целый номер журнала научно-исследовательского комитета Университета Высшей Школы Экономики (Мир России, 2012, № 1). Здесь, наряду с выступлениями известных экономистов, непосредственных участников реформ 1990-х гг. (Я. М. Уринсон, С. Ю. Глазьев, М. Л. Григорьев), напечатана и статья М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой и М. Е. Петухова «Юбилей российских реформ, социологический диагноз» [Горшков и др. 2012]. В ней представлены уже не откровения очевидцев и не самооправдание причастных, а эмпирические данные двух исследований: 1) «Новая Россия: десять лет реформ» (2001, ИС РАН) и 2) «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011, ИС РАН), где динамика событий представлена одновременно и как история противостояния двух лагерей: сторонников и противников реформ. Если в 2001 г. их соотношение составляло 47 и 37%, то сегодня разрыв сократился (34 и 29% соответственно) при увеличении слоя «срединников» или, по-нашему, медиаторов, не придерживающихся крайних ответов. При этом не может не настораживать странная закономерность: реформы у нас идут все эти годы одна за другой, но нельзя назвать ни одной, которая закончилась бы общепризнанным положительным результатом.

Случайно ли это? Какую роль при этом играет сама «властно-управленческая вертикаль»? Трудно ответить однозначно. Возможно, дело в том, как пишут авторы статьи, что необходимые «преобразования в стране начались как реформирование «сверху», – без учёта не только мнения населения, но и позиции депутатского корпуса». Приход к власти «умеренных реформаторов» во главе с В. В. Путиным только частично устранил отрицательные последствия этой политики, оставляя без изменения «не поддающиеся пока решению проблемы неэффективного государственного управления, чрезмерного роста социальной дифференциации, неработающие законы и отстающую в развитии социальную сферу» [Горшков и др. 2012: 80].

Реформы в России идут все эти годы одна за другой, но нельзя назвать, ни одной, которая закончилась бы общепризнанным положительным результатом.

Всё это, вроде бы, даёт веские основания говорить о провале такого типа реформирования. Но никто, кроме крайних противников, такого заключения пока не делает.

Остаётся добавить к выводам уважаемых коллег, что формирование властно-управленческой вертикали происходило не только без участия общества, но и с нарушением хорошо известных кибернетических законов: о необходимом информационном разнообразии субъекта и объекта управления, о действии положительной и отрицательной обратной связи и др., не говоря уже о медицинском законе «не навреди». При этом отсутствуют примеры того, чтобы наши реформы обеспечивались каким бы то ни было научным или, тем более, социологическим сопровождением.

Казалось бы, всё понятно. Есть исчерпывающий ответ: виноват авторитарный стиль управления, одинаково губительный как для граждан, так и для науки. Но и после такого, вполне правдоподобного утверждения, подлинные проблемы конструирования наиболее подходящего для России механизма социальной регуляции происходящих в ней процессов не проясняются. Стили, кроме авторитарного, бывают ещё, например, либеральными (в смысле попустительства), демократическими и смешанными. При этом они могут быть более или менее адекватными реальным проблемам выживания и развития страны, отвечать интересам всех, большинства или только отдельных слоёв общества. Но кто может с уверенностью сказать, какой стиль или способ управления адекватен внешним и внутренним вызовам в конкретных исторических условиях, а какой нет? Кто скажет, как, на самом деле, складываются эти стили: спонтанно, снизу или конструируются органами власти и управления? Может ли быть гарантией адекватности стиля управления реальным вызовам и угрозам та или иная поддержка его населением? Какой процент поддержки достаточен, чтобы власть и управление были и легитимны и эффективны? Во всём этом нет ясности. Несомненно, что без научных исследований ответить на эти и подобные вопросы не представляется возможным.

Похоже, что и у нас, и за рубежом только сейчас намечился серьёзный поворот политиков к решению проблем управления: социально-политическими, экономическими, экологическими и др. процессами на научной основе, поскольку за последние годы эти процессы не раз показывали свою неконтролируемую стихийно-разрушительную силу, несмотря на то, что начинались из самых благих намерений. Не случайно, в последнем докладе Национального разведывательного совета США под названием «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры» говорится, что сегодня в основу прогнозных оценок специалисты кладут как традиционные показатели (ВВП, численность населения, уровень технологических инноваций

Отсутствуют примеры того, чтобы наши реформы обеспечивались каким бы то ни было научным или, тем более, социологическим сопровождением.

и военных расходов), так и новые – здоровье, качество образования населения и развитость систем управления в отдельных регионах и странах. Последнее хочется подчеркнуть двумя жирными линиями.

«Развитость систем управления» сегодня действительно становится стратегическим ресурсом, который учитывается экспертами при формировании прямых и альтернативных сценариев на глобальном, региональном и местном уровнях. Но на вопрос, учитывают ли такую «развитость» субъекты принятия решений наших властно-управленческих структур, трудно ответить определённо. Будем считать, что они не вполне учитывают или даже не вполне знают, что это такое, поскольку заказов на разработку индикаторов «развитости» мы в Академии наук не получали.

Директор ИС РАН, академик М. К. Горшков, подчёркивая сложность, противоречивость и конфликтность процессов развития нашей страны, обращает внимание на то, что эта ситуация должна в скором времени кардинально измениться, и что социолог, в этих условиях, всё в большей степени должен становиться востребованным как эксперт. «По сути дела, – пишет он, – на нас возлагается никем не заменимая роль научно-исследовательской экспертизы и прогнозирования возможных социальных результатов политико-управленческих решений» [Горшков 2013: 9]. С этим нельзя не согласиться. Возлагается. Но в планах фундаментальных исследований государственных академий на 2013–20 гг., где говорится о необходимости решения методологических проблем анализа трансформации российского общества и разработок социальных технологий управления, специального финансирования таких разработок не предусмотрено.

Мы предлагаем обратить внимание на некоторые, пусть ещё и не окончательные, результаты измерений степени «развитости отечественной системы управления» по совокупности социологических и культурологических критериев, на основе материалов нашего пилотного исследования 2010–13 гг. в рамках Мета-проекта «Гражданская экспертиза сферы управления», в надежде на его полномасштабную реализацию.

Цель, задачи и этапы исследования

Система властно-управленческой вертикали состоит отношений органов власти и управления и населения как субъекта, делегировавшего этим органам полномочия на сохранение и развитие общества как целого с учётом его интересов и потребностей. Неотъемлемыми элементами, или «клетками» этой системы выступают социальные группы, структурированные по характеру отношения к результатам деятельности вполне

определённых органов власти и управления – от их полной поддержки до полного неприятия. Понятно, что крайние позиции («полная поддержка» и «полное неприятие») идеальны, в духе модели М. Вебера. Реальные диспозиции содержат элементы того и другого и, в определённой степени, отражают напряжённость отношений между государством и обществом.

Цель

Целью нашего исследования является диагностика состояния властно-управленческой вертикали на основе экспликации структуры и содержания этих диспозиций. Диагностика здесь понимается в буквальном смысле слова как процедура оценки степени поддержки населением способности властно-управленческой вертикали осуществлять свои функции. Отсюда её название – «гражданская».

Задачи

1. Опробовать диагностические возможности оценки властно-управленческой вертикали на основе использования полной диспозиционной шкалы: сторонники – медиаторы («срединники») – противники.

2. Определить, каким социально-смысловым содержанием наполняются отношения между органами власти и управления, с одной стороны, и населением – с другой, в зависимости от характера решаемых социальных и политических проблем (вызовов).

3. Выяснить степень социальной сензитивности населения к решению органами власти и управления внешних и внутренних проблем как угроз нашему выживанию и развитию.

4. На основе социальной диагностики плюсов и минусов функционирования властно-управленческой вертикали сделать экспертное заключение о перспективах радикального реформирования этой сферы.

5. Оценить познавательные возможности нового измерителя (триплекса), а также сочетания полевого и дистанционного способов сбора первичной социологической информации.

Исследование проводилось в **пять этапов**:

1. Концептуальное обоснование методологического подхода к исследованию функционально-дисфункциональных проявлений властно-управленческой вертикали.

2. Проведение репрезентативного опроса населения в полевом режиме и в режиме онлайн для сравнения и оценки возможностей дистанционного сбора информации с традиционными (полевыми) методами.

3. Проверка гипотез о факторах, влияющих на состав функциональных диспозиций населения (так называемых «триплекс-групп»).

4. Экспертное заключение о проблеме и дальнейшей работе над проектом.

Теоретико-методологическое обоснование диагностики состояний и перспектив трансформации властно-управленческой вертикали

В специальной литературе сегодня идёт жаркая полемика относительно специфики трансформационных процессов российского общества. Известны термины, введённые в работах С. Г. Кирдиной («институциональные матрицы»), О. Э. Бессоновой («раздаточная экономика»), С. Г. Кордонского, М. Ф. Черныша («сословная структура российского общества»), О. И. Шкаратана и В. В. Радаева («этакратизм российского социума»), Ю. С. Пивоварова, А. И. Фурсова («отношение к государственной и частной собственности») и др. авторов. Полемизируя с ними, А. И. Липкин, например, утверждает, что для оценки трансформационных процессов в современной России наиболее подходит теория взаимопроникновения двух моделей социальной организации общества: «приказной», основанной на централизованном механизме мобилизации населения на преодоление внешних и внутренних угроз, и «договорной», идущей от принципов «общественного договора» Гоббса и Локка [Липкин 2012]. На самом деле, в общетеоретическом плане позиции всех авторов достаточно интересны, но важно всё же, научиться соотносить масштаб теоретизирования и возможность эмпирической проверки тех или иных гипотез.

Наибольшим потенциалом в этом отношении, на наш взгляд, обладает социокультурный подход в общей социологии, разрабатываемый Н. И. Лапиным другими авторами, который исходит из того, что сегодня на авансцене появляется человек как социальный субъект, деятельность которого сопоставима с действиями социальных институтов (Лапин 2000: 7–8) Этот субъект не только интернализует нормы и ценности общества, но и воздействует на его компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при непрерывном возрастании (за счёт научно-технологического прогресса) обеспеченности ресурсами как групповой, так и персональной деятельности.

Этот подход позволяет лучше понять, и, главное, эмпирически исследовать реальные и возможные тренды трансформации российского общества в исторически заданных обстоятельствах. Логика такой трансформации раскрывается при

анализе теоретически выделенных инверсионных пар происходящих процессов типа: кризис – подъём, экстенсивное – интенсивное (развитие), конфронтация – согласие, мобильность – стабильность, управляемость – спонтанность и т. п. По этой логике, сама властно-управленческая вертикаль является реальным компромиссом между «приказной» и «договорной» моделями организации общественной жизни, между так называемыми «вертикалью» и «горизонталью». Любые реформы – тоже компромиссы между инструментальными результатами и социальной устойчивостью правящей вертикали. Если реформы односторонние, то они неминуемо будут порождать контрреформы, что невольно возвращает наше развитие на старые «манихейские» круги: от красных к белым, от левых к правым, от архаики к инноватике и обратно. В этой связи следует более глубоко изучать механизмы согласования – рассогласования позиций противоборствующих сторон и выведения их на конструктивные решения. Эта проблема была поставлена в своё время в работах П. Сорокина, А. Ахиезера и сегодня развивается А. П. Давыдовым как проблема социокультурных трансформаций через образование «срединных» социоментальных групп.

Гипотеза такова: существование в нашем обществе постоянно враждующих лагерей «сторонников» и «противников» реформ есть следствие исторически сложившегося социокультурного раскола. К нему мы привыкли как к должному состоянию и традиционно пытаемся решать новые задачи старым способом: уничтожать противников, наивно полагая, что хорошее и справедливое общество сразу наступит, как только убьём последнего «дракона». То, что такое состояние ментальности неизбежно приводит к печальным катастрофам, многократно отмечалось в работах А. Янова, И. Клямкина, И. Яковенко, Г. Тульчинского, И. Кондакова, В. Межуева, И. Ионова, В. Федотовой и того же А. П. Давыдова. При этом решение возникающих в обществе острых проблем-оппозиций, начиная со времён борьбы западников и славянофилов, уважаемые авторы как не связывали, так и не связывают с изменениями способов функционирования властно-управленческой вертикали. Возможно поэтому проблема перспектив формирования в России «срединной» культуры повисает в затяжных культурологических спорах и не выходит на эмпирическую стадию.

В концептуальной схеме нашего исследования используется такая единица измерения, как группы респондентов, связанных различными отношениями к одному и тому же предмету – к действиям конкретного властно-управленческого органа, призванного одновременно учитывать содержание задачи как проблемы социетального, группового и индивидуального уровней. Мы назвали эту единицу «*социоментальным триплексом*» (от лат. «triplex» – тройственность, тройной).

Под ментальностью (лат. «mentalis» – умственный) понимается комплекс образа мыслей (духовных установок, эмоциональных настроений), определяющий способ принятия решений в условиях альтернатив. Известно, что люди могут не отличаться друг от друга по многим социальным показателям (по полу, возрасту, образованию, социальному положению), но различия по ментальности очень часто разводят их по разные стороны баррикад. Социологи знают, что поведение в конкретных обстоятельствах определяется теоремой У. Томаса, которая, однако, не учитывает, что социальная реальность эксплицируется нашим сознанием не непосредственно, а опосредовано, через согласие или несогласие с другими. Логика «либо–либо» формирует своего рода «диктатуру статичного мышления» (А. П. Давыдов), консервирует наше мышление на одной из сторон противоположности, а логика развития идёт через формирование (открытие) новых смыслов, через творческий поиск альтернативной позиции в условной середине.

Ниже (в таблице 1) мы назвали традиционно «колеблющихся» между крайними позициями «медиаторами», поскольку особенность середины, на наш взгляд, не в колебаниях, а в дистанцировании от крайностей и, в этом смысле, в вольном или невольном выполнении функции регуляции отношений между сторонниками и противниками, поддержания конструктивного диалога. Триплексы называются у нас «функциональными диспозициями», поскольку ни одна позиция не рассматривается в изоляции от двух других. Триплексы – подвижные, динамичные социоментальные образования. Может со временем меняться их персональный состав, а с ним целый набор социальных и личностных качеств, но структурно это довольно устойчивые соотношения групп людей по их поведению в конкретных социально значимых ситуациях. Анализ, с помощью триплексов, позволяет проводить диагностику властно-управленческой вертикали на предмет её функциональности/дисфункциональности, устойчивости и результативности путём сочетания внутренних и внешних вызовов, оценивая, таким образом, её перспективы в качестве системообразующего фактора регуляции процессов социокультурной трансформации. В аналитических целях мы различаем шесть видов триплексов:

1. Уравновешенное плато (все три позиции примерно равны).
2. Отрицательная динамика (число противников выше, чем число колеблющихся и сторонников).
3. Положительная динамика (число сторонников выше, чем число колеблющихся и противников).
4. С «выгнутой» серединой («медиаторы» выполняют основную регулирующую функцию между сторонниками и противниками).

Единицу измерения – группы респондентов, связанные различными отношениями к действиям конкретного властно-управленческого органа, призванного одновременно учитывать содержание задачи как проблемы социального, группового и индивидуального уровней – мы назвали «социоментальным триплексом»

5. С «вогнутой» серединой (между крайними позициями возможна усиленная конфронтация).

6. Коленчатая (либо отрицательная, либо положительная динамика количественно поддерживается «медиаторами»).

В итоге, помимо количественного анализа, исследователь получает возможность графического рассмотрения отношения населения к вертикали с помощью пиктограмм.

В нашем исследовании потенциал методики проверялся при анализе четырёх ситуаций: 1) оценивание состояния властно-управленческой вертикали (по соотношению противников, «медиаторов» и сторонников – (см. таблицу 1) и распределению оценок в отношении необходимости радикального реформирования вертикали; 2) влияние различных факторов на структуру и содержание триплексов в поле действия властно-управленческой вертикали; 3) социальная чувствительность населения к способности органов власти и управления адекватно реагировать на внешние и внутренние вызовы; 4) обеспокоенность респондентов трудно устранимыми (и органическими для российского социума) «недостатками» современной модели управления.

Ниже мы рассмотрим некоторые результаты анализа эмпирического материала в каждой из этих ситуаций (см. таблицу 1). Справочно: опрошено 3078 респондентов, из них полевой опрос по анкете – 1734, интернет-опросе – 1344 человека. Эмпирическая проверка валидности дана в коллективной монографии [Социология управления... 2014: 375].

Триплекс-анализ состояния и перспектив властно-управленческой вертикали

Властно-управленческая вертикаль – это совокупность формальных и неформальных механизмов регуляции институциональных отношений в обществе (прежде всего власти, собственности и управления) в целях поддержания социального порядка и достижения инструментальных результатов.

Вертикаль состоит из нескольких уровней, каждый из которых отвечает за свой участок социума и одновременно за сохранение себя в структуре вертикали: 1) федеральный, 2) региональный, 3) местный, 4) уровень отдельной организации, критерием деятельности которой является производство конечного продукта (результата).

По способности поддержания социального порядка в самых экстремальных условиях и обеспечения при этом участия всех групп и категорий населения в принятии социетальных, институциональных и менеджериальных решений, определяется, на наш взгляд, «развитость» и самих систем управления.

Разведывательные органы глобальных центров силы не из уважения к научным истинам, а из прямого интереса к стратегии и тактике ведения организационных войн (типа «цветных революций» и «арабской весны») ввели в показатель развитости системы управления критерии «дефицита демократии».

Как пишет Н. И. Лапин, власть для одних представляет желаемую ценность, для других – антиценность, а третьи проявляют к ней безразличие. По его данным, в России ценность власти признают около 20% населения, безразличие проявляют 14%, а негативное отношение испытывают 66% [Лапин 2000]. Не удивительно, что народ нередко пассивно относится к выборам в органы власти. Однако это совсем не значит, что респонденты с негативным отношением к власти как к ценности не выражают ей поддержку в определённых ситуациях. В нашей ментальности «власть» и «управление» – синонимы. Проблема в связи с этим – не столько в «дефиците демократии», сколько в «дефиците управления» в работе органов власти и в низкой социокультурной компетентности кадров, благодаря чему даже самым демократическим способом избранный руководитель завтра может превратиться в местного «наполеончика». Как и в случае с данными исследования об отношении россиян к реформам [Горшков и др. 2012], важно знать, кто стоит за отношением к власти и как это отношение связано с выполнением органом власти функций управления.

Показатели электоральных предпочтений населения (число проголосовавших за определённого кандидата) оставляют в тени и другой важный вопрос: что представляют собой те, кто не принял участия в голосовании или проголосовал против? Не говоря уже о том, является ли легитимной власть, избранная меньшинством населения, пришедшем на выборы? При одностороннем подходе к исследованию социально-политических процессов мы упускаем из вида более фундаментальные явления, а именно: кто те, кто на самом деле вершат социетальную политику за спинами избирателей и населения? Это беспокойство нашло своё выражение в работах известных западных социологов (Т. Адорно, Х. Арендт, Э. Фромм, У. Бек, П. Бурдьё и др.), на которых ссылается З. Бауман в предисловии к русскому изданию своей увлекательной книги «Индивидуализированное общество»: «В наше время, – пишет он, – возникает новая форма власти, порывающая с традиционным методом управления на основе правил и соглашения с народом и использующая дерегулирование (считай, непрерывное реформирование – авт.) в качестве своего главного рычага. Человек может быть в гораздо большей степени зависим от институциональных сил, о существовании которых он даже не подозревает, но, несмотря на это, ему всё равно придётся расплачиваться за принятие или не принятие ими решений» [Бауман 2005: 27]. Это так. И чем больше власть подминает

Разведывательные органы глобальных центров силы не из уважения к научным истинам, а из прямого интереса к стратегии и тактике ведения организационных войн (типа «цветных революций») ввели в показатель развитости системы управления критерии «дефицита демократии».

В нашей ментальности «власть» и «управление» – синонимы. Проблема в связи с этим – не столько в «дефиците демократии», сколько в «дефиците управления» в деятельности органов власти и в низкой социокультурной компетентности управленческих кадров.

под себя управление, тем больше вероятность того, что келейно принятые решения приобретут надличностный характер. При фактическом переплетении функций власти и управления мы более полно сможем судить о состоянии социетальной системы, если возьмём за основу социоментальные триплексы, где одновременно представлены позиции «за», «против» и «середины» (см. таблицу 1). Остаётся чисто методический вопрос, который мы сейчас не обсуждаем: как эти триплексы сконструировать, чтобы измерение оставалось научным?

Общий анализ властно-управленческой вертикали

Обращаем внимание, прежде всего, на правую сторону таблицы 1, на категорию «неответившие». Таких по всей иерархии властно-управленческой вертикали оказалось от 14 до 20%. Это те, кто по разным причинам не захотел давать оценку органам власти и управления. По западным меркам, это те категории людей, которые не верят в добрые намерения своего государства. У нас они составляют пока меньшинство, а остальные (левая сторона таблицы), всё ещё верят, что наша власть способна выполнять свои обязательства перед населением (это её сторонники). По-своему верит и средний слой: «медиаторы» занимают взвешенную позицию, не вступая в конфронтацию с одними и не сливаясь с другими.

Что показывает анализ триплексов? Оказалось, что на федеральном уровне самая слабая позиция у законодательных органов. Здесь не только сильная отрицательная динамика, но и превышение в два раза числа противников над числом сторонников. Наиболее показательными являются и крайние проявления своей позиции: среди противников 25,6% у Думы и 23,6% у Совета Федерации. У исполнительной власти наихудшее положение в руководстве отраслями народного хозяйства. Здесь наибольший процент «неответивших» (20,4%). Основная масса населения, скорее всего, плохо знает, чем занимаются отрасли. Здесь тоже довольно высокий процент противников (43,5%) – в два раза больше, чем сторонников. В целом у этой структуры тоже обнаруживается ярко выраженная отрицательная динамика.

Президентская и правительственная власти отличаются профилями триплексов. У первой довольно устойчивое распределение противников, сторонников и «медиаторов» (почти поровну), а у Правительства «коленчатое плато» – заметная отрицательная динамика. Эту динамику повторяет уровень управления регионами и уровень администрации городов и сёл, где также видна отрицательная динамика. Последнее всегда означает, что срединная часть воздерживается от социальной поддержки управленцев определённого уровня.

Чем больше власть подми-
нает под себя управление,
тем больше вероятность
того, что келейно приня-
тые решения приобретут
надличностный характер.

Отдельного комментария требует оценка респондентами работы самого широкого по охвату, близкого и понятного любому гражданину уровня управления конкретной организацией.

Это то место, где действует непосредственная связь личного и общественного, индивидуального и институционального. Мы обнаружили, что именно здесь властно-управленческая вертикаль в нашей стране имеет положительную динамику, т. е. большое (больше половины) и растущее число сторонников. Качественный анализ состава триплекс-структур, приведённый ниже, свидетельствует о наибольшей концентрации на этом уровне инновационного социального потенциала страны. Это обнадеживающее обстоятельство говорит о том, что у России есть естественная и мощная социальная база реформ «снизу».

Наш анализ показывает, что в целом властно-управленческая вертикаль находится в неустойчивом состоянии. Она имеет интенцию к глубоким изменениям как на уровне представительной власти, так и на уровне правительства и отраслевых министерств. Управление в городах, посёлках и сёлах в общем процессе трансформации вертикали пока существенной роли не играет.

Система управления в стране, по нашим данным, поддерживается в рабочем состоянии с двух сторон: сверху – стабильной (равновесной) позицией Президента РФ, и снизу – положительной динамикой в управлении организациями, поддерживающей общий оптимистический настрой в стране. Кроме того, что не вполне очевидно, особую стабилизирующую роль выполняет категория «медиаторов» (треть опрошенных), которая в численном соотношении достаточно велика, чтобы поддержать, в случае изменения социально-политической конъюнктуры, сторонников конструктивной программы реформирования властно-управленческой вертикали одновременно и снизу, и сверху, или поддержать противников нынешнего политического курса, если дело дойдёт до радикальных перемен «снизу». Эти выводы сделаны нами в «первом приближении», поскольку требуется более детальное рассмотрение состава и ориентаций выделенных нами социоментальных групп по другим параметрам и продолжение исследований в регионах на основе мониторинга.

Таблица 1

**Функционально-диспозиционные структуры (триплексы) отношения населения
к властно-управленческой вертикали, %**

Триплексы (СМГ) Уровни системы управления	Противники (в т. ч. «ярые»)	«Медиаторы»	Сторонники (в т. ч. безусловно)	Неответившие
1. Президент РФ	34,6 (15,1)	33,4	32 (7,3)	16,4
2. Правительство РФ	36,8 (16,4)	35,1	28 (5,0)	13,8
3. Государственная Дума	49,8 (25,6)	31,6	18,6 (4)	19,8
4. Совет Федерации	47,7(23,6)	35,4	19,9 (4)	14,1
5. Отраслевые министерства	43,5 (16,5)	34,9	21,6 (5)	20,4
6. Управление регионами	39,5 (13,3)	35,2	28,9 (6,8)	14,8
7. Администрация города, посёлка, села	38,1 (15,7)	35,8	26,1 (5,1)	13,6
8. Администрация предприятия, организации	26,9 (11,4)	32,1	41 (11,5)	16,9

Проверка гипотез о факторах, влияющих на формирование функциональных диспозиций населения

В соответствии с поставленными задачами, мы проверили влияние восьми групп факторов на распределение респондентов в триплексах по всей властно-управленческой вертикали. Содержание этих факторов в основном хорошо известны социологам. Предполагалось, что каждый из восьми исследуемых факторов влияет на формирование функциональных диспозиций респондентов, что позволяет, с одной стороны, создать обобщённые портреты сторонников и противников органов власти и управления, а с другой – ранжировать эти факторы по степени их влияния. Покажем возможности этого подхода на примере двух крайних уровней: анализа триплекс-групп в отношении 1) работы аппарата Президента РФ и 2) администрации низовых организаций (предприятий). Каждый из факторов представляет собой обширный предмет исследований. Их разработка является плановой темой отдельных сотрудников нашего Центра. В данной статье гипотезы о факторах носят эмпирический характер.

Портрет противников Президента РФ

Это мужчины в возрасте до 30 лет, неважно какого семейного положения, с высшим образованием, занятые преимущественно умственным трудом, имеющие опыт участия в управлении, высокий уровень достатка, принципиально не участвующие в федеральных, региональных и муниципальных выборах, достаточно активные в общественном и коммуникативном поле, с высокой инновационной ориентацией, в основном работающие в организациях со смешанной формой собственности; из тех, кто обращался с просьбами и предложениями в органы власти местного и регионального значения и не получал удовлетворительных ответов.

Портрет сторонников Президента РФ

Это преимущественно женщины в возрасте от 50 лет и старше, разведённые, среднего и ниже среднего образования, занятые преимущественно физическим трудом, не имеющие опыта в управлении, активно участвующие в федеральных, региональных и местных выборах, с невысоким достатком, но с собственной жилой площадью, не бывавшие за рубежом, не проявляющие особой общественной и коммуникативной активности, с умеренными ориентациями на инновационность, с повышенной психологической тревожностью, проживающие

в основном в посёлках городского типа и в сельской местности, редко обращающиеся в органы власти по месту жительства, но удовлетворённые результатами их деятельности.

Теперь рассмотрим по такой же схеме портреты противников и сторонников администрации предприятий (организаций), в которых непосредственно работают респонденты. Напомним, что это единственный элемент властно-управленческой вертикали, который имеет явно выраженную положительную динамику и «подпирает» своим существованием властно-управленческую вертикаль «снизу».

Портрет противников администрации организаций (предприятий)

Здесь нет гендерного фактора. Возраст – 50 лет и более; семейное положение и образование не играют роли; занятость неполная; не имеют опыта управления; жилищные условия – квартира; уровень достатка не влияет на отношение к администрации; участие или не участие в федеральных или других выборах не имеет большого значения в отношении к администрации. Проявление или не проявление активности также не имеет значения. Главное личностное качество – консервативность. Форма собственности организации, где работают – государственная и муниципальная; отрасль не имеет значения. Не обращались с просьбами в органы местного самоуправления.

Портрет сторонников администрации организаций (предприятий)

Портрет сторонников имеет прямо противоположные черты. Это, в основном, мужчины до 35 лет, семейные, образование высшее, заняты преимущественно умственным трудом, имеют опыт в управлении, высокий достаток, свой дом, опыт зарубежных поездок, не участвуют в выборах, активные пользователи интернета, с высокой степенью общественной и коммуникативной активности; основное качество личности – инновационность, при этом – высокая тревожность. Работают в организациях частной и смешанной форм собственности; не обращались в органы местной власти и управления.

По такой же схеме нами составлены портреты социально-ментальных групп по каждому уровню вертикали, на которых мы здесь не можем останавливаться. Уже по приведённым примерам видно, что за количественными величинами стоят заметные качественные различия. Дальнейшая работа над категоризацией и индикацией признаков оценки деятельности властно-управленческих структур позволит повысить научную и прикладную ценность предложенного подхода для экспертных целей.

Возможность количественной оценки влияния факторов на структуру и содержание триплексов

В качестве методического правила берём размах отклонения от средней величины признака в плюсовую и минусовую стороны. Приблизительная оценка показала, что на первом месте по вкладу в структуру отношения населения к органам власти и управления выходит отрицательный опыт обращения респондентов в местные органы. Этот факт сказался на составе противников и сторонников. На втором месте оказался фактор электоральной активности. Практически все самые низкие оценки Президента и Госдумы идут от респондентов, которые не участвовали в федеральных, региональных и муниципальных выборах. На третьем месте по влиянию находится такой необычный фактор, как опыт управленческой деятельности у респондентов. Он вводится впервые. Все, имеющие такой опыт, дают более низкие оценки деятельности органов власти и управления, чем не имеющие такого опыта. Далее идут факторы образования и пола. Респонденты с высшим образованием, не говоря уже о тех, кто имеет научную степень, дают наиболее низкие оценки всем уровням вертикали, кроме последнего (организации) и больше всех поддерживают противников органов власти и управления. Это же относится и к отраслевому аспекту деятельности респондентов: наиболее критичны те, кто занят научной деятельностью и работает в сфере образования. Такие демографические признаки, как пол и возраст, играют важную роль только в некоторых случаях, о которых следует говорить в контексте ситуации.

Заключение

Разумеется, эти данные – ещё далеко не полная картина отношения респондентов к иерархии структуры власти и управления. Это иллюстрация возможностей получить новое знание с помощью анализа триплекс-групп в процессе исследования специфических проблем трансформации властно-управленческих структур российского общества. Более обстоятельный ответ на поставленные вопросы может быть получен на основе представительных мониторинговых исследований по регионам.

К сожалению, мы опускаем из описания интересные, но уводящие несколько в сторону, данные о степени соответствия деятельности властей различных уровней внешним и внутренним угрозам. Скажем только, что число обеспокоенных неудов-

летворительным положением дел по отдельным направлениям внутренней и внешней политики среди сторонников и противников доходит до 60–80%.

В этом проявляется общее понимание критической ситуации в стране и в мире и сторонниками, и противниками существующих властно-управленческих структур. Различными являются способы решения, вплоть до категорического неприятия планов и программ противоборствующих сторон. Выработке компромиссных позиций может содействовать материал нашего исследования, если на него появится спрос.

Библиографический список

Бауман З. 2005. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос. 390 с.

Горшков М. К. 2013. Профессиональный праздник как повод для раздумий // Социологическая наука и социальная практика. № 1. С. 5–11.

Горшков М. К., Петухов В. В., Тихонова Н. Е. 2012. Юбилей российских реформ: социологический диагноз // Мир России. № 1. С. 79–122.

Лапин Н. И. 2000. Пути России. М.: ИФ РАН. 194 с.

Липкин А. И. 2012. Россия между несовременными «приказными» институтами и современной демократической культурой // Мир России. № 4. С. 40–62.

Мир в 2030 году: прогнозы американских экспертов (о докладе Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры»). Аналитические доклады ИМИ. Вып. 3 (38). М.: МГИМО, 2013. 36 с.

Социология управления: фундаментальное и прикладное знание. М.: Канон+, 2014. 560 с.

Experience of Sociological and Culturological Research of Problems of Administrative Vertical Reforming

Tikhonov Aleksandr Vasilievich

Dr. Sci. (Soc.), Professor, head of the Center of sociology of management and social technologies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: alvast39@mail.ru

Abstract. The article represents a summary of results of the research conducted by the Centre of Sociology of Management and Social Technologies of the Institute of Sociology of Russian Academies of Sciences in 2011–2013 within the meta-project “Civil examination of the management sphere”. The focus of the project is the problem of reforming a domestic control system in connection with new calls and a strategy of country development in the XXI century. This topic has gained substantial attention; however, few people begin the discussion with the diagnosis of a condition of a control

system and conclude with an analysis of various consequences of interventions with noble purposes. The article connects sociological and culturological approaches to reveal Russian citizens' various estimations of different aspects of administrative vertical functioning. This vertical is permanently in an unstable dynamic balance with the external and internal environment. Thus, it carries out difficult and inconsistent functions of steady reproduction of the state and public relations and, at the same time, the initiation of its changes. The sociological approach provides an opportunity to measure the extent of citizens' electoral support of the actions of the hierarchical bodies of authority and management. The culturological approach demands the accounting of all range of the estimates to confirm the citizens' ability to make rational decisions. Thus, triplex analysis was conducted as a new means of measuring various aspects of functioning of an imperious and administrative vertical on the basis of estimates of the citizens. This analysis included the criteria of manikheysky opposition of the population positions (only pro and only contra) concerning the work of authority bodies and management and an average, median position of citizens' search for a more rational and weighted "third way". In addition to the justification of the scientific and practical relevance of the research, the article presents examples of empirical checks of the hypotheses concerning the factors that influence the formation of the population's dispositions and conclusions about the prospects of an imperious and administrative vertical transformation and opportunities to utilise the triplex analysis procedure.

Keywords: social regulation, administrative vertical, reforming, sociological and culturological approaches, mentality, oppositions of mass consciousness, mediation, triplex-analysis.

References

Bauman Z. Individualizirovannoe obschestvo [Individualized society]. Pod red. V. L. Inozemceva. Moscow, Logos, 2005. 390 p.

Gorshkov M. K. Professional'ny prazdnik kak povod dlja razdumiy [Professional holiday as a reason for reflection]. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika [Sociological science and social practice], 2013, no. 1, pp. 5–11.

Gorshkov M. K., Petuhov V. V., Tihonova N. E. Jubiley rossijskikh reform: sociologicheskij diagnost [The jubilee of Russian reforms]. Mir Rossii [World of Russia], 2012, no. 1, pp. 79–122.

Lapin N. I. Puti Rossii [Ways of Russia]. Moscow, IF RAN, 2000. 194 p.

Lipkin A. I. Rossiya mezhdru nesovremennymi «prikaznymi» institutami i sovremennoy demokraticeskoy kul'turoy [Russia between unfashionable formal institutions and modern democratic institutions and culture]. Mir Rossii [World of Russia], 2012, no. 4, pp. 40–62.

Mir v 2030 godu: prognozy amerikanskih ekspertov (o doklade Nacional'nogo razvedyvatel'nogo soveta SSA «Global'nye tendencii 2030: al'ternativnye miry») [The world on 2030: forecasts of USA experts (about the report of National Intelligence Council SSA "Global tendencies 2030: alternative worlds"). Analiticheskie doklady IMI. Vyp. 3 (38). Moscow, MGIMO, 2013. 36 p.

Sociologija upravlenija: fundamental'noe i prikladnoe znanie [Sociology of management: Fundamental and applied knowledge]. Moscow, Kanon+, 2014. 560 p.

Социология управления

От регламента к хаосу: действующий субъект в системной аварии

Аксёнова Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

От регламента к хаосу: действующий субъект в системной аварии

Аннотация

Статья посвящена проблеме функционализации и упрощения действующего субъекта в технологической системе. Данная проблема возникает в связи с риском системной аварии, который требует от персонала исполнительности и независимости одновременно. Наличие актора, способного к самостоятельному принятию решений, усложняет систему и уже потому увеличивает риск аварии. Однако его редукция к функции также рискованна. Кроме того, возникает угроза утери действующего субъекта в связи с экспансией технологий. В статье рассматриваются действия актора в устойчивом организованном пространстве и в условиях его разрушения. Теоретико-методологической основой работы является концепция системной аварии Ч. Перроу, а также определения актора в акционистской теории А. Турена и в теории акторских сетей Б. Латура. В качестве примера использована катастрофа на Чернобыльской АЭС. Представлены результаты анализа воспоминаний работников АЭС, участников ликвидации последствий катастрофы, публикаций и документов, глубинных интервью с экспертами. Показано, что авария на четвёртом блоке АЭС была системной, то есть случилась в результате непредсказуемого совпадения множества различных сбоев и ошибок, а, следовательно, не имеет конкретного виновника. Выявлен подход российских профессионалов к функциональности субъекта, введены понятия «сознательной дисциплины», «обоснованного действия», «алгоритмизированного действия». Показана роль актора, способного самостоятельно принимать решения и действовать в ситуации хаоса, в управлении ликвидацией последствий катастрофы, а также роль ценностей и личностных качеств в решении проблем в ситуации хаоса. В работе рассматривается также доступная информация об аварии на атомной станции Фукусима-1, включая оценки российских экспертов-атомщиков. Рассматриваются последствия действий субъекта-функции в условиях хаоса, а также возможности компенсировать отсутствие актора гибкостью технологической системы. Обнаружен ряд проблем, связанных с мобилизацией ресурсов и коммуникациями, а также с алгоритмизированным действием персонала и субъектов ликвидации последствий аварии. Представлены предварительные выводы и определены возможные направления сравнительного исследования действий субъекта-актора и субъекта-функции.

Ключевые слова: актор, технология, сложная система, регламент, алгоритм, обоснованное действие, алгоритмизированное действие, системная авария, риск, хаос, ценности, личность

Высокие технологии в условиях глобализации трансформируют человека если не радикально, то весьма существенно. В начале нового века этот процесс стал очевиден настолько, что идея постчеловеческой цивилизации переместилась из литературных и кинематографических антиутопий в научный дискурс, о её приходе объявил Фрэнсис Фукуяма, ранее провозгласивший конец истории [Фукуяма 2004]. Социология начала переосмысливать почти незыблемые ранее категории семьи, гендера, нормы и девиации, локальности и самой реальности, которую в теоретических спекуляциях потеснила виртуальность.

На вызывающе ярком фоне технологического постмодерна почти незаметна более существенная трансформация человека, нежели, к примеру, свободный выбор гендерной идентификации или превращение субъекта в космополита, живущего и работающего транзитом. Таковой, с нашей точки зрения, является последовательное упрощение индивида и потеря им субъектности. Актор (индивидуальный и коллективный), изменяющий, согласно определению Алана Турена, окружающую реальность, уступает место актору из концепции ANT (Теория акторских сетей) Бруно Латура, равного в своей субъектности всем составляющим его деятельности, включая её алгоритм. Смена теоретической интерпретации отражает реальную тенденцию: субъект не волен более изменять средства и предметы труда или последовательность действий, он редуцирован к функции, которую выполняет [Турен 1998, Latour 2005].

Одна из причин этого явления заключается в тотальности технологий и связанного с ними риска. В 1984 г. американский социолог Чарльз Перроу на основании исследования промышленных катастроф пришёл к выводу о том, что риск есть имманентное, неотъемлемое свойство сложной технологической системы. Множества сбоев и ошибок в её компонентах рано или поздно совпадают, что приводит к аварии, которую Перроу назвал системной или нормальной [Perrow 1984]. Любое усложнение системы увеличивает риск, свести его к нулю невозможно. Опасность ошибок требует безоговорочного следования регламенту и создаёт пространство строго запрограммированного действия. Однако сложным системам присуще практически неразрешимое противоречие: они нуждаются в операторе, который, с одной стороны, должен знать и без рассуждений выполнять лишь одну функцию, а с другой – ориентироваться во всей системе в целом, уметь быстро оценить ситуацию и принимать самостоятельное решение. Экспансия технологий вывела риск системной аварии и регламентацию действий субъекта на уровень общества, что и зафиксировано в работах Ульриха Бека [Бек 2000]. В начале нового тысячелетия Дж. Урри пишет о сложности глобального

Сложным технологическим системам присуще практически неразрешимое противоречие: они нуждаются в операторе, который, с одной стороны, должен знать и без рассуждений выполнять лишь одну функцию, а с другой – ориентироваться во всей системе в целом, уметь быстро оценить ситуацию и принимать самостоятельное решение.

мира, о том, что глобальные системы балансируют на грани с хаосом [Urry 2003]. Переплетение высокотехнологических систем в развитых странах превращает туреновского актора в фактор риска, порождает тенденцию его замены актором Латура, а по сути, – его исчезновения.

Отсутствие актора должно компенсироваться гибкостью системы, её способностью к саморегулированию и управленческой рефлексии. Современные концепции управления риском, в первую очередь, устойчивый инжиниринг (resilience engineering) снимают противоречие Перроу посредством системных решений, не меняющих формализованный характер субъекта, например, путём определения фатального уровня сложности и разработки методов его снижения, создания гибких, уточнённых алгоритмов действия, программирования поведения в нестандартных ситуациях и т. п. [Hollangel, Woods, Levinson 2006]¹. Однако до сих пор не ясно, действительно ли такая система способна функционировать в пространстве, для которого нет регламента? Будет ли она результативнее, чем актор, способный самостоятельно решать и действовать?

Сама по себе утрата действующего субъекта представляется социальной катастрофой. В этой связи актуальным становится вопрос о том, может ли актор сохраниться в технологическом обществе или шансов избежать сведения человека к функции не существует. Риски, которые возникают в обществе в связи с исчезновением актора, практически не изучаются, а их следовало бы знать, прежде чем постчеловеческое будущее наступит окончательно и повсеместно.

Поиск ответов на обозначенные выше вопросы представляется оптимальным начать с изучения и сопоставления аварий в сложных системах с участием различных типов субъекта действия. Наши исследования показали, что российская (советская) версия индустриализации формировала систему управления, одним из основных элементов которой был и остаётся именно актор [Аксёнова 2012]. При этом советский индустриализм был по многим параметрам аналогом западной модернити. В СССР формировались и до сих пор успешно функционируют высокотехнологические системы, в частности атомная энергетика. Ретроспективный анализ действий различных участников системной аварии на советском технологическом объекте даёт уникальную возможность выявить роль актора в её развёртывании и в ликвидации её последствий. В этой связи особый интерес представляет Чернобыльская катастрофа: её история документирована, опрошены свиде-

¹ Способность современных систем к саморегулированию и рефлексии рассматривается также в теориях достаточно широкого спектра, от концепций экологической модернизации и всеобщего риска [Mol 1995; Mol, Spaargen, Sonnenfeld 2014; Бек 1996] до различных интерпретаций глобального общества [Urry 2003; Sassen 2005].

тели и непосредственные участники, составлены официальные документы, аналитические отчёты, написаны воспоминания представителями практически всех структур, так или иначе причастных к произошедшему.

Ниже представлены некоторые результаты такого анализа, а также намечены направления сравнения с действиями основных субъектов аварии на АЭС Фукусима-1 в 2011 г. в Японии, случившейся в условиях высокотехнологического постмодерна, в стране, которая является его лидером. Исследование проводилось качественными методами, в первую очередь посредством анализа воспоминаний и документов, находящихся в открытом доступе, публикаций в СМИ, включая интернет, а также глубинных интервью с инженерами-энергетиками, которые участвовали в ликвидации последствий аварии и в расследовании её причин, и, что самое важное, осмысливали произошедшее всю свою жизнь.

Границы профессиональной свободы

Авария на четвёртом блоке ЧАЭС укладывается практически полностью в схему Ч. Перроу. Напомним кратко её историю. Авария произошла в ходе эксперимента, проводившегося на четвёртом энергоблоке. Об этом эксперименте говорилось едва ли не в каждой публикации, посвящённой катастрофе. В средствах массовой информации и в сформированном ими общественном сознании он стал своего рода символом недопустимой вольности персонала станции. Однако эксперимент не был изобретением руководства станции или дежурной смены операторов. Данным термином обозначалось плановое испытание одного из проектных режимов работы реакторного блока, который должен был обеспечить станцию электроэнергией в случае полного прекращения снабжения по каким-либо непредвиденным причинам, как это, например, произошло после землетрясения на АЭС Фукусима-1. Для такого случая зарезервированы три дизель-генератора, но и они могут в определённых обстоятельствах выйти из строя. Замедляющееся инерционное вращение турбины (выбег, на профессиональном языке), которое может длиться шесть часов после её остановки, позволяло получить электроэнергию, необходимую для бесперебойной работы насосов и предотвратить тем самым максимальную проектную аварию: расплавление активной зоны из-за прекращения подачи воды, охлаждающей реактор. На ЧАЭС эксперимент был четвёртым по счёту, он назывался «Рабочая программа испытаний турбогенератора № 8 Чернобыльской АЭС в режимах совместного выбега с нагрузкой собственных нужд» и должен был проводиться во время остановки реактора на плановый ремонт.

Отметим, добавление систем безопасности, согласно Ч. Перроу, увеличивает риск. Этот парадокс объясняется усложнением системы, добавлением компонента, в котором также возможен сбой, что и произошло в данном случае. Попытка предусмотреть все возможные проблемы с подачей электроэнергии на станцию, включая одновременное отключение её внешних источников и поломку всех резервных источников питания сразу, добавила множество цепочек причин и следствий, действий, взаимодействий, разнообразных событий, неподдающихся расчётам и прогнозированию.

Так, ошибкой персонала эксперты признали подчинение требованию диспетчера «Киевэнерго» отложить остановку реактора. Не удалось найти замещающую мощность, которая могла компенсировать потерю вырабатываемой реактором энергии, а потому возникла опасность веерных отключений электричества. Испытания должны были проводиться до сдачи блока в эксплуатацию, до того, как он стал частью энергетической системы. Однако следует отметить, что это не было непосредственной причиной аварии: на других блоках эксперимент проводился также в условиях их работы в энергосистеме, катастрофы не случилось.

Концепция системной аварии для объяснения различных техногенных инцидентов на практике используется очень редко. Поиск главной причины и главного виновника институционализирован в законе и в судебной практике. Часто главной причиной признаётся человеческий фактор, чуть реже – технические или конструкционные недостатки. Человек – самый сложный и самый уязвимый элемент системы. Его биологические особенности, личностные качества, ценности и т. п. выводят его за рамки технологической системы, или, наоборот, включают в систему элементы совсем другого, неформализованного пространства. Один из наших респондентов в качестве возможных составляющих аварии перечислял и ревность, и тревогу за больного ребёнка, и протекцию при устройстве на руководящую работу без должной квалификации. Кроме того, именно человек совершает последнее действие, нажимает кнопку, после чего происходит авария. В частности, об этом писал Р. Кук. Он пришёл к выводу о системной аварии на основании опыта работы анестезиолога [Cook, Woods 1994]. Точно так же, как и Перроу, Кук делает вывод о возрастании риска аварии при попытках её предотвращения, так как они усложняют систему, создают возможности для дополнительных сбоев и их комбинаций. По мнению Кука, поиск главной причины аварии бесполезен, ибо таковой не существует. Более того, ретроспективная оценка необъективна, поскольку опирается на знание о случившейся катастрофе. У экспертов возникает иллюзия, что работники также должны были знать, что их действия приведут к аварии. Он подчёркивает, что эта необъективность является препятствием для верной оценки

действий персонала. Последний признаётся виновным, потому что является во всех случаях крайним («working at the sharp end»), именно он нажимает кнопку, то есть совершает то самое действие, после которого и рушится система. Возникает стремление решить проблему ненадежности человека посредством его полного вытеснения из технологических процессов автоматикой или зарегулировать его участие посредством введения стандартов и правил [Cook, Woods 1994].

Поиск виновников разделил профессиональное сообщество на проектировщиков и эксплуатационников. В итоге сформировались два основных подхода к оценке причин: виноват персонал или виновата техника, т. е. те, кто её проектировал. Дискуссия не утихает и по сей день. Так, И. А. Беляев, руководитель строительства объекта «Укрытие» (знаменитого Саркофага, скрывшего разрушенный блок), полагает, что вина полностью лежит на персонале блока: *«Двадцать (!) раз регламент эксперимента нарушает инструкцию по эксплуатации АЭС. В страшном сне не приснится такое... Как будто дьявол руководил и подготавливал взрыв»* [Беляев 2009: 15]. Однако А. С. Дятлов, заместитель главного инженера станции по эксплуатации, в книге, написанной им незадолго до смерти, доказывает, что персонал действовал в полном соответствии с регламентом. Главной причиной аварии, по мнению Дятлова и других эксплуатационников, являются недостатки конструкции реактора и системы контроля, а также недостатки самого регламента. Определённая комбинация особенностей конструкции реактора типа РБМК превращает последний в атомную бомбу: *«Реактор в 01 ч 23 мин и неизвестно сколько до этого времени находился в состоянии атомной бомбы, и ни одного – ни аварийного, ни предупредительного сигнала! Персонал ни по каким приборам не видит тревожного положения, и не потому, что слепой. Каким требованиям отвечает система контроля?»* [Дятлов 2005: 42].

Те, кто не был непосредственно причастен к аварии, или смог сохранить относительно нейтральную позицию, склоняются к версии о соединении множества причин: действий персонала и ошибок конструкторов, недостатков инструкций, множества случайных событий и т. п.¹ Так, участник одной из комиссий по расследованию причин катастрофы полагает, что суд и приговор отвлекали от анализа самой аварии, причины которой были

¹ Согласно официальной версии 1986 г., зафиксированной, в том числе, в отчёте МАГАТЭ (INSAG-1), главной причиной аварии были действия персонала четвёртого блока, неоднократно нарушившие регламент [Информация об аварии...1986]. В 1993 г. издан доклад Международной консультативной группы по ядерной безопасности INSAG-7 «Чернобыльская авария: дополнение к INSAG-1». В ней содержится несколько иная формулировка, чем в первом докладе: *«Сделать окончательное заключение о правомерности или ошибочности действий персонала в рассматриваемой ситуации не представляется возможным из-за отмеченной выше противоречивости требований регламента, недостаточности и противоречивости аппаратурно зафиксированных данных»* [Чернобыльская авария...1993: 88].

неоднозначными: *«Мне не нравилось судебное дело, потому что оно уводило нас всех от технического обсуждения и поиска причин. Эмоциональная подоплёка сбивает с толку. Моё личное мнение: проблема была очень сложной, было сумасшедшее стечение самых разнообразных факторов и множества незначительных мелочей»* [из интервью с экспертом].

Однако дискуссия о причинах позволяет, во-первых, проследить действия персонала блока и других субъектов до, во время и после катастрофы. Во-вторых, она обнаруживает характеристики технологической дисциплины в советской (российской) традиции.

Сознательная дисциплина

Сторонники вины персонала как причины аварии часто дают его действиям эмоционально окрашенные оценки: «халатность», «разгильдяйство» и т. п. В отличие от них мы не имеем права использовать такие оценки. Но для данного исследования важна зафиксированная таким образом субъектность персонала по отношению к инструкции, позволяющая ему менять программу действий. Изменение алгоритма подтверждает и Н. В. Капран (до аварии – заместитель главного инженера по науке и ядерной безопасности), считающий главной причиной конструкционные ошибки реактора: *«Наибольшего осуждения заслуживает то, что неутверждённые изменения в программу испытаний были сразу же преднамеренно внесены на месте, хотя было известно, что установка находится совсем не в том состоянии, в котором она должна была находиться при проведении испытаний»* (выделено мною – О. А.) [Капран 2005: 320].

Норма и правило на Западе есть то, что должно исполняться без объяснений, автоматически. Для советских (российских) профессионалов отсутствие объяснения причин введения запрета, а также следствий его нарушения равносильно отсутствию самого запрета. Неисполнение в этом случае допустимо: *«Никаких объяснений и предостережений о возможных последствиях нарушения этого требования действовавшие тогда документы не содержали»* (выделено мною – О. А.) [Капран 2005: 357].

В регламенте по эксплуатации АЭС содержалось требование остановить реакцию, если число стержней защиты в активной зоне меньше пятнадцати¹. С другой стороны, пра-

¹ Управление реакцией в реакторе типа РБМК осуществляется при помощи стержней-поглотителей нейтронов, изменения их количества в активной зоне ускоряет или замедляет её, введение всех стержней полностью останавливает. Подробно с устройством реактора, доступном для человека, владеющего знаниями физики в объёме средней школы, можно ознакомиться в цитируемых источниках, в частности в книгах А. С. Дятлова [Дятлов 2003] и Н. В. Капрана [Капран 2005].

вило, предписывающее именно это их число, было новым. До этого операторы имели право достаточно свободно манипулировать аварийной защитой. Эксперты указывают на ещё одну, немаловажную особенность сложившейся ситуации: РМБК сам по себе является сложной системой, а его безопасность оказалась в зависимости от выполнения персоналом одной строки в инструкции.

Н. В. Капран цитирует из документов следствия слова одного из операторов: *«Почему ни я, ни мои коллеги не заглушили реактор, когда уменьшилось количество защитных стержней? Да потому, что никто из нас не представлял, что это чревато ядерной аварией... Я работаю на АЭС с 1974 г. и видел здесь гораздо более жесткие режимы»* (выделено мною – О. А.) [Капран 2005: 342].

Представления о необходимости понимать приказ глубоко традиционны. Сознательность – слово из детства тех, кому за пятьдесят. В самом начале советской индустриализации призывы, обращённые к недавним крестьянам, выполнять правила городской жизни, производственной, армейской или партийной дисциплины, апеллировали именно к их сознательности. Правила и нормы обязательно разъяснялись. Современные социологические исследования свидетельствуют о сохранении данной традиции даже там, где требуется беспрекословное выполнение приказа: *«И даже в армии, правоохранительных и других силовых структурах лишь половина сотрудников считают, что распоряжения руководства надо выполнять в любом случае, а остальные убеждены, что надо выполнять лишь те распоряжения, с которыми они согласны»* [Тихонова 2011].

При этом логика функционирования сложной системы подталкивает самих профессионалов к идее максимально зарегулировать, упростить самый сложный и непредсказуемый её элемент, включённый к тому же в несистемную жизнь, в которой на него влияют и изменения жены, и плач больного ребёнка. Свобода действий, в данном случае – свобода манипулирования сложной техникой и внесения изменений в программы действий, совершенно недопустима: *«АЭС настолько сложный механизм, что в любой ситуации надо механически выполнять инструкции»* [Беляев 2009: 12].

Тем не менее, предлагая усилить дисциплину или вовсе заменить человека автоматом, они не формулируют идею превратить оператора в робота. Человек должен знать и понимать, к чему приведут его действия. Более того, даже признавая необходимость механического выполнения правила, это механическое выполнение трактуют как осознанную необходимость, которая должна быть понята и принята. Есть целый ряд положений, которые объединяют яростно спорящие стороны: работник должен быть дисциплинирован, подчиняться при-

казу или инструкции, но при этом обладать достаточно сильным характером для того, чтобы им не подчиняться, чтобы противостоять давлению и не выполнять указания, которые могут нарушить безопасность системы. Он должен обладать знаниями, позволяющими понимать физический смысл технологических процессов, даже если его обязанности ограничены. В то же время возникают сомнения в широте и детальности этих знаний: *«На станции я никак не мог понять, зачем мне, эксплуатационнику, надо знать постоянно, на каком трубопроводе сколько смонтировано задвижек и сколько метров трубы... Дело не в том, что это бесполезные знания, они вредны, поскольку отвлекают от действительно необходимой работы, которую за меня никто не сделает... Культ знания до мелочей, культ «владения обстановкой» возведён на незаслуженную высоту, чем подменяется настоящая деловая компетентность работника»* [Дятлов 2003].

Основной тенденцией, прослеживающейся в мемуарах и в оценках экспертов, можно считать признание опасности излишней профессиональной свободы и субъектности актора по отношению к алгоритму действий в сложной системе. Технологическая дисциплина должна строго соблюдаться, но дисциплина эта особого, традиционно российского (советского) типа. Её можно назвать понимающей, сознательной дисциплиной.

Границы профессиональной свободы: актор в ситуации хаоса

Правила действий в ситуации максимальной (запроектной) аварии после Чернобыльской катастрофы совершенствуются, однако применительно к ситуации предельной катастрофы любой регламент относителен. К аварии, произошедшей на четвёртом блоке ЧАЭС, не готовились в принципе. До Чернобыля вера в безопасность мирного атома была, по словам наших респондентов, практически безгранична на всех уровнях, академик Александров искренне говорил, что не побоялся бы поставить АЭС на Красной площади.

История событий, последовавших сразу после взрыва, масштабна: в ней множество действующих лиц, по-разному реагирующих на происходящее, но и одинаково не верящих в самое худшее. Характеристика действий персонала при описании данного этапа развития событий практически радикально меняется во всех мемуарах и интервью. Первый заместитель начальника ВПО «Союзатомэнерго» Министерства энергетики СССР Е. И. Игнатенко, сформулировал эту перемену в одном предложении: *«Та трагическая ночь удивительно переплела такие совершенно противоположные качества*

нашего поведения, как героизм и преступное служебное разгильдяйство» [Игнатенко 2005: 72]. «Разгильдяйство» относится к предаварийному периоду. Дискуссия о качестве работы персонала и резкие выражения в его адрес прекращаются полностью в описаниях периода послеаварийного. Очень важная черта практически всех без исключения воспоминаний: обсуждение событий, предшествующих аварии, сфокусировано на соответствии действий персонала регламенту, на качестве самого регламента и конструктивных особенностей реактора, после аварии – на оценке личностных качеств и поступков.

Характеристики поведения операторов в этот период практически совпадают: профессионализм, ответственность, самоотверженность, хотя обвинения в трусости конкретных руководителей в некоторых воспоминаниях присутствуют, что, впрочем, естественно для глубоко личностных оценок, содержащихся в мемуарах. Действия операторов описаны также достаточно детально во многих документах и воспоминаниях с незначительными (для данного исследования) вариациями.

Смена № 5. Сразу после взрыва

Первыми начали действовать те, кто находился непосредственно на четвёртом блоке: заместитель главного инженера А. С. Дятлов; пятая смена, начальником которой был Александр Акимов, и несколько человек, пришедших наблюдать за испытаниями. Решение было принято сознательно и, по словам Дятлова, совместно: *«Растерянность, недоумение и полное непонимание, что случилось, недолго владели нами. Навалились совершенно неотложные дела, выполнение которых вытеснило из головы все другие мысли... Оглядываясь в прошлое,... с полным основанием констатирую, что тогда мы сделали всё возможное в той экстремальной обстановке. Больше сделать полезного ничего было нельзя. Никакой паники, никакого психоза я не наблюдал. Ни один человек самовольно не покинул блок, уходили только по распоряжению»* [Дятлов 2003: 8]. Бывший заместитель главного инженера оценивает работу персонала как профессиональную, мужественную, на грани самопожертвования. Он подчёркивает, что именно операторы, как профессионалы, ясно осознавали опасность радиации, а инциденты, стоившие им здоровья и жизни, в атомной энергетике случались и до Чернобыля.

Слова о героизме и ответственности не являются лишь данью памяти погибших товарищей, у них есть более глубокое основание. Именно эти качества становятся ключевыми факторами решения задач в ситуации хаоса. Задачи смена ставила перед собой самостоятельно, на основании той минимальной и большей частью визуальной информации, которую можно было в этот момент получить: *«Что могли и видели*

в этом необходимость – делали сами. Не знали, что делать, – это было. А кто там знал? К такой аварии не готовились» [Дятлов 2003: 51]. По этой причине далеко не всё оценивалось верно, и не все решения были правильными. Но наиболее очевидной в тот момент была опасность реактора для всех остальных блоков станции, и главной задачей стало отсечение третьего блока от начавшихся в машинном зале пожаров. Там находились турбогенераторы, заполненные водородом, десятки тонн масла, пожар уже начался и представлял собой главную опасность. Пятая смена должна была вытеснить взрывоопасный водород и заменить его азотом, отключить горящие электрические сборки и механизмы, перекачать масло, тушить возникающие пожары. Им помогали заместитель начальника турбинного цеха Ринат Давлетбаев и заместитель начальника электроцеха Александр Лелеченко, специалисты, присутствовавшие на испытаниях: «Оперативный персонал сделал много, чтобы размеры аварии не разрослись. Тушил и предупреждал новые пожары. Отсекал от пожара третий реактор, а это было и трудно, и опасно. Ведь уровень радиации оказался в ряде мест смертельным... До последнего работали и те, кто оказался ночью на станции по собственной инициативе только затем, чтобы перенять опыт ведения работ при остановке реактора и проведении испытаний» [Игнатенко 2005: 71].

Управление ликвидацией последствий: структура и личность

Система и структура управления ликвидацией последствий катастрофы начала формироваться утром 26 апреля, т. е. через несколько часов после аварии. В Припять вылетела аварийная группа Министерства энергетики и электрификации (Минэнерго) и Министерства атомной энергетики (Минатом), по отчётам которой была сформирована правительственная комиссия. Уровень катастрофы в течение нескольких последующих часов повышался, т. к. никто не смог верно оценить её масштаб. Объективным основанием для не оправдавшегося оптимизма было почти полное отсутствие информации о том, что произошло с реактором и в каком он состоянии, по причине полностью разрушенной информационной системы. По словам экспертов, отсутствие информации усугублялось верой в безопасность АЭС и психологическим неприятием предельной аварии. Однако осознание происходило быстро, о чём свидетельствует смена главы правительственной комиссии в течение менее чем суток. Сначала им был назначен заместитель министра энергетики, но уже в Киеве стало известно, что начальником стал сам министр, а вечером 26 апреля возглавил комиссию заместитель председателя Совета министров СССР

Б. Е. Щербина. Ранг комиссии повышался в течение дня, по мере поступления новой информации о масштабах аварии. В то же время, неопределённость не могла быть ликвидирована полностью.

Правительственная комиссия стала центром формирования уникальной системы управления. Целью Комиссии при её создании было расследование причин и разработка способов ликвидации последствий аварии, однако в результате она практически полностью сконцентрировалась на ликвидации последствий. Если в оценке причин катастрофы отчётливо прослеживаются ведомственные противоречия, то в сфере ликвидации последствий Комиссия межведомственные барьеры устранила. Её указы были обязательны для всех органов управления на территории: *«Она координировала работу более сорока министерств и ведомств, воинских формирований, республиканских и местных органов и не только в зоне ЧАЭС. Указы ПК были обязательны для всех органов управления на территории страны»* [Дьяченко 2004]. Были образованы рабочие группы по главным направлениям: обеспечение безопасного состояния реактора; радиационная обстановка; восстановительные работы; подготовка мероприятий по эвакуации населения; экспертная оценка причин аварии.

На следующий день сформировали оперативную группу Политбюро, которую возглавил премьер министр СССР Н. И. Рыжков. По его словам, именно создание данного структурного подразделения позволило устранить все возможные барьеры для немедленной реализации принятых решений: *«В комнате заседаний оборудовали ВЧ-связь усилителями, чтобы все присутствующие могли слышать переговоры с Чернобылем. Любой вопрос из этой зоны решался немедленно. С нами работали все, кто мог хоть чем-то помочь, что-то подсказать. Любой запрос удовлетворялся сразу»* [Дьяченко 2004].

Формирующаяся структура не может функционировать автоматически, в условиях крайнего дефицита информации и высокого уровня неопределённости последствия принятых решений не ясны, а инструкции отсутствуют. Необходим человек, способный принять решение и отдать приказ без длительных колебаний. Личностным качествам Б. Е. Щербины в воспоминаниях уделено большое внимание, так как они были одним из важных факторов результативности действий всей системы. Следует иметь в виду, что оценки руководителей противоречивы, носят субъективный характер, поскольку субъективность неизбежна там, где решающую роль играет личность, а не функция. Однако, по словам одного из экспертов (участника ликвидации последствий катастрофы), всех их можно считать героями, так как героизмом было само по себе принятие решений в условиях недостатка, а иногда и отсутствия информации.

По этой причине здесь указаны лишь те личностные качества, которые по общему признанию сыграли главную роль в ликвидации последствий. Щербина характеризуется как человек сложный, уверенный в безопасности атомной энергетики и лишавший слова тех, кто в ней сомневался. Одновременно, он обладал блестящим интеллектом и памятью, невероятной работоспособностью, мёртвой хваткой в делах и способностью схватывать суть сложных технологических вопросов, в которых он сам специалистом не был. Способность выслушивать многочисленных специалистов, ориентироваться в их предложениях и принимать решения была, по общему мнению, в данной ситуации главным качеством, определившим эффективность действий руководства правительственной комиссии.

Решения в условиях информационного дефицита рискованны и не всегда приводят к желаемым результатам. Но не менее опасной оказалась нерешительность, отсутствие смелости действовать за пределами норм. Если ранее нужно было «механистически исполнять инструкцию», то теперь привычку ей следовать необходимо было преодолевать: *«В этих условиях было принято, как я теперь считаю, роковое решение – прекратить подачу воды в активную зону четвёртого энергоблока. Мы ещё не владели полной информацией о сложившейся радиационной обстановке, совершенно не знали о физико-химическом состоянии выброшенных радиоактивных продуктов. А самое главное – жили в плену норм и правил, разработанных для ведения работ с радиоактивными веществами и эксплуатации атомных электростанций в нормальных условиях, далеко отличных от тех, в которые мы попали»* (выделено мною – О. А.) [Игнатенко 2005: 55].

Ещё более важной представляется характеристика личностных качеств подчинённых. Они не подчиняются безоговорочно требовательному и не терпящему возражений руководителю. Приказы не должны выполняться бездумно, но оцениваться в соответствии с профессиональными знаниями и опытом: *«Никогда не приходилось работать с людьми столь высокого административного ранга. Но вскоре мы привыкли, рапортовали «будет сделано», а делали по-своему, так, как подсказывала наша совесть и, конечно, квалификация»* [Беляев 2009: 5]. Напомним, в начале воспоминаний их автор отстаивает необходимость дисциплины и механического исполнения инструкций в сложной системе.

Обязательным условием самостоятельного принятия решений было достаточно широкое образование, позволяющее находить нестандартные варианты решения проблем. Офицер войск химзащиты вспоминает: *«Мы с благодарностью вспоминали своих учителей в Академии, вложивших в нас столь необходимые знания по химии, физике, радиохимии,*

радиационной химии и другим наукам. В годы учёбы они казались нам порой такими неактуальными, а сейчас стали фундаментом нашей успешной работы и решений самых неожиданных задач» [Чернобыль 2001: 58].

Рефлексия осуществляется на всех уровнях системы. В штабе проблемы анализируют ведущие физики страны, инженеры разрабатывают конкретные решения. Ситуация осмысливается индивидуально и в постоянных обсуждениях: «Между собой строители и монтажники всегда находили общий язык и совместное решение вопросов, не было никаких склок, распрей за первенство – цель одна, любая рациональная идея подхватывалась и претворялась в жизнь. И постоянно обмен мнений на площадке» [Беляев 2009: 89]. В обмен мнениями были вовлечены все: строители, учёные, партийные наблюдатели. Организация работ позволяет почти моментально воплощать в жизнь результаты работы учёных и инженеров: «Все вопросы решались моментально, согласование велось по телефону, заключения выдавались незамедлительно. Как мы легко вздохнули, когда исчезли бюрократические преграды. К сожалению, этот режим наибольшего благоприятствования начался и кончился в 1986 г.» [Беляев 2009: 89]; «Я докладываю на штабе, что я выдал чертежи захоронения ящиков с радиоактивными отходами. А генерал-майор уже стоит за моей спиной, и тут же сразу пять помощников переключаются на этого генерала, потому что его солдаты должны это выполнить. Там система была чёткая, тотальная, что ни закажешь, всё предоставлялось [из интервью с экспертом].

Организационная структура управления расширялась и развивалась в зависимости от обнаруженных проблем. Практически на пустом месте выстраивалась инфраструктура зоны: «Радиацию из тридцатикилометровой зоны быстро донесли до Москвы, резина всё хорошо впитывает. Сначала решили сделать шесть пропускных пунктов и оборудовать так же, как при выходе из станции. Я посадил свою группу проектировать, но оказалось при выезде из зоны на длительное время нужен душ, нужна парикмахерская, потому что на волосах повышенная радиация, надо их стричь. Надо смывать грязь, но смывать в землю нельзя, будет её заражать. Решили делать бетонную площадку, кроме бетона делать гидроизоляцию. Жидкость загрязнённую надо куда-то сливать, одежду снимать, если она светится. И разрослось всё это до целого городка» [из интервью с экспертом].

В итоге сформировалась система управления, построенная на очень сложном сочетании централизованной организационной структуры, которая свела к минимуму ведомственные интересы и противоречия, с гибкостью её подразделений и автономией профессионала, с обоснованными действиями актора, которые определяются знаниями и человеческими

качествами, установками и ценностями. Более того, сочетание требуемых личностных качеств необычно и по определению конфликтно: решительность, жёсткость и требовательность руководителя и способность противостоять его решениям, отстаивать собственную позицию подчинённых субъектов действия. Обязательным условием работы такой системы был профессионализм, основанный на фундаментальном образовании и постоянная рефлексия. Отсутствие чего-либо из перечисленного сделало бы систему в целом неэффективной, хуже того – оно было бы смертельно опасно.

Пределы алгоритмизированного действия: авария на АЭС Фукусима-1

События, последовавшие за цунами на АЭС Фукусима-1 в марте 2011 г., представляют для настоящего исследования особый интерес. Япония в бытовых и в научных представлениях – пример сложившейся технологической системы, соответствующей ей безупречной дисциплины и алгоритмизированного сознания, механистического следования инструкции в сложных системах, о необходимости которого говорили наши атомщики. Однако осуществить сравнительный анализ оказалось крайне трудно по причине острого дефицита информации, поступающей из Японии, полной невозможности провести исследование на месте. Информация, имеющаяся в нашем распоряжении, получена из открытых отчётов МАГАТЭ, новостных лент, статей и опубликованных интервью с российскими экспертами, посетившими Фукусиму или пытавшимися разобраться в сложившейся ситуации на основании собственного анализа доступных материалов. По этой причине можно сделать только ряд обоснованных предположений, несомненно, требующих дополнительного исследования.

Начнём с того, что удар стихии был лишь одной из причин аварии. Защита от землетрясений заглушила реакторы станции, катастрофический характер развития событий произошёл позже, когда станция надолго осталась без электроэнергии, а её реакторы – без охлаждения, в результате чего началось расплавление активной зоны.

Иллюзия безопасности технологической системы

Напомним, гибкая и саморегулирующаяся система должна компенсировать отсутствие действующего субъекта. Прозрачность современного общества декларирована политиками и обоснована учёными, она является необходимым условием минимизации риска [Бек 2000]. Кроме того, согласно

концепции экомодернизации, механизмы минимизации риска встроены в движение капитала, т. к. способствуют увеличению прибыли или снижению издержек. Если в каких-то случаях такового не произошло, экологическое управление (государственное или глобальное) подчиняет экономические интересы задачам сокращения риска¹.

Как было сказано выше, авария на японской АЭС и ликвидация её последствий прозрачными не были. Катастрофа очень быстро исчезла из фокуса внимания СМИ, в итоге она была изъята из конструируемой ими картины мира, несмотря на отсутствие аналога советской секретности. Участники форумов в интернете по крупицам собирали информацию о происходящем на станции. Информации, судя по новостным лентам, не хватало не только широкой общественности, но и МАГАТЭ, причём за три года ситуация не изменилась. Сравним заголовки новостей от 12 марта 2011 г. – «МАГАТЭ требует от Японии срочно отчитаться об аварии на АЭС» [МАГАТЭ требует... 2011] и от 29 августа 2013 г. – «МАГАТЭ требует от Японии прекратить путаницу в сообщениях с «Фукусимы-1» [МАГАТЭ требует... 2012]. С таким же успехом требует информации Китай, для которого мониторинг загрязнения и состояния АЭС необходим по причине непосредственной географической близости: 17 марта 2011 г. – «Китай требует от Японии отчёта о ситуации на АЭС» [Китай требует... 2011], а 21 августа 2013 г. – «КНР шокирована новостями о крупной утечке радиации в Японии» [КНР шокирована... 2011].

По свидетельству Генерального директора ОАО «Концерн Росэнергоатом» В. Асмолова, практически отсутствовал информационный обмен внутри Всемирной атомной организации (ВАО)², в первые дни после аварии не было связи её Токийского центра с компанией-оператором ТЭПКО, Центр слал оперативную информацию на основании телевизионных новостей: *«Мы в Концерне ещё в самом начале установили связь с Московским центром ВАО, который гнал нам оперативную информацию из Токийского центра. По этой информации мы что-то пересчитывали, что-то предсказывали. Захожу в офис Токийского центра и начинаю шизеть. В центре – большой телевизор. По нему идут новости. Перед телевизором трое мужиков строчат что-то за компьютерами. Потом они это “что-то” куда-то отдают, и дальше по всему миру то, что они настрочили, рассылается. По всем региональным центрам ВАО! Я присаживаюсь и говорю:*

¹ Регулирующая роль государства или глобальных структур анализируется, в частности, в теории экологической модернизации [см., например: Mol 1995; Sonnenfeld, Mol 2002].

² ВАО (WANO) – Всемирная ассоциация организаций, эксплуатирующих атомные электростанции.

– Это что? Где у вас оперативная связь с кризисным центром ТЭПКО?

– Связи с ТЭПКО нет!

– А где ваш вопль по всему миру, что ТЭПКО не выполняет свои обязательства, которые они подписывали, когда вступали в ВАО?

– Но мы же вам всё передаём!???» [Асмолов 2012].

Строительство атомных станций и их функционирование в зоне возможности катастрофической цунами в течение сорока лет опровергают тезис о прибыльности минимизации риска. Экономические интересы были и остаются приоритетными, размещение атомных станций на западном побережье Японии требует намного меньше затрат, чем все прочие варианты. В частности, источник энергии в данном случае много ближе к крупным городам, её основным потребителям. Отметим, что советские инженеры при выборе места для станции проводили едва ли не исторические исследования, чтобы получить информацию о возможных опасностях для её эксплуатации. По словам одного из них, опасность окружающей среды для станции не менее важна, чем опасность станции для среды: *«Авария на АЭС Фукусима, я думаю, произошла из-за того, что при выборе места строительства АЭС исходили из неверной посылки, что землетрясение и цунами такого масштаба, которые произошли здесь в начале прошлого столетия, снова не могут произойти»* [из интервью с экспертом]. По советским и современным российским нормам строить в таком месте АЭС нельзя.

Государственное управление не защитило интересы общества и его безопасность, как это предполагалось. Признаков существования глобальной саморегулирующейся системы также не удалось обнаружить: глобальные структуры, в данном случае МАГАТЭ и ВАО, мобилизовать и координировать потоки ресурсов не могли, полномочий для этого не имели.

Видимостью оказалась и эффективность технологической системы в мобилизации ресурсов и в управлении. В том же интервью В. Г. Асмолов использует для обозначения источника всех управленческих проблем термин «демократия»: *«Я точно понимаю, что в условиях демократии управлять аварией нельзя. Аварийное управление требует единоначалия. Оно требует огромных полномочий и ресурсов с немедленным исполнением. Вообще управление чем-то в экстремальных ситуациях и демократия – вещи малосовместимые»* [Асмолов 2012].

Проблема, однако, не в демократии как таковой. Российский атомщик обозначил этим термином рыночные связи между различными субъектами, которые не позволяют мобилизовать ресурсы быстро и в нужных количествах. Процессы специализации, а затем коммерческого обособления

части узкоспециализированных действий посредством аутсорсинга усиливают рыночную составляющую этих связей. Функциональные элементы, действующие строго по программам, на деле соединяются меж собой рыночными коммуникациями. Последние в условиях системной аварии не связывают, а разобщают, т. к. не могут функционировать с требуемой скоростью, кроме того, затраты и в чрезвычайной ситуации остаются главным ограничителем мобильности. Невидимая рука рынка если и существует, то действует слишком медленно.

Впечатления В. Г. Асмолова подтверждают и другие эксперты. В частности, Леонид Большов¹ характеризует систему управления следующим образом: *«Вызывает вопросы организация управления ликвидацией аварии... За полторы недели трижды менялся центр принятия решений – сначала эксплуатирующая компания, потом министерство экономики и торговли, наконец, ситуацию с аварийными блоками взял под контроль премьер-министр. Специалисты Росатома иногда просто не знали, кому давать рекомендации»* [Год спустя... 2012]. Напомним, в СССР этот процесс занял менее суток.

Дисциплина как фактор катастрофы

Начнём с того, что удар стихии был лишь одной из причин аварии. Защита от землетрясений заглушила реакторы станции, катастрофический характер развития событий возник позже, когда станция надолго осталась без электроэнергии, а её реакторы – без охлаждения. До этого аварию можно было бы предотвратить. На данный факт указывали практически все российские эксперты, но, пожалуй, наиболее ярко роль алгоритмизированного действия охарактеризована в отчёте парламентской комиссии по расследованию причин аварии: *«Необходимо с болью признать, что эта катастрофа была «сделана в Японии».* Фундаментальные причины её кроются в традициях японского общества – в нашем рефлексорном повиновении, нашем нежелании сомневаться в авторитетах, нашей приверженности сложившемуся распорядку» [Ткачёв 2013] (цитата переведена с английского [Wakatsuki, Mullen 2012]).

На Фукусиме-1 имелся запас времени, по мнению российских экспертов, достаточный для предотвращения катастрофического развития событий. Асмолов формулирует, пожалуй, ключевую концепцию российского подхода к решению нестандартных задач, который можно условно назвать принципом субъектности человека: *«Главное – решение поставленной задачи. В этой ситуации её надо решать немедленно. Пусть кувалдой! Всем, что есть под рукой. Электричества*

¹ Директор Института проблем безопасного развития атомной энергетики (ИБРАЭ) РАН, член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук, профессор.

не было на станции – но в 6 км было! Что делали бы мы – катушка кабеля и бегом. У них это невозможно. Когда проложили кабель – разъёмы для соединения не подошли. Так они их заказали на заводе. Хорошо, что ещё тендер не объявили» (выделено мною – О. А.) [Асмолов 2012].

Были и другие варианты решения задачи: «По словам одного из участников дискуссии, для восстановления подачи энергии достаточно было пришвартовать рядом военный корабль и подключиться к системе электроснабжения судна или ближайшего непострадавшего предприятия. Но кабель решили тянуть, когда уже выкипали не только реакторы, но и бассейны выдержки» [Год спустя... 2012].

Заключение. Фактор «Х»

Сопоставление интерпретаций фатальной роли человеческого фактора в Чернобыле и на Фукусиме даёт удивительную картину: в первом случае персонал обвинён в своеволии, во втором – в дисциплинированности. Сложная система, сохраняющая субъектность человека, и система, её исключающая, одинаково опасны.

Профессионал-актор плохо совместим с технологической системой, уже потому, что повышает степень её сложности и неопределённости. Его субъектность по отношению к алгоритму действия, его способность к рефлексии и критическое отношение к инструкции повышают риск сбоев в системе, даже если абстрагироваться от возможных нарушений служебных обязанностей.

С другой стороны, авария (или нарушение технологического процесса), которая имела место на Фукусиме, меняет ситуацию мгновенно. Столь же мгновенно меняются требования к персоналу. Для предотвращения катастрофы, для минимизации и ликвидации её последствий нужен широко и фундаментально образованный профессионал, способный противостоять любому давлению и действовать самостоятельно, кроме того, ответственный, готовый рисковать, жертвовать своей жизнью и т. п. Пятая смена едва ли не мгновенно превратилась в коллективного актёра, осмысливающего и изменяющего своими действиями неизвестную и смертельно опасную реальность. Факторы, повышавшие риск аварии (домашние неурядицы, измены, ссоры, болезни близких и т. п.), в новой ситуации перестали быть значимыми.

В условиях хаоса необходимость профессиональной свободы, дополненной интеллектуально обоснованным и ценностно ориентированным действием, ни у кого не вызывает сомнений. Приоритетом становится постановка и решение задачи, всё прочее лишь инструмент, который может быть

любым (вплоть до «кувалды»). Структуры, институты и алгоритмы становятся таким же инструментом. О нормах следует забыть, так как в ситуации хаоса они не действуют. Актор теперь сам должен находить решения, генерировать новые алгоритмы и определять нормы на основании своих знаний; иными словами, его действия должны быть обоснованными, а дисциплина, без всякого сомнения, осознанной.

Это даёт основание предполагать наличие в российской культуре традиции поведения человека в ситуации хаоса, а стремительность, с которой были стёрты громоздкие ведомственные и бюрократические барьеры, о традиции организованных действий в чрезвычайных условиях. Система управления ликвидацией последствий катастрофы формировалась в зависимости от задач, она при этом была изначально централизована, что позволяет быстро мобилизовать ресурсы, но её отдельные элементы обладали достаточно большой степенью свободы. Необходимый набор личностных качеств есть не у всех: как было показано, волевой руководитель может принимать неверные решения из-за недостатка профессионализма, а профессионал оказаться безвольным и нерешительным, и т. п. Тем не менее, принцип «не поддаваться давлению», «не выполнять приказов, с которыми не согласен», позволяло провал на одном из уровней системы компенсировать адекватными действиями на другом.

Субъектность технологической системы оказалась иллюзией, обманувшей, впрочем, и многих учёных. Антимодернист Жак Эллюль рисовал картину технологического муравейника, в котором гибкая организация может думать и действовать, нуждаясь лишь в достаточных для этого ресурсах [Ellul 1980]. Оказалось, что в ситуации хаоса, требующей быстрой рефлексии, решений и действий, эта целостность распалась на множество отраслей и структур. Их связывают исключительно рыночные отношения, гибкие и эффективные, но эффективные в области производства товаров и услуг или обслуживания финансовых потоков. Внутри отдельной системы создание новых алгоритмов в считанные часы, а иногда минуты невозможно. Ситуацию мог бы исправить действующий субъект, но магического превращения лучшего в мире агента, выполняющего механически требования регламента, в актора не произошло и не могло произойти по причине отсутствия профессионального и личностного потенциала, требуемого для самостоятельных действий.

Системная авария содержит в себе ещё один важный парадокс: упрощение её человеческой составляющей, направленное на ликвидацию риска, его не устраняет. Авария на Фукусиме случилась в эпоху развития устойчивого инжиниринга и других направлений минимизации риска. Проблема по-прежнему заключается в невозможности предусмотреть все варианты:

Сопоставление интерпретаций фатальной роли человеческого фактора в Чернобыле и на Фукусиме даёт удивительную картину: в первом случае персонал обвинён в своеволии, во втором – в дисциплинированности.

Субъектность профессионала-актора по отношению к алгоритму действия, его способность к рефлексии и критическое отношение к инструкции повышают риск сбоев в системе. С другой стороны, авария (или нарушение технологического процесса) меняет ситуацию мгновенно.

«Когда ты пишешь формулы зависимости аварии от каких-то событий, ты можешь перечислять какие угодно события, но всегда остаётся неизвестная X. За все годы работы я пришёл к выводу о том, что любая атомная станция может когда-либо взорваться. Если вероятность этого один раз в один миллион лет, то это вовсе не значит, что этот один раз не наступит завтра» [из интервью с экспертом]. Если допустить возможность существования рафинированной технологической системы, построенной, к примеру, роботами или ожидаемой модификацией homo sapiens, риск катастрофы не исчезнет, а внешние условия её функционирования никогда не будут стерильными: землетрясения, цунами, падение метеоритов и прочие стихийные бедствия отменить не удастся. Принесение актора в жертву безопасности лишь увеличивает опасность. По этой причине необходимо исследовать перспективы использования уже в современных условиях традиции управления, в которых обоснованное действие приоритетно, а дисциплина осознана.

Библиографический список

Аксёнова О. В. 2012. Особенности активизма российских профессионалов: социальные практики // Вестник Института социологии. № 5. С. 121–144. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2012_5/Aksenova2.pdf [Дата посещения: 03.05.2014].

Асмолов В. Г. 2012. Как я давал поручения Премьеру // Сайт «Война и мир» URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/68128/> [Дата посещения: 03.05.2014].

Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.

Беляев И. А. 2009. Чернобыль – вахта смерти. М.: Общественный совет Госкорпорации «Росатом». 267 с.

Год спустя: эксперты РАН о Фукусиме // Экологическая правда. 2012. 11 марта. URL: <http://www.eco-pravda.ru/page.php?id=3811> [Дата посещения: 03.05.2014].

Дятлов А. С. 2003. Чернобыль. Как это было. М.: Научтехлитиздат. 191 с.

Дьяченко А. А. 2004. Опыт ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Часть I. М.: Институт стратегической стабильности Минатома России // Сайт Федерального государственного предприятия «Институт стратегической стабильности». Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» URL: <http://www.iss-atom.ru/book-4/glav-2-15.htm> [Дата посещения: 03.05.2014].

Игнатенко Е. И. 2005. В год Тигра, под кометой Галлея // Маршал атомных дел. М.: Концерн «Росэнергоатом», ООО РА «Арт-Лион». 383 с.

Информация об аварии на Чернобыльской АЭС и её последствиях, подготовленная для МАГАТЭ, Доклад N1 (INSAG-1) // Атомная энергия. Т.61. Вып. 5. М.: Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова, ноябрь 1986. С. 301–320.

Капран Н. В. 2005. Месть мирного атома. М.: Наука. 566 с.

Китай требует от Японии отчёта о ситуации на АЭС // Информационный портал «Сегодня.ua». 2011. 17 марта. URL: <http://www.segodnya.ua/world/kitaj-trebuuet-ot-japonii-otcheta-o-cituatsii-na-aec.html> [Дата посещения: 03.05.2014].

КНР шокирована новостями о крупной утечке радиации в Японии // Информационный портал РБК «Весь мир». 2013. 21 августа. URL: <http://top.rbc.ru/incidents/21/08/2013/871034.shtml> [Дата посещения: 03.05.2014].

МАГАТЭ требует от Японии срочно отчитаться о взрыве на АЭС // Информационный портал «Обозреватель». 2012. URL: <http://obozrevatel.com/abroad/magate-trebuuet-ot-yaponii-srochno-otchitatsya-o-vzryive-na-aes.htm> [Дата посещения 03.05.2014].

МАГАТЭ требует от Японии прекратить путаницу в сообщениях с «Фукусимы-1» // Великая эпоха. The Epoch Times. 2013. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/78389/2/> [Дата посещения 03.05.2014].

Тихонова Н. Е. 2011. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии. № 3. С. 10–27. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Tihonova.pdf [Дата посещения 03.05.2014].

Ткачёв И. 2013. Фукусима два года спустя: что мир извлёк из трагедии в Японии // Информационный портал РБК «Весь мир». 11 марта. URL: <http://top.rbc.ru/economics/11/03/2013/848528.shtml> [Дата посещения: 03.05.2014].

Турен А. 1998. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир. 206 с.

Фукуяма Ф. 2004. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, ОАО «ЛЮКС». 349 с.

Чернобыль: долг и мужество. Научно-публицистическая монография / Под ред. А. А. Дьяченко. М.: 4-й филиал Воениздата, 2001. 58 с.

Чернобыльская авария. Дополнение к INSAG-1. Доклад Международной консультационной группы по ядерной безопасности // Серия изданий по безопасности № 75, INSAG-7. Вена: Международное агентство по атомной энергетике, 1993. 158 с.

Cook R. I., Woods D. D. 1994. Operating at the Sharp End: The Complexity of Human Error // Bogner M. S., ed. Human error in medicine. N.J.P. : Hillsdale. P. 255–310.

Ellul J. 1980. *The technological System*. N. Y.: Cotinum. 325 p.

Latour B. 2005. *Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press. 301 p.

Mol A. P. J. 1995. *The Refinement of Production. Ecological modernization theory and the chemical industry*. Utrecht: Van Arkel. 452 p.

Perrow Ch. 1984. *Normal accidents. Living with high-risk technologies*. N. Y.: Basic Books. 386 p.

Mol A. P. J., Spaargaren G., Sonnenfeld D. A. 2014. *Ecological modernization theory. Taking stock, moving forward* // Lockie S., Sonnenfeld D. A., Fisher D. R. *Routledge International Handbook of Social and Environmental*. L. and N. Y.: Routledge. P. 15–30.

Resilience engineering: concepts and precepts / Hollangel E., Woods D. D., Levenson N. (eds.). Aldershot, UK.: Ashgate, 2006. 397 p.

Sassen S. 2005. *The global city: introducing a concept* // *Brown journal of world affairs*. № 11 (2). P. 27–43.

Sonnenfeld D. A., Mol A. P. J. 2002. *Globalization and the Transformation of Environmental Governance* // *American Behavioral Scientist*. № 45(9). P. 1318–1339.

Urry J. 2003. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press. 172 p.

Wakatsuki Y., Mullen J. 2012. *Japanese parliament report: Fukushima nuclear crisis was 'man-made'* // Сайт информационного агентства CNN. 5 July. URL: <http://edition.cnn.com/2012/07/05/world/asia/japan-fukushima-report> [Дата посещения: 03.05.2014].

From Organization to Chaos: Actor in the System Accident

Aksenova Olga Vladimirovna

Candidate of sociological sciences, leading researcher, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: illaio@yandex.ru

Abstract. The present paper analyses the problem of the reduction and simplification of the actor in the modern technological system. This problem is related to the risk of system accident due to the non-strict implementation of instruction and the independent decision-making of the operator. Such independence and decisiveness complicates the system and increases the risk of an accident. However, the reduction to its function is also risky. Moreover, there is a risk of the loss of the actor due to the expansion of technologies. This article describes the activities of the actor in a stable and organised space and in the situation of chaos. The theoretical approach utilises Charles Perrow's concept of system failure and A. Touraine and B. Latour's definitions of actor. The research is based on the case of the Chernobyl catastrophe. The following data sources were used: the memoirs of the power plant's personnel, participants in the remediation and cleanup of the accident, publications and documents, and in-depth interviews with experts. The Chernobyl catastrophe was the result of a typical system accident. It occurred due to the unpredictable coincidence of many failures and errors; therefore, there were no specific offenders. The current paper reveals Soviet specialists' views on the fictionalisation of the actor and introduces the concepts of "conscious

discipline”, “programmed action”, and “reasonable action”. The paper also considers the role of the actor in the management of the disaster’s consequences in the situation of chaos. The specific organisational structure of the above management is revealed. Special attention is given to the role of values and personality in solving problems. The paper also considers the available information on the accident at the Fukushima 1 nuclear power plant, including the opinions of Russian experts. The results of activities of the actor who is reduced to function are analysed. The paper focuses on the possibility of a flexible modern system to compensate the lack of an independent actor. A number of problems that are related to resource mobilisation and communications and the strictly programmed actions of operators are discussed. The paper presents preliminary results and identifies potential areas of comparative research on the subject-actor and the subject function. The risks that are associated with the disappearance of the actor are identified.

Keywords: actor, technological system, organization, rules, algorithm, conscious discipline, reasonable action, programmed action, intellectual action, system accident, risk, chaos, values, personality.

References

Asmolov V. G. Kak ja daval poruchenija Prem’eru [How did I gave orders to the Prime Minister]. Website «Voyna i mir» [War and peace]. 2012. URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/68128/> [accessed 03.05.2014].

Aksenova O. V. Osobennosti aktivizma rossijskikh professionalov: social’nye praktiki [Peculiarities of Russian professionals’ activism: social practices]. Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology], 2012, no. 5, pp. 121–144. URL: <http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=194&jid=181&jj=> [accessed 03.05.2014].

Beck U. Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. Towards a New Modernity]. Moscow, Progress-Tradicija, 2000. 384 p.

Beliaev I. A. Chernobyl’ – vakhta smerti [Chernobyl – The watch of death]. Moscow, Obshhestvennyj sovet «Rosatom». 2009. 267 p.

Chernobyl’skaja avarija. Dopolnenie k INSAG-1. Doklad Mezhdunarodnoj konsul’tacionnoj gruppy po jadernoy bezopasnosti [The Chernobyl accident. Addition to the INSAG-1. Report of the International Advisory Group on nuclear security]. Serija izdaniy po bezopasnosti [Series of publications on security] no. 75, INSAG-7. Vena, Mezhdunarodnoe agentstvo po atomnoj energetike, 1993. 158 p.

Diachenko A. A., ed. Chernobyl’: dolg i muzhestvo [Chernobyl: duty and courage]. Moscow, 4th filial Voenizdata, 2001. 58 p.

Diachenko A. A. Opyt likvidacii posledstvij Chernobyl’skoj katastrofy [The experience in liquidation of Chernobyl accident’s consequences]. Part 1. Moscow, Institut strategicheskoy stabil’nosti Minatoma Rossii. Website «Rosatom». 2004. URL: <http://www.iss-atom.ru/book-4/glav-2-15.htm> [date of visit 03.05.2014].

Diatlov A. S. Chernobyl’. Kak eto bylo [Chernobyl. How it has been]. Moscow, Nauchtehlitizdat, 2003. 191 p.

Ellul J. The technological System. New York, Cotinum, 1980. 325 p.

Fukujama F. Nashe postchelovecheskoe budushee: Posledstvija biotehnologicheskoy revoliucii [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. Moscow, AST, OAO “LUX”, 2004. 349 p.

God spustia: eksperty RAN o Fukusime [A year later: experts of Russian Academy of Sciences on Fukusima accident] // Ekologicheskaja Pravda, 2012, 11th March. URL: <http://www.eco-pravda.ru/page.php?id=3811> [accessed 03.05.2014].

Hollangel E., Woods D. D., Levenson N. (eds.). Resilience engineering: concepts and precepts. Aldershot, UK, Ashgate, 2006. 397 p.

Ignatenko E. I. V god Tigra, pod kometoy Galleja [In the year of the tiger, under the comet of Galei]. Marshal atomnyh del. Moscow, Konzern «Rosenergoatom», OOO RA «Art-Lion», 2005. 383 p.

Informacija ob аварии na Chernobyl'skoy AES i eyo posledstviyah, podgotovlennaja dlja MAGATE. Doklad N1 (INSAG-1) [Information on Chernobyl accident and its consequences, prepared for IAEA]. Atomnaja energija [Nuclear energy]. V. 61. no. 5. Moscow, Institut atomnoj jenerгии im. I. V. Kurchatova, Nov. 1986, pp. 301–320.

Kapran N. V. Mest' mirnogo atoma [The revenge of the peaceful atom]. Moscow, Nauka, 2005. 566 p.

Kitay trebuet ot Japonii otchiota o situacii na AES [China demands that Japan presents a report on the situation at the nuclear plant]. Informacionny portal «Segodnia.ua». 2011. 17th march. URL: <http://www.segodnya.ua/world/kitaj-trebuet-ot-japonii-otcheta-o-cituatsii-na-aec.html> [accessed 03.05.2014].

KNR shokirovana novostiami o krupnoy utechke radiacii v Japonii [China shocked by the news of the large radiation spills in Japan]. Informacionnyj portal RBK «Ves' mir». 2013. 21th August. URL: <http://top.rbc.ru/incidents/21/08/2013/871034.shtml> [accessed 03.05.2014].

Latour B. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford, Oxford University Press, 2005. 301 p.

MAGATE trebuet ot Japonii prekratit' putanicu v soobshhenijah s «Fukusimy-1» [IAEA demands that Japan stops the confusion in messages on “Fukusima-1”]. Velikaja epoha. [The Epoch Times]. 2013. URL: <http://www.epochtimes.ru/content/view/78389/2/> [accessed 03.05.2014].

MAGATE trebuet ot Japonii srochno otchitat'sia o vzryve na AES. Informacionny portal «Obozrevatel'» [IAEA demands that Japan reports on the accident of nuclear plant]. 2012. URL: <http://obozrevatel.com/abroad/magate-trebuet-ot-yaponii-srochno-otchitatsya-o-vzryive-na-aes.htm> [accessed 03.05.2014].

Mol A. P. J. The Refinement of Production. Ecological modernization theory and the chemical industry. Utrecht, Van Arkel, 1995. 452 p.

Mol A. P. J., Spaargaren G., Sonnenfeld D. A. 2014. Ecological modernization theory. Taking stock, moving forward // Lockie S., Sonnenfeld D. A., Fisher D. R. Routledge International Handbook of Social and Environmental. London and New York, Routledge, pp. 15–30.

Perrow Ch. Normal accidents. Living with high-risk technologies. New York, Basic Books, 1984. 386 p.

Sassen S. The global city: introducing a concept. Brown journal of world affairs, 2005, no. 11 (2), pp. 27–43.

Sonnenfeld D. A., Mol A. P. J. Globalization and the Transformation of Environmental Governance. American Behavioral Scientist, 2002, no. 45(9), pp. 1318–1339.

Tikhonova N. E. Dinamika normativno-cennostnyh sistem rossijan i perspektivy modernizacionnogo proekta [The dynamics of the regulatory system of values and perspectives of Russian modernization project]. Vestnik Instituta sociologii, 2011, no. 3. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2011_32/Tihonova.pdf [date of visit 03.05.2014].

Tkachioff I. Fukusima dva goda spustia: chto mir izvliok iz tragedii v Japonii [Fukusima two years later: what has the world learned from the tragedy in Japan]. Informacionny portal RBK «Ves' mir». 2013. 11th March. URL: <http://top.rbc.ru/economics/11/03/2013/848528.shtml> [date of visit 03.05.2014].

Turen A. Vozvraschenie cheloveka deystvujushegov [Le Retour de l'acteur]. Oчерk sociologii. Moscow, Nauchny mir, 1998. 206 p.

Urry J. Global Complexity. Cambridge, Polity Press, 2003. 172 p.

Wakatsuki Y., Mullen J. Japanese parliament report: Fukushima nuclear crisis was 'man-made'. Сайт информационного агентства CNN. 2012. 5 July. URL: <http://edition.cnn.com/2012/07/05/world/asia/japan-fukushima-report> [date of visit 03.05.2014].

Cook R. I., Woods D. D. Operating at the Sharp End: The Complexity of Human Error. Bogner M. S., ed. Human error in medicine. New Jersey, Hillsdale, 1994, pp. 255–310.

Социальное самочувствие

Доверие и недоверие в саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий (на примере украинского общества)

Чупров Владимир Ильич –
доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник, Институт
социально-политических исследований РАН,
Заслуженный деятель науки РФ, Москва

E-mail: chuprov443@yandex.ru

Зубок Юлия Альбертовна доктор –
социологических наук, профессор, заведующая
отделом социологии молодёжи, Институт
социально-политических исследований РАН,
Москва

E-mail: uzubok@mail.ru

Михеева Виталина Владимировна –
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и социологии
Украинской государственной академии
железнодорожного транспорта, Киев

E-mail: gonchar72@i.ua

Доверие и недоверие в саморегуляции эмоционального состояния субъектов социальных взаимодействий (на примере украинского общества)

Аннотация

В статье¹ рассматриваются эмоциональные состояния людей как субъектов социальных взаимодействий, которые существенным образом влияют на то, каким образом эти взаимодействия разворачиваются. Показано, что сами настроения являются результатом отражения существующей социальной реальности в зависимости от соответствия ожиданий, адресуемых различным её объектам и ответных действий последних. В результате формируются образы объектов реальности, которые и становятся отправной точкой формирования доверия или недоверия им. В свою очередь, возникающее чувство доверия или недоверия способно изменять эмоциональные состояния субъектов, выступая регулятором социальных взаимодействий. Анализ влияния факторов доверия и недоверия на эмоциональное состояние индивидов осуществлён на примере украинского общества, развитие которого на протяжении всего постсоветского периода характеризовалось противоречивыми процессами общественных изменений: трансформацией социальной структуры, сопровождаемой расшатыванием институциональных основ социального порядка и расширением пространства спонтанной самоорганизации индивидов и групп, непредсказуемости и неопределённости возникающих жизненных ситуаций. Это находило отражение в социальном положении людей, социальных взаимодействиях, настроениях и ощущениях. Становясь свойством современного украинского общества, наиболее рельефно состояние неопределённости выразилось в растущем недоверии украинских граждан друг другу, общественным и политическим институтам, что во многом стало причиной экономического и политического кризиса в стране, а также крайней степени эмоциональной напряжённости. Исследование осуществлено с применением методики ретроспективного анализа, основанного на изучении исторических фактов и эмпирических данных, полученных в прошлом и проецируемых на настоящее. Тем самым сделана попытка реконструирования тенденций изменяющейся реальности с известным результатом. Таким результатом стали события, происходящие на Украине сегодня. Связывая их с анализом данных исследования, проведённого за два года до этого, мы получаем не только достоверную картину изменяющейся социальной реальности, но и возможность эмпирической апробации социального механизма её изменения. На эмпирическом уровне выявлена связь доверия и недоверия с состоянием определённости и неопределённости в жизненных ситуациях индивидов и групп, с настроениями, которые детерминируются оценкой ими своего будущего, с чувством удовлетворённости качеством жизни, с про-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Доверие как фактор саморегуляции в изменяющейся социальной реальности» при поддержке РГНФ (грант № 14-03-00484).

тестной активностью, с эмиграционными настроениями, характеризующими эмоциональное переживание конкретных жизненных ситуаций. Установлено, что под влиянием доверия и недоверия изменение этих показателей носит разнонаправленный характер.

Ключевые слова: доверие/недоверие, объекты социальной реальности, эмоциональные состояния, определённость/неопределённость, протестная активность, эмиграционные настроения, украинское общество

Социальное взаимодействие, лежащее в основе социальной регуляции, согласно сложившемуся в классической социологии подходу, предполагает взаимные, т. е. направленные друг на друга действия партнёров (сопряжённость действий), имеющие своей целью вызвать ожидаемую ответную реакцию. Партнёрами социальных взаимодействий выступают как социальные институты, так и отдельные люди. Вступая во взаимодействие, они руководствуются, прежде всего, собственными представлениями о реальности, которые отражаются в их эмоциональном состоянии и ожиданиях, проявляющихся как устойчивый интерес к ответным действиям партнёра.

В эмоциональном состоянии субъекта взаимодействий фокусируются те аспекты реальности, которые непосредственно связаны с партнёром, будь это другой человек, организация, учреждение или орган политической власти. Интерес к партнёру определяется знаниями о характеристиках, из которых складывается его образ. Соответствие или несоответствие реальных характеристик ожидаемым проявляется в доверии либо недоверии партнёру. Следовательно, доверие, равно как и недоверие другим людям, общественным и политическим институтам, выступают факторами, регулирующими социальные взаимодействия.

В данном случае речь идёт о так называемом обобщённом доверии, понимаемом как социально-психологическая установка, выражающая готовность индивида рассматривать окружающих его людей и различные структуры общества как заслуживающие или не заслуживающие доверия. В основе последнего лежит позитивный образ того или иного объекта реальности (социальной группы, личности, института). В этом образе отражается не только рациональная составляющая, основанная на рефлексивном знании об объекте, но и чувственно-эмоциональная, способная существенно повлиять на его восприятие и оценки, регулируя готовность к взаимодействиям. Не случайно обобщённое доверие трактуется в синтезе «взаимодействия трёх характеристик (измерений) – познавательных, эмоциональных и поведенческих, каждая из которых считается неотъемлемым компонентом общего определения доверия» [Сакаки и др. 2013].

Обобщённое доверие возникает в процессе интеркоммуникации, когда критерии доверия отчуждаются от конкретного объекта, проецируясь на состояние среды взаимодействий. Аналогично проецируются на среду взаимодействий и критерии недоверия. В такой обобщённой форме критерии приобретают всеобщий и нормативный характер, способствуя формированию атмосферы доверия или недоверия.

В целом же атмосфера доверия или недоверия складывается из состояния субъекта, его ожиданий и реализации этих ожиданий. Поэтому для эмпирического анализа выделяются качественные характеристики эмоционального состояния субъекта взаимодействий – человека, ожидания (экспектации) ответных реакций партнёра взаимодействий – общества, реализация ожиданий – удовлетворённость либо неудовлетворённость изменением образа партнёра, т. е. ожидаемых характеристик общества.

В данной статье рассматривается только эмоциональная составляющая. Её показателями являются: состояние определённости/неопределённости в социальных взаимодействиях; настроения, связанные с оценкой собственного будущего; чувство удовлетворённости жизнью в целом; протестная активность; эмиграционные настроения. Они отражают переживания человеком различных социальных ситуаций, соответствующих или не соответствующих смыслу (значению, цели) его взаимодействий с обществом. От эмоционального состояния субъекта зависят направленность и характер ожиданий, адресуемых обществу и определяющих смысл этих взаимодействий.

Анализ, приведённый в статье, осуществлён на примере украинского общества¹, развитие которого на протяжении всего постсоветского периода характеризовалось противоречивыми процессами общественных изменений: трансформацией социальной структуры, сопровождаемой расшатыванием институциональных основ социального порядка и расширением пространства спонтанной самоорганизации индивидов и групп, снижением предсказуемости возникающих жизненных ситуаций. Это находит отражение в социальном положении людей, социальных взаимодействиях, в настроениях и ощущениях. Становясь свойством современного украинского общества, неопределённость проявляется в различных его сферах. Наиболее рельефно состояние неопределённости выразилось в растущем недоверии украинцев друг другу, общественным и политическим институтам, что во многом стало причиной экономического и политического кризиса в стране, а также крайней степени эмоциональной напряжённости. Причём, как показывает ретроспективный анализ, эмоциональное напря-

¹ В статье использованы результаты социологического исследования, проведённого в 2012 г. Институтом социологии НАН Украины в 26 областях страны, объём выборки 1800 чел. (руководитель – академик В. М. Ворона).

жение формировалось ещё задолго до событий «Майдана» и вооружённого конфликта. Применение методики ретроспективного исследования, основанного на изучении исторических фактов и эмпирических данных, полученных в прошлом, проецируемых на настоящее, – это, по существу, реконструирование тенденций и процессов изменяющейся реальности с известным результатом. Таким результатом являются события, происходящие на Украине сегодня. Связывая их с анализом данных исследования, проведённого за два года до этого, мы получаем не только достоверную картину изменяющейся социальной реальности, но и возможность эмпирической апробации социального механизма её изменения.

Для анализа фактора доверия/недоверия использовались суммарные значения вариантов ответов «скорее доверяю» и «полностью доверяю», а также «скорее не доверяю», «совсем не доверяю» на вопрос: «Какой уровень Вашего доверия...?». В факторе доверия/недоверия другим людям объединялись суммарные значения оценок доверия/недоверия семье, соседям, коллегам по работе, соотечественникам. В факторе доверия/недоверия общественным институтам – церкви, средствам массовой информации, армии¹. В факторе доверия/недоверия политическим институтам – Президенту, Верховной раде, Правительству, политическим партиям².

Изучение связи доверия и недоверия с изменением эмоционального состояния людей как субъектов их взаимодействия с обществом, проводилось на основе следующих показателей и эмпирических индикаторов.

Эмпирические индикаторы: состояние неопределённости/определённости

Изменение состояния неопределённости/определённости в социальных взаимодействиях оценивается как согласие и несогласие со следующими мнениями: «Сейчас всё так неустойчиво, что может произойти всё, что угодно»; «При нынешнем беспорядке и неясности трудно понять, во что верить»; «Многое из того, во что верили наши отцы, разрушается на глазах»; «Никому не доверять – самое безопасное». Соответственно согласие (С) является эмпирическим индикатором состояния неопределённости, а несогласие (Н/С) – индикатором определённости. Проанализируем связь

¹ В факторе недоверия общественным институтам исключалась семья, учитывая незначительную долю не доверяющих семье в общем распределении.

² В факторе доверия политическим институтам исключались политические партии, учитывая незначительную долю доверяющих политическим партиям в общем распределении.

доверия и недоверия с изменением данного показателя эмоционального состояния в обществе на основе этих индикаторов (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Связь доверия и недоверия с изменением состояния
определённости/неопределённости
в социальных взаимодействиях, %**

Доверие/ недоверие	Оценка согласия/несогласия с суждениями							
	Сейчас всё так неустойчиво, и кажется, что может произойти всё, что угодно		При нынешнем беспорядке и неясности трудно понять, во что верить		Многое из того, во что верили наши отцы, разрушается на глазах		Никому не доверять – самое безопасное	
	С	Н/С	С	Н/С	С	Н/С	С	Н/С
Доверие другим	79,6	13,7	73,7	19,1	84,2	7,9	52,5	33,3
Недоверие другим	90,7	6,5	85,2	10,2	89,8	3,7	73,8	17,8
Доверие общественным институтам	77,2	14,8	77,9	16,1	87,9	6,7	61,0	28,1
Недоверие общественным институтам	85,8	7,5	81,0	12,4	86,0	6,6	66,4	21,8
Доверие политическим институтам	65,2	26,8	68,1	23,9	83,2	8,0	53,6	34,8
Недоверие политическим институтам	86,3	6,8	81,7	12,0	87,1	5,4	60,2	25,4

Распределение оценок, представленных в таблице 1, отражает, с одной стороны, доминирование неопределённости, присущее современному украинскому обществу, о чём свидетельствуют более высокие значения согласия со всеми суждениями, отражающими данное состояние. Причём, доминирование неопределённости отмечается как среди доверяющих другим людям, общественным и политическим институтам, так и среди не доверяющих. В обеих группах согласие с анализируемыми суждениями колеблется от 52,5 до 90,7%. В этих условиях возникает естественная потребность в повышении определённости: никому не доверять – самое безопасное. К такому выводу приходят прежде всего не доверяющие другим людям – 73,8%, общественным институтам – 66,4%, политическим институтам – 60,2%. Но и среди доверяющих таких тоже немало: соответственно 52,5; 61 и 53,6%. То есть недоверие становится фактором повышения определённости, а точнее – создания иллюзии определённости.

С другой стороны, среди респондентов, проявляющих доверие и к другим, и к общественным и политическим институтам, значения согласия (неопределённости) по всем индикаторам намного ниже, чем среди проявляющих недоверие. И, наоборот, доля респондентов, несогласных с представленными суждениями (что свидетельствует о состоянии определённости среди них) практически в два раза выше по сравнению с группами не доверяющих другим людям, общественным и политическим институтам. Соотношение доли несогласных с суждением «сейчас всё так неустойчиво, что может произойти всё, что угодно» (являющимся индикатором неопределённости в обществе) составляет среди доверяющих и не доверяющих другим соответственно 13,7 и 6,5%; общественным институтам – соответственно 14,8 и 7,5%; политическим институтам – 26,6 и 6,8%. Аналогичная тенденция прослеживается и в распределении оценок по остальным индикаторам неопределённости в связи с доверием и недоверием другим людям, общественным и политическим институтам. Таким образом, доверие способствует повышению уровня определённости в социальных взаимодействиях, что позитивно влияет на эмоциональное состояние субъекта взаимодействий, а состояние недоверия – снижению её уровня или её имитации.

В период обострения внутреннего конфликта на Украине всё шире используются технологии, имитирующие повышение определённости путём эскалации недоверия. Среди них – информационная блокада, позволяющая манипулировать сознанием людей; антироссийская пропаганда, направленная на отвлечение внимания от реальных проблем в обществе; массовые погромы офисов оппозиционных партий и групповые нападения на неудобных политиков с целью их запугивания; искажение собственной истории в угоду политики «независимости». Инициаторы этих и многих других технологий не могут не понимать трагических последствий их применения для украинского народа. Но безответственное стремление к достижению сиюминутных интересов служит для них оправданием подобной политики.

Эмпирические индикаторы: изменение социальных настроений

Данный показатель эмоционального состояния определяется на основе ответов на вопрос: «Какие чувства у Вас преобладают, когда Вы думаете о собственном будущем?». Проявляясь первоначально как сравнительно устойчивые и продолжительные психические состояния, настроения в социальных взаимодействиях рефлектируются в преобладающее эмоциональное состояние, отражающее реакцию на определённые взгляды, приобретая социальное содержание. В отличие от ситуатив-

В период обострения внутреннего конфликта на Украине всё шире используются технологии, имитирующие повышение определённости путём эскалации недоверия.

ных эмоций, социальные настроения являются эмоциональной реакцией не на сами события, а на их значение для людей, осмысленное в более общем контексте интересов и ожиданий. Проанализируем связь доверия и недоверия с изменением социальных настроений в обществе (см. таблицу 2).

Таблица 2

Связь доверия и недоверия с изменением социальных настроений в связи с представлениями о собственном будущем, %

Доверие/недоверие	Оценка социальных настроений						
	Оптимизм	Надежда	Уверенность	Растерянность	Пессимизм	Тревога	Страх
Доверие другим	30,3	58,0	9,0	18,4	6,5	26,1	15,1
Недоверие другим	24,1	43,5	11,1	24,1	9,3	34,3	25,0
Доверие общественным институтам	28,9	53,7	10,1	19,8	6,7	24,8	16,8
Недоверие общественным институтам	19,8	39,7	5,8	24,2	11,6	30,6	16,5
Доверие политическим институтам	31,9	57,5	14,2	16,8	6,2	19,5	9,7
Недоверие политическим институтам	25,6	49,9	9,9	18,8	8,1	32,6	16,9

В таблице 2 чётко прослеживается позитивная направленность связи доверия с различными проявлениями социальных настроений. Среди респондентов, проявляющих доверие, значительно больше доля оценивающих свои настроения оптимистично и с надеждой на лучшее, чем среди демонстрирующих недоверие. Так, доля оптимистов среди доверяющих другим людям – 30,3%, а в группе не доверяющих – 24,1%; среди доверяющих и не доверяющих общественным институтам – соответственно 28,9 и 19,8%; политическим институтам – 31,9 и 25,6%. Надежду на лучшее проявляют среди доверяющих другим – 58% против 43,5% среди не доверяющих; среди доверяющих общественным институтам – 53,7 против 39,7%; политическим институтам – 57,5 против 49,9%.

Уверенность в будущем, хотя и ниже по значениям оценок, но также в большей степени проявляется в группе доверяющих общественным и политическим институтам, чем среди не доверяющих (соответственно 10,1 против 5,8%, и 14,2 против 9,9%). Лишь в группе не доверяющих другим людям чувство уверенности разделяет несколько большая доля респондентов,

чем среди доверяющих (11,1 против 9%). То есть доверие общественным и политическим институтам является более значимым фактором в формировании чувства уверенности в будущем, чем доверие семье, соседям, коллегам и даже соотечественникам.

Среди доверяющих значительно реже, чем среди не доверяющих, отмечаются проявления растерянности (среди доверяющих другим – 18,4 против 24,1%; среди доверяющих общественным институтам – 19,8 против 24,2%; среди доверяющих политическим институтам – 16,8 против 18,8%); тревожности (соответственно 26,1 против 34,3%; 24,8 против 30,6%; 19,5 против 32,6%); страха (среди доверяющих другим – 15,1 против 25%; среди доверяющих политическим институтам – 9,7 против 16,9%). Исключение составляют общественные институты. Причина, видимо, кроется в противоречиях, существующих внутри самих институтов. В связи с этим отношение к армии, церкви, СМИ и другим далеко не однозначное, что нивелирует различия в их влиянии на чувство страха. В целом же, как видно, доверие позитивно влияет на изменение социальных настроений в обществе.

Логично предположить, что изменение социальных настроений людей в значительной мере связано с будущим Украины. Проанализируем распределение ответов на вопрос: «Какие чувства у Вас преобладают, когда Вы думаете о будущем Украины?» (см. таблицу 3).

Таблица 3

Связь доверия и недоверия с изменением социальных настроений в связи с представлениями о будущем Украины, %

Доверие/недоверие	Оценка социальных настроений						
	Оптимизм	Надежда	Уверенность	Растерянность	Пессимизм	Тревога	Страх
Доверие другим	25,4	54,6	8,1	11,1	11,0	35,3	19,6
Недоверие другим	19,4	37,0	4,6	15,1	16,7	47,7	24,1
Доверие общественным институтам	24,8	53,7	6,7	19,5	10,1	30,9	20,1
Недоверие общественным институтам	13,2	36,4	2,5	9,1	15,7	33,9	15,7
Доверие политическим институтам	32,7	66,4	15,9	10,6	6,2	18,6	10,6
Недоверие политическим институтам	14,8	43,0	4,3	12,3	15,1	37,7	18,0

Сравнение данных, представленных в таблицах 2 и 3, свидетельствует о практически одинаковых тенденциях распределения ответов. Это, во-первых, подтверждает гипотезу, что представления о собственном будущем люди связывают с будущим Украины как страны проживания. А во-вторых, что среди респондентов, проявляющих доверие, доля оценивающих будущее страны оптимистично, с надеждой (и уверенностью) на лучшее больше, чем среди демонстрирующих недоверие. Доля оптимистов в отношении будущего Украины среди доверяющих другим людям – 25,4%, а в группе не доверяющих – 19,4%; среди доверяющих и не доверяющих общественным институтам – соответственно 24,8 и 13,2%; среди доверяющих и не доверяющих политическим институтам – 32,7 и 14,8%. Надежду на лучшее будущее страны проявляют среди доверяющих другим – 54,6 против 37% среди не доверяющих; среди доверяющих общественным институтам – 53,7 против 36,4%; среди доверяющих политическим институтам – 66,4 против 43%. Уверенность в будущем Украины также характеризуется аналогичным соотношением оценок, хотя и с более низким уровнем их значений.

И, наоборот, в представлениях о будущем Украины, среди не доверяющих другим людям и политическим институтам чаще отмечаются проявления растерянности (15,1 против 11,1%, среди доверяющих другим; 12,3 против 10,6% среди доверяющих политическим институтам); тревожности (47,7 против 35,3%); страха (18 против 10,6%). Эти настроения, с одной стороны, негативно отражаются на эмоциональном состоянии субъекта взаимодействий, деморализуя его, а с другой, являются сигналом о неблагоприятном развитии интеракций, своего рода «болевым синдромом». В этой связи недоверие выполняет защитную функцию, предупреждая рост социальной напряжённости. Защитная функция недоверия проявилась в группе не доверяющих общественным институтам, где реже, чем среди доверяющих, отмечается растерянность (9,1 против 19,5%) и чувство страха (15,7 против 20,1%). Видимо, недоверие церкви, средствам массовой информации, армии в этой группе достигло такого уровня, когда люди перестают остро реагировать на дисфункцию этих институтов, и происходит смена настроений. Чувство растерянности переходит в более стабильное состояние пессимизма (15,7 против 10,1% среди доверяющих), а страх – в тревогу (33,9 против 30,9%).

Следовательно, доверие способствует росту позитивных настроений во взаимодействиях с партнёрами, а недоверие – смене настроений. Защитная функция недоверия всё шире используется в украинском обществе, зачастую применяются весьма сомнительные способы её реализации. На протяжении всего постсоветского периода в украинских СМИ нара-

Доверие способствует росту позитивных настроений во взаимодействиях с партнёрами, а недоверие – смене настроений.

тает пропаганда неонацистских и русофобских настроений. В результате в западных регионах Украины уже сформировалось поколение молодых людей, разделяющих бандеровскую идеологию и готовых отстаивать её с оружием в руках, что мы и видим сегодня.

Эмпирические индикаторы: удовлетворённость качеством жизни

Данный показатель является интегральной характеристикой эмоционального состояния людей, поскольку в нём отражается их удовлетворённость реализацией собственных жизненных амбиций. На вопрос: «В какой степени Вы удовлетворены своей жизнью в целом?», ответы «скорее удовлетворён» и «полностью удовлетворён» интерпретируются как удовлетворённость респондентов качеством жизни, а «скорее не удовлетворён» и «совершенно не удовлетворён» – как неудовлетворённость своей жизнью. Проанализируем связь доверия и недоверия с изменением данного показателя (см. таблицу 4).

Таблица 4

Связь доверия и недоверия
с удовлетворённостью качеством жизни, %

Доверие/недоверие	Удовлетворённость	
	Удовлетворены	Не удовлетворены
Доверие другим	38,1	36,3
Недоверие другим	23,2	55,3
Доверие общественным институтам	45,0	34,3
Недоверие общественным институтам	24,0	54,5
Доверие политическим институтам	40,8	30,9
Недоверие политическим институтам	28,0	46,8

В таблице 4 наглядно прослеживается связь доверия с удовлетворённостью качеством жизни. Среди доверяющих другим – таких 38,1%, а в группе, проявляющих недоверие – лишь 23,2%, при этом каждый второй (55,3%) не удовлетворён своей жизнью. Аналогичная тенденция прослеживается среди доверяющих и не доверяющих общественным и политическим институтам, притом, что доля удовлетворённых своей жизнью в этих группах выше (45% среди доверяющих общественным институтам и 40,8% среди доверяющих политическим институтам). Это означает, что доверие институциональным структурам в большей степени связано с удовлетворённостью качеством жизни, чем доверие в межличностных отношениях. Оценка качества жизни имеет ценностно-нормативную основу, регулируемую социальными институтами. Поэтому

Связь доверия с удовлетворённостью жизнью является значимым фактором улучшения эмоционального состояния в обществе. А атмосфера недоверия становится средой, благоприятствующей деструктивным взаимодействиям.

доверие церкви, СМИ, армии, различным институтам власти оказывает более устойчивое влияние на удовлетворённость качеством жизни.

Однако нельзя не видеть высокую степень неудовлетворённости жизнью в украинском обществе. Не удовлетворён каждый третий среди доверяющих и каждый второй среди не доверяющих другим людям, общественным и политическим институтам. Следовательно, в оценках неудовлетворённости жизнью содержится влияние недоверия не только конкретным людям и институтам, но и атмосфера недоверия в обществе. Как видно из анализа, всеобщее недоверие способно влиять на рост неудовлетворённости жизнью даже среди доверяющих другим людям и институтам. Поэтому всеобщее недоверие является средой, благоприятствующей не только разного рода негативным проявлениям, но и применению деструктивных технологий в интересах отдельных групп. В этой связи одинаково опасны как ошибки собственной власти, так и вмешательство во внутреннюю политику третьих сил, преследующих собственные интересы. Примером может служить подписание Украиной кабального экономического договора с Евросоюзом в интересах узкой группы олигархов, или вооружение активистов Правого сектора, тем более бывших уголовников, выпущенных на свободу для участия в карательных операциях на Юго-Востоке страны.

Таким образом, связь доверия с удовлетворённостью своей жизнью является значимым фактором улучшения эмоционального состояния в обществе. А атмосфера недоверия становится средой, благоприятствующей деструктивным взаимодействиям.

Эмпирические индикаторы: протестная активность

Протестная активность включает в себя готовность к протесту и к участию в различных его формах. Индикаторами готовности к протесту являются ответы «скорее всего, да» и «скорее всего, нет» на вопрос: «Будете ли Вы лично принимать участие в массовых выступлениях (митингах, демонстрациях), если они произойдут?». Ответы на другой вопрос: «В случае если нарушаются Ваши права и интересы, какие формы протеста Вы считаете эффективными и допустимыми настолько, что готовы сами принять в них участие?» предполагают в качестве индикаторов готовность участвовать в различных формах протеста. Проанализируем изменение протестной активности под влиянием доверия и недоверия другим людям, общественным и политическим институтам (см. таблицу 5).

Таблица 5

Связь доверия и недоверия с изменением протестной активности, %

Доверие/ недоверие	Протестная активность,									
	Готовность к протесту		Формы участия							
	Скорее всего, да	Скорее всего, нет	В предвыборных кампаниях	В сборе подписей под петициями	В разрешённых митингах и демонстрациях	В бойкотировании решений администрации	В неразрешённых митингах и демонстрациях	В захвате зданий, блокировании дорог	В создании вооружённых формирований	Ни одна из форм не является эффективной
Доверие другим	24,5	54,4	21,1	31,5	23,6	7,2	3,6	2,5	1,6	36,7
Недоверие другим	26,9	48,1	25,0	25,9	23,1	12,0	7,5	2,8	3,7	25,0
Доверие общественным институтам	24,8	57,0	28,2	32,2	29,5	3,1	3,4	0,7	0,7	35,6
Недоверие общественным институтам	31,4	38,8	20,7	24,0	25,6	5,8	8,3	7,4	2,5	24,8
Доверие политическим институтам	15,9	61,9	24,8	26,5	17,7	3,5	0,9	0,9	1,8	41,6
Недоверие политическим институтам	37,7	48,4	19,7	24,9	26,4	7,1	5,0	4,7	1,9	31,9

Анализ [таблицы 5](#) показывает, что респонденты больше проявили неготовность, чем готовность к протесту во всех группах, независимо от доверия или недоверия, о чём свидетельствуют более высокие значения ответов «скорее всего, нет» на поставленный вопрос. В большей степени протестная готовность проявляется в связи с недоверием политическим институтам (37,7 против 15,9% среди доверяющих), что, впрочем, вполне объяснимо. Заметно меньше готовых принимать участие в массовых выступлениях среди не доверяющих общественным институтам (31,4 против 24,8% среди доверяющих). И мало различается готовность протестовать среди тех, кто не доверяет и доверяет другим (26,9 и 24,5%). Как видно, готовность участвовать в митингах и демонстрациях формируется преимущественно на основе политических мотивов, связанных с недоверием политическим институтам.

Однако, как следует из анализа, доверие снижает уровень этой готовности. Среди доверяющих политическим институтам выше процент тех, кто не готов участвовать в митингах и демонстрациях (61,9%), по сравнению с респондентами, проявляю-

щими недоверие (48,4%). Среди доверяющих общественным институтам это соотношение составляет 57 к 38,8%, а среди доверяющих другим людям – соответственно 54,4 к 48,1%.

Влияние доверия проявляется и в выборе формы протестной активности. Среди доверяющих политическим институтам больше стремящихся выразить протест путём участия в предвыборных кампаниях (24,6 против 19,7%); среди доверяющих общественным институтам – соответственно 28,2 против 20,7%. Больше среди них и тех, кто предпочитают протестовать, собирая подписи под петициями и участвуя в разрешённых митингах и демонстрациях, другими словами – доверяющие общественным и политическим институтам в большей степени ориентированы на правовые формы протеста. Выше в этих группах и процент не признающих эффективной ни одну из перечисленных форм протеста настолько, чтобы принимать в них участие (41,6 против 31,9% в группе не доверяющих политическим институтам; 35,6 против 24,8% в группе не доверяющих общественным институтам; 36,7 против 25% в группе не доверяющих другим людям).

Наоборот, недоверие повышает экстремальность выбора различных форм протестной активности. Среди не доверяющих другим людям, общественным и политическим институтам, чаще отдаётся предпочтение более жёстким и даже экстремистским формам протеста: бойкот решений органов власти (среди не доверяющих другим – 12 против 7,2%; среди не доверяющих общественным институтам – 5,8 против 3,1%; среди не доверяющих политическим институтам – 7,1 против 3,5%); участие в неразрешённых демонстрациях (соответственно – 7,5 против 3,6%; 8,3 против 3,4%; 5 против 0,9%); создание вооружённых формирований (3,7 против 1,6%; 2,5 против 0,7%; 1,9 против 1,8%). Несмотря на, казалось бы, незначительную долю сторонников экстремистских форм протеста, они представляют большую опасность для общества. Способность дестабилизировать социально-политическую ситуацию в стране при попустительстве властей продемонстрировали весьма немногочисленные сторонники «Правого сектора».

Таким образом, доверие, снижая протестную активность, позитивно влияет на эмоциональное состояние в обществе. А недоверие, способствуя экстремальным и даже экстремистским проявлениям протеста, влияет на рост социальной напряжённости.

Эмпирические индикаторы: эмиграционные настроения

Показателями эмиграционных настроений являются: желание уехать из района постоянного проживания и эмиграционные ориентации. Желание уехать оценивалось на основе

Готовность участвовать в митингах и демонстрациях формируется преимущественно на основе политических мотивов, связанных с недоверием политическим институтам.

ответов «хотел бы» и «нет» на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из населённого пункта, где Вы живёте?». В такой постановке вопроса в ответах содержится не столько стремление покинуть страну, сколько желание или нежелание сменить место проживания. Для анализа эмоционального состояния такая постановка вопроса может считаться приемлемой, учитывая эмоциональные переживания, сопровождающие расставание с малой родиной. В качестве эмпирических индикаторов собственно эмиграционных ориентаций рассматривались различные варианты выезда за рубеж в ответах на вопрос: «Если бы Вы надумали уехать, то куда?». Проанализируем связь доверия и недоверия с изменением значений показателей эмиграционных настроений (см. таблицу 6).

Таблица 6

Связь доверия и недоверия
с изменением эмиграционных настроений, %

Доверие/недоверие	Желание уехать		Эмиграционные ориентации			
	Хотел бы	Нет	В Россию	В другие республики бывшего СССР	За границу бывшего СССР	Никуда бы не выезжал
Доверие другим	16,2	70,6	4,3	0,5	5,0	64,2
Недоверие другим	27,7	51,4	11,2	0,9	10,3	43,9
Доверие общественным институтам	14,1	71,8	2,7	0,7	2,7	66,9
Недоверие общественным институтам	29,8	47,1	10,9	5,0	13,4	40,3
Доверие политическим институтам	13,4	71,4	8,0	1,8	4,5	67,0
Недоверие политическим институтам	21,7	56,1	7,0	0,8	9,9	52,4

Данные, содержащиеся в таблице 6, подтверждают наличие искомой связи. Среди респондентов, доверяющих другим людям, общественным и политическим институтам, значительно меньше желающих покинуть район постоянного проживания (среди доверяющих другим – 16,2 против 27,7%; среди доверяющих общественным институтам – 14,1 против 29,8%; среди доверяющих политическим институтам – 13,4 против 21,7% среди не доверяющих) и больше доля не желающих менять место проживания – более 70% во всех группах доверия. Две трети респондентов, доверяющих другим людям (64,2%), общественным институтам (66,9%) и политическим

институтам (67%) категорически отрицают возможность перемены места проживания – «никогда и никуда я не выезжал бы». Среди не доверяющих другим людям и институтам, таких значительно меньше – 43,9; 40,3; и 52,4%. Зато на порядок больше в этих группах желающих уехать в Россию (11,2 против 4,3% среди доверяющих другим; 10,9 против 2,7% среди доверяющих общественным институтам) и за границу бывшего СССР (10,3 против 5% среди доверяющих другим; 13,4 против 2,7% среди доверяющих общественным институтам; 9,9 против 4,5% среди доверяющих политическим институтам). В то же время желание уехать в Россию практически не было связано с уровнем доверия и недоверия политическим институтам. Вероятно, установка на отъезд здесь являлась первичной.

Очевидно, что доверие, как и недоверие, напрямую не влияет на принятие решения оставаться на своей земле или уезжать, а если покидать страну, то куда. Но полученные данные указывают на связь доверия с эмиграционными настроениями. Доверие другим людям, общественным и политическим институтам создаёт атмосферу благополучия, удовлетворённости, стабильности, в которой, если не исключается, то и не поощряется сама мысль об отъезде. В свою очередь, атмосфера недоверия порождает подозрительность к другим, неудовлетворённость качеством жизни, недовольство властью (что становится причиной дестабилизации среды обитания) и поиск новых, более комфортных условий жизни. Атмосфера недоверия режиму В. Януковича привела на Майдан сторонников соглашения с Евросоюзом, сулящему, якобы, свободу выезда в Европу. А недоверие самопровозглашённой власти А. Турчинова и А. Яценюка, достигнув в юго-восточных регионах страны экстремально высокого уровня, стало причиной вооружённого противостояния и массового бегства населения в Россию. Следовательно, доверие выступает социально-стабилизирующим, а недоверие – дестабилизирующим фактором, что отражается на эмоциональном состоянии людей.

Заключение

Итак, анализ позволил выявить наличие связи доверия и недоверия с состоянием определённости/неопределённости, с настроениями, связанными с оценкой собственного будущего, с чувством удовлетворённости качеством жизни, с протестной активностью, с эмиграционными настроениями, являющимися показателями эмоционального состояния людей как субъектов социальных взаимодействий. Под влиянием доверия и недоверия изменение этих показателей носит разнонаправленный характер. Доверие другим людям, общественным и политическим институтам, хотя и в разной степени, позитивно влияет

Доверие выступает социально-стабилизирующим, а недоверие – дестабилизирующим фактором, что отражается на эмоциональном состоянии людей.

на их изменение. Повышая уровень определённости в социальных взаимодействиях, способствуя росту позитивных настроений во взаимодействиях с партнёрами, положительно влияя на формирование удовлетворённости своей жизнью, снижая уровень протестной активности, выступая социально-стабилизирующим фактором, доверие обеспечивает положительную направленность изменения эмоционального состояния людей в их взаимодействии с обществом.

Влияние недоверия носит более противоречивый характер. Оно способствует росту неопределённости, но одновременно и имитации определённости; формированию негативных настроений – растерянности, тревожности, страха, но выполняет функцию «болевого синдрома» в социальных взаимодействиях; проявлению деструктивных взаимодействий, которые, впрочем, часто используются для реализации политических технологий, направленных на снижение уровня социальной напряжённости; экстремальным и даже экстремистским проявлениям протестной активности, а также дестабилизации в обществе, используемых внутренними и внешними заинтересованными силами для смены политических режимов. Поэтому недоверие, с одной стороны, является фактором повышенного эмоционального напряжения людей, зачастую препятствующего принятию рациональных решений в их взаимодействиях с обществом, а с другой – инструментом, широко используемым политическими игроками для манипулирования их действиями.

Библиографический список

Алексеева А. Ю. 2008. Уверенность, обобщённое доверие и межличностное доверие. Критерии различения // Социальная реальность. № 7. С. 85–98.

Сасаки М., Давыденко А. В., Ромашкина Г. Ф., Воронов В. В. 2013. Обзор состояния теоретической мысли по проблемам личного доверия в различных странах // Социологические исследования. № 3. С. 60–73.

Скрипкина Т. П. 1997. Психология доверия (теоретико-эмпирический анализ). Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ. 250 с.

Эриксон Э. 1996. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс. 344 с.

Misztal B. 1996. Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order. Cambridge: Polity press. 304 p

Sztompka P. 1999. Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University press. 214 p.

Volken T. 2002. Elements of Trust // Electronic Journal of Sociology. Vol. 6 [online] // <http://www.sociology.org/content/vol006.004/volken.html>. (Дата посещения: 02.08.2014).

Доверие обеспечивает положительную направленность изменения эмоционального состояния людей в их взаимодействии с обществом.

Недоверие является фактором повышенного эмоционального напряжения людей, зачастую препятствующего принятию рациональных решений в их взаимодействиях с обществом, а также – инструментом, используемым политическими игроками для манипулирования их действиями.

Yamagishi T., Cook K. S., Watabe M. 1998. Uncertainty, trust and commitment formation in the United States and Japan // *American Journal of Sociology*. № 104. P. 165–194.

Trust and Distrust in Self-Regulation of the Emotional State of the Subjects of Social Interactions (on the Example of the Ukrainian Society)

Chuprov Vladimir Il'ich

Doctor of Science (sociology), professor, Principal research scientist, Institute of Socio-Political Research of Russian Academy of Sciences. E-mail: chuprov443@yandex.ru

Zubok Julia Albertovna

Doctor of Science (sociology), professor, head of the Youth Sociology Department of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences. E-mail: uzubok@mail.ru

Mikheeva Vitalina Vladimirovna

Candidate of Science (history), associate professor of the Philosophy and Sociology, Department of Railway Transport, Ukrainian State Academy. E-mail: gonchar72@i.ua

The paper was prepared within the project "Trust as a factor of self-regulation in a changing social reality", grant RGNF № 14-03-00484.

Abstract. The emotional states of people as subjects of social interactions have a significant effect on the manner in which these interactions unfold. Own sentiments are the result of the reflection of the existing social reality. They depend on the balance between one's expectations of various objects and the response of these objects. The images of different objects of reality are the starting point of building trust or distrust in them. In turn, the resulting sense of trust or distrust is able to change the emotional state of individuals and groups, serving as the regulator of social interactions. This paper conducts an analysis of the factor of trust and distrust in the emotional state of individuals in the Ukrainian society. This society's development throughout the post-Soviet period was characterised by the following contradictory processes of social changes: the transformation of the social structure, followed by a loosening of the institutional foundations of the social order and the extension of the space of the spontaneous self-organisation of individuals and groups, unpredictability and uncertainty concerning the arising life situations. This was reflected in people's social status, social interactions, feelings and mood. Becoming a significant feature of the Ukrainian society, the state of uncertainty most prominently reflected the Ukrainian citizens' growing distrust of each other and the social and political institutions. This distrust has largely led to the economic and political crisis in the country and caused extreme emotional tension. The current data analysis utilises the method of retrospective analysis based on the study of historical facts and empirical data that were obtained in the past but projected onto the present. Thus, we attempt to reconstruct the trends of the reality with the known result. This result refers to the events that are occurring in the Ukraine today. By associating the current events with the data of a study that was conducted two years prior, we not only obtain a reliable picture of the changing social reality but can also empirically test the social mechanism of its change. The empirical data show the correlation of individuals' and groups' trust and distrust in the state of certainty and uncertainty in life situations with the assessment of the coming future, a sense of satisfaction with quality of life, protest activity, and attitudes towards emigration. Empirical evidence of multidirectional change in these indicators due to trust and distrust is provided in the article.

Keywords: trust, distrust, objects of social reality, emotional states, certainty, uncertainty, protest activity, attitude towards emigration, Ukrainian society.

References

Alekseeva A. Y. Uverenost', obobshhjonnoe doverie i mezhlichnostnoe doverie. Kriterii razlichenija. Social'naja real'nost' [Confidence, generalized trust and interpersonal trust. Criteria for distinguishing], 2008, no. 7, pp. 85–98.

Ericsson E. Identichnost': junost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Transl. & ed. by A. V. Tolstykh. M., Progress, 1996. 344 p.

Misztal B. Trust in Modern Societies: The Search for the Bases of Social Order. Cambridge: Polity press, 1996. 304 p.

Sasaki M., Davydenko A., Romashkina G., Voronov V. Obzor sostojanija teoreticheskoy mysli po problemam lichnogo doverija v razlichnyh stranah. Sociologicheskie issledovanija [Review of the status of theoretical thought on problems of personal trust in different countries], 2013, no. 3, pp. 74–83.

Skripkina T. P. Psihologija doverija (teoretiko-jempiricheskij analiz) [Psychology of trust (theoretical and empirical analysis)]. Rostov-On-Don, RGPU, 1997. 250 p.

Sztompka P. Trust: a Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University press, 1999. 214 p.

Volken T. Elements of Trust // Electronic Journal of Sociology, 2002, Vol. 6 [online]. URL.: <http://www.sociology.org/content/vol006.004/volken.html> (accessed 02.08.2014).

Yamagishi T., Cook K. S., Watabe M. Uncertainty, trust and commitment formation in the United States and Japan. American Journal of Sociology, 1998, no. 104, pp. 165–194.

Интернет-сообщества

Социальный портрет аудитории православных интернет-сообществ в социальной сети ВКонтакте

Писаревский Василий Геннадиевич – научный сотрудник информационно-аналитического центра факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва

E-mail: wausily@yandex.ru

Социальный портрет аудитории православных интернет-сообществ в социальной сети ВКонтакте

Аннотация

В статье анализируется аудитория социальных медиа через призму сетевого подхода, в том числе сила социальных связей в интернет-сообществах на примере православных сообществ в социальной сети ВКонтакте. Согласно теории сетевого общества М. Кастельса, роль интернета в современном социуме не сводится просто к коммуникационному каналу, а представляет собой сложную организационную структуру сетевого общества. В свою очередь, ядром интернета на современном этапе развития являются сообщества в социальных сетях. В них имеются как сильные, так и слабые социальные связи между их участниками. Если сильные социальные связи являются некими «кругами общения» с родственниками, коллегами по работе, друзьями, то слабые – представляют собой пользователей, с которыми участник сообщества не знаком лично, но объединён общим интересом. В статье описан механизм роста сообществ в социальной сети за счёт развития слабых социальных связей и вирусного способа распространения контента (лайки, републикации, комментарии). Объектом эмпирического исследования являются православные сообщества в социальной сети ВКонтакте, а предметом исследования – социальный состав пользователей данных сообществ. В исследовании были рассмотрены социально-демографический состав аудитории, её социально-экономические характеристики, а также проанализированы её жизненные ценности. Что касается последних, то исследование показало доминирование традиционных духовно-нравственных ориентиров. По критерию «отношения к жизни» это такие ценности, как семья и дети, саморазвитие (понимаемое как духовное развитие личности) и совершенствование мира. По критерию «отношение к людям» это – доброта и честность, смелость и упорство, юмор и жизнелюбие. При этом ценность власти и богатства обрела минимальные результаты. Одновременно представители целевой аудитории продемонстрировали неприятие «отрицательных ценностей» – курения и алкоголя. Основной вывод исследования состоит в том, что аудитория православных интернет-сообществ реально существует и следует в своей жизни традиционным духовно-нравственным ценностям. При этом роль православных интернет-сообществ состоит в ежедневном поддержании и развитии религиозно ориентированного отношения к жизни.

Ключевые слова: социальные сети, интернет-сообщества, сетевой подход, аудитория православных интернет-сообществ, жизненные интересы участников сообществ в социальных сетях

Сегодня во всём мире наблюдается бурное развитие социальных сетей. В этом легко убедиться, проанализировав статистику социальной сети ВКонтакте – самой крупной социальной сети в России и СНГ. По данным самой сети, в ней зарегистрировано более 260 миллионов пользователей, из которых 65% – жители России, при этом каждый день на сайт ВКонтакте заходят более 60 миллионов человек [Статистика социальной сети ВКонтакте...]. В то же время следует отметить, что дело не только в массовости аудитории, но и во влиянии социальных сетей на жизнедеятельность различных сообществ.

Известный социолог Мануэль Кастельс считает, что интернет сегодня – не просто коммуникационная среда, но, по сути, организационная структура современного информационного общества [Кастельс 2004]. Кастельс называет такое общество «сетевым», отмечая и влияние вэба как множества взаимосвязанных сетей, и многомерную сложность структуры такого общества. Социальные сети в наибольшей степени соответствуют предложенной Кастельсом модели сетевого общества, поскольку обеспечивают как межличностную коммуникацию пользователей (при этом у каждого пользователя есть возможность формировать разные «круги общения», которые включают родственников, друзей, коллег по работе и т. д.), так и коммуникацию пользователей в рамках различных тематических сообществ. Кастельс даёт следующее определение интернет-сообществам: «Это сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе, а также социальную идентичность» [Кастельс 2004: 152].

Понятие «интернет-сообщество», особо подчёркивает Кастельс, не является тождественным известному по англоязычной литературе термину *community*, поскольку, в случае интернет-сообщества, оно формируется на основе общего интереса, а не какого-то географического места [Кастельс 2004: 153]. Как показало наше эмпирическое исследование аудитории православных сообществ ВКонтакте, это утверждение справедливо даже для сообществ территориального контента (например, «Православная молодёжь Карелии», «Брянская православная молодёжка»), поскольку и в эти группы может вступить любой пользователь, независимо от его географического местоположения.

Как отмечает исследователь, сообщества в социальных сетях (их ещё называют социальными медиа) оказывают серьёзное влияние на происходящие в обществе процессы. В качестве примеров он приводит события «арабской весны» на Ближнем Востоке и движение Occupy Wall Street в США [Кастельс: наша жизнь...]. С Кастельсом солидарен и другой исследователь социальных сетей – Говард Рейнгольд. В своём труде «Умная толпа. Новая социальная революция» он утверж-

дает, что сегодня сообщества в социальных медиа являются фактором, превращающим разрозненных индивидов в «умную толпу», направленную на совершение определённых социальных действий [Рейнгольд 2006].

Можно выделить, согласно Кастельсу, две важнейшие черты сообществ в социальных сетях. Во-первых, интернет-сообщества функционируют, основываясь на горизонтальной свободной коммуникации, что означает: участники такого сообщества не связаны жёсткими вертикальными связями с его руководителями, в то же время они могут быть связаны друг с другом именно через сообщество. Во-вторых, интернет-сообщество – это самоуправляемая организация. Иными словами, участники сообщества взаимодействуют друг с другом с помощью весьма сложных связей; кроме того, они могут распространять информацию сообщества далеко за его пределами, за счёт чего сообщество и растёт.

Для сообществ в социальных сетях характерны как сильные, так и слабые социальные связи. Например, ВКонтакте предлагает отметить ваших друзей, которые относятся к сильным социальным связям, следующим образом: родственники, близкие друзья, коллеги, друзья по школе, друзья по вузу. При посещении любого тематического сообщества ВКонтакте будет, в первую очередь, показывать пользователю его друзей из перечисленных выше подгрупп (в том случае, если они состоят в сообществе). Однако эмпирически было доказано, что число сильных социальных связей не может превышать 150 и известно как число Данбара (по имени английского антрополога Роберта Данбара).

Применительно к социальным сетям, сильные социальные связи означают тех друзей, с которыми вы поддерживаете постоянную связь, будь то в социальной сети (переписываетесь, посещаете их страницы, ставите им лайки, комментируете и т. д.), либо в реальной жизни.

Согласно проведённому исследованию сети ВКонтакте (выборка составила 159 тысяч пользователей с числом друзей до 10 тысяч человек), максимум распределения пришёлся как раз на число 150 [Исследование «Число Данбара...»]. Подобные исследования проводились и в отношении наиболее распространённой западной социальной сети – Facebook [Benett].

В то же время слабые социальные связи представляют (как для развития социальной сети, так и для развития в ней сообществ) гораздо больший интерес. Под слабыми социальными связями подразумеваются люди, с которыми вы не общаетесь ни в реальной жизни, ни в социальной сети. Например, это друзья друзей. ВКонтакте сама постоянно предлагает новых друзей, ориентируясь на уже существующих, например, «у вас с таким-то другом есть ещё и вот этот общий друг». Более того, у каждого пользователя списки друзей открыты и позволяют послать запрос на добавление в друзья абсолютно любому человеку, который может не входить даже в круг «друзей

друзей». Именно слабые социальные связи являются звеном, увеличивающим устойчивость всей социальной сети в целом. Таким образом, число «друзей» у отдельных популярных пользователей может достигать до нескольких тысяч человек. Аналогичная ситуация и с сообществами в социальной сети – невозможно быть лично знакомым, к примеру, с двумястами тысяч участников сообщества «Верую». Но это и не требуется, так как, посетив страницу определённого сообщества, вы в списке участников видите не все 200 тысяч, а только тех участников сообщества, которые входят в круг ваших друзей.

Более того, друзья пользователя могут предлагать ему вступить в новые сообщества; он видит в ленте новостей, если кто-то из друзей поделился информацией из определённого сообщества и т. д. Таким образом, слабые социальные связи являются основой «вирусного» способа распространения контента сообществ среди пользователей. «Это распространение и предоставление информации, но уже не «гугловским» способом, – отмечает венчурный инвестор и член Российской венчурной компании Сергей Бурков. – Мы не приходим и не говорим: «Дайте мне информацию». Здесь информация сама находит нас. Наши друзья делятся с нами этой информацией, и это уже совершенно не поисковая бизнес-модель, это протекание информации по сети людей, нередко вирусным способом» [Матюшонок].

Кастельс называет такую модель, основанную на слабых социальных связях, «сетевым индивидуализмом», констатируя, что «развитие интернета обеспечивает соответствующую материальную поддержку для распространения сетевого индивидуализма в качестве доминирующей формы социальности» [Кастельс 2004: 156].

Если Кастельс фокусирует наше внимание на взаимодействии пользователей сообществ в социальных сетях одновременно в онлайн и в офлайн, то в фокусе внимания Тима О'Рейли, автора концепции «Вэб 2.0» – онлайн взаимодействие пользователей [О'Рейли]. Он выделяет следующие принципиально новые особенности интернет-коммуникаций. Пользователи сообщества в социальной сети являются не просто потребителями информации, но и, в первую очередь, людьми, которые сами делятся контентом (от комментариев до предложения новых тем) и генерируют его.

Таким образом, социальная сеть является неким синтезом блога (то есть интернет-дневника пользователя, где он пишет на интересующие его темы, общается со своими друзьями) и интернет-сообществ, которые объединяют пользователей по интересам. На эту особенность обращает внимание Дж. Урри, который пишет, что интернет сегодня – это новая форма передвижения современного человека, постоянно переходящего из одного сообщества в другое [Урри 2012]. Под сообществом понимаются как сообщества по интересам (в сети

ВКонтакте – это паблики и группы), так и совокупность друзей пользователя, с которыми он общается. Анализ ряда таких сообществ и посвящена данная работа.

Предмет и выборка исследования

Объектом нашего исследования стали православные интернет-сообщества в социальной сети ВКонтакте. Предметом исследования является социальный портрет пользователей православных сообществ ВКонтакте. Выбор объекта и предмета исследования обусловлен рядом причин. Во-первых, мы живём, как справедливо фиксирует немецкий философ и социолог Юрген Хабермас, в условиях постсекулярного общества, когда религиозно ориентированная мотивация влияет на все сферы жизни людей в обществе [Habermas]. Прежде всего это будет проявляться в наиболее доступном виде электронных коммуникаций – социальных сетях, где пользователи в соответствующих православных сообществах обсуждают интересующую их проблематику. Это проявляется и в масштабах сообществ – сегодня ведущие православные группы ВКонтакте насчитывают десятки тысяч участников, а крупнейшие из них – даже сотни тысяч. Во-вторых, инструментарий ВКонтакте позволяет провести исследование на больших выборках в сотни тысяч человек из разных стран, что практически невозможно в рамках обычного социологического исследования. В-третьих, тематика религиозно ориентированных сообществ в социальных сетях является новой и представляет собой серьёзный научный интерес. Предлагаемая работа – первое количественное исследование, посвящённое российским православным интернет-сообществам в социальной сети.

Выборка нашего исследования составила 499 125 человек, состоящих в 25 сообществах. Сообщества были поделены по критерию контента:

- *общетематические* (к ним относятся сообщества в несколько десятков тысяч человек, освещающие различные православные темы; это Православие ру, Православие и мир, Православие Экклесиа, православный журнал «Фома», православный телеканал «Союз»);

- *краткого контента* (в качестве основного контента они используют цитаты святых отцов и современных церковных деятелей, притчи, поучительные истории; представителями данной группы являются сообщества Православие, Верую, ПРАВОСЛАВИЕ);

- *нишевые* (пишут на определённую тематику) – Батюшка онлайн; ПРАВОСЛАВИЕ, ВЕРА И ДЕЛО; Православная женщина; Православная Семья; Православная молодёжь; Смысл

брака и основы счастливой семьи; О Любви; Православие и работа (учёба); Взаимопомощь (обсуждаются различные варианты трудоустройства, учёбы, а также помощи нуждающимся в ней); Трибуна православного христианина (поднимаются актуальные общественные и политические проблемы); МИЛОСЕРДИЕ.RU, ПРАВОСЛАВИЕ (молитва, паломничество и отдых);

- *территориального контента* (ориентированы на аудиторию, находящуюся на определённой территории; в основном это сообщества территориальных групп православной молодёжи, а также отдельных епархий, благочиний и даже приходов). В нашей выборке это – Православная молодёжь Харькова, Православная молодёжь Воронежа, Союз православной молодёжи Мордовии, Православная молодёжь Карелии, Православная молодёжь Новосибирской митрополии, Брянская Православная «МОЛОДЁЖКА», Православный Миасс).

Методология исследования представляет собой:

1. Анализ анкет пользователей, заполненных ими при регистрации ВКонтакте. К таким данным относятся: пол, возраст, страна и город пользователя, наличие высшего образования, семейное положение, профессия, жизненные приоритеты.

2. Анализ статистической информации, предоставляемой социальной сетью ВКонтакте с помощью сервиса таргетированной рекламы [Сервис таргетированной...]. Благодаря данному сервису социальная сеть (а значит и исследователь) видит, является ли данный пользователь путешественником (то есть как минимум раз в год заходит ВКонтакте из страны, отличной от страны регистрации), с каких устройств пользователь заходит в социальную сеть и т. д.

В выборку были включены мужчины и женщины, проживающие в любых странах в возрасте от 16 до 45 лет. Возрастное ограничение обусловлено тем, что, по данным исследования Mail.Ru Group, во всей социальной сети ВКонтакте доля пользователей в возрасте от 45 лет и выше составляет лишь 22% [Социальные сети в России...]. Кроме того, есть ещё два критерия, по которым формировалась выборка: время, проведённое в сети определённой возрастной группой, и активность данной группы. Согласно исследованию компании Online Market Intelligence, представители возрастной группы 35–54-х лет проводят ВКонтакте лишь 18% от всего времени, проводимого ВКонтакте представителями всех возрастных групп, в то время как в группе 25–34-х лет этот показатель составляет 30%, а в группе 16–24 года – 52%¹.

¹ Исследовательская компания Online Market Intelligence замерила реальное времяпровождение интернет-пользователей в социальных сетях // URL: <http://www.omirussia.ru/ru/analytics/news/2014/03/news187.html>.

Что касается активности пользователей ВКонтакте, то под этим подразумевается наличие в течение месяца хотя бы одного сообщения. Данные об активности пользователей ВКонтакте можно найти в исследовании компании PalitrumLab (география – Россия, выборка – один миллион пользователей ВКонтакте), согласно которому число активных авторов в возрасте 45 лет и выше составляет лишь 4% от всех активных авторов ВКонтакте [Активные авторы...]. Таким образом, оправдывается ограничение верхней возрастной границы выборки возрастом в 45 лет. В нашей выборке 64,54% женщин и 35,46% мужчин. Рассмотрим распределение по возрастам подробнее.

Поло-возрастные и территориальные характеристики исследуемой аудитории

Наибольший процент аудитории находится в двух возрастных группах: 21–25 лет (26,77%) и 26–30 лет (26,44%). При этом в каждой из указанных групп женщин в 1,5–2 раза больше, чем мужчин.

Таблица 1

Распределение аудитории по возрасту и полу,
в % от общей выборки

Возрастные группы	Мужчины	Женщины
16–20	8,30	10,24
21–25	10,26	16,51
26–30	8,30	18,14
31–35	4,41	10,20
36–40	2,67	5,83
41–45	1,52	3,62
Всего	35,46	64,54

Рассмотрим долю представителей аудитории, состоящих в браке. Исследуя данный показатель, мы опирались на статус ВКонтакте «женат» либо «замужем». При этом другие статусы, например «влюблён», «в активном поиске», «всё сложно» не учитывались, поскольку они ничего не говорят о том, состоит человек в браке или нет.

Таблица 2

Доля состоящих в браке
(мужчины и женщины, в % от общей выборки)

Пол	Возрастные группы (лет)						Итого
	16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	
Мужчины	0,28	1,21	2,14	1,45	1,03	0,62	6,73
Женщины	0,75	4,06	6,80	4,12	2,42	1,53	19,68

Большую часть аудитории православных Интернет-сообществ составляют лица двух возрастных групп: 21–25 лет и 26–30 лет. При этом в каждой из указанных групп женщин в 1,5–2 раза больше, чем мужчин.

Больше всего лиц, состоящих в браке, находится в группе 26–30 лет, на втором месте находится группа 31–35 лет. При этом общее число женщин, состоящих в браке, значительно превышает аналогичное число мужчин – в 2,9 раза. Общее же число лиц, состоящих в браке, составляет 26,41%.

По странам распределение оказалось следующим: 74,15% представителей выборки из России, 18,11% – из Украины, 3,49% – из Белоруссии, 0,94% – из Казахстана, 0,5% – из США, 0,34% – из Германии. Таким образом, большая часть представителей генеральной совокупности проживает в России.

Проанализируем распределение аудитории в России по городам. Это поможет выдвинуть гипотезу о характере занятости аудитории (согласно общепринятым критериям, большинство городского населения не занято в сельском хозяйстве). Чтобы понять, какова доля городского населения среди всей аудитории православных сообществ ВКонтакте, нам необходимо разделить все города по типам (по классификации Росстата), а затем в рамках каждого типа ввести все относящиеся к нему города. Рассмотрим четыре типа городов: города-миллионники (с населением более 1 млн человек, всего 15 городов), крупнейшие города (от 500 тыс. до 1 млн, всего 21 город), крупные города (от 250 до 500 тыс., всего 39 городов), большие города (от 100 до 250 тыс., всего 91 город).

Таблица 3

Распределение аудитории по типам городов в России
(мужчины и женщины, в % от общей выборки)

Типы городов	Возрастные группы (лет)						Итого
	16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	
Города-миллионники	4,78	8,73	10,22	6,12	3,53	2,12	35,49
Крупнейшие города (от 500 тысяч до 1 миллиона)	1,47	2,14	1,87	0,91	0,49	0,29	7,17
Крупные города (от 250 до 500 тысяч)	1,60	2,51	2,42	1,42	0,86	0,51	9,31
Большие города (от 100 до 250 тысяч)	1,04	1,23	1,31	0,83	0,50	0,30	5,22

Более половины представителей выборки проживают в городах (57,19%), при этом доля городов-миллионников составляет более трети от общей выборки (35,49%). Таким образом, косвенно подтверждается наша гипотеза о том, что большинство представителей нашей целевой аудитории не заняты в сельском хозяйстве, а являются представителями профессий гуманитарной сферы.

Более половины представителей выборки проживают в городах (57,19%), при этом доля городов-миллионников составляет более трети от общей выборки (35,49%).

Социально-экономические характеристики пользователей православных сообществ ВКонтакте

В данном разделе исследования мы рассматриваем два социально-экономических критерия – наличие высшего образования и социальное положение. Во-первых, вузы, в которых можно получить высшее образование, находятся в крупных российских городах. Это даёт нам возможность предположить, что респонденты с высшим образованием представляют собой жителей городов различных типов, которые были рассмотрены выше. Во-вторых, высшее образование – необходимый (но не единственный) для рассмотрения компонент при анализе социального положения аудитории. В то же время, поскольку у нас нет возможности проанализировать весь набор компонентов по критерию социального положения (доход, профессия, круг общения и т. д.), то образование будет выступать как косвенный показатель при анализе социального положения.

Таблица 4

Доля аудитории с высшим образованием
(мужчины и женщины, в % от общей выборки)

Пол	Возрастные группы (лет)						Итого
	16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45	
Мужчины	0,41	2,76	3,27	1,71	0,95	0,49	9,60
Женщины	0,30	5,67	8,79	4,45	2,08	1,02	22,30
Всего	0,71	8,43	12,06	6,15	3,03	1,52	31,90

Из представленных данных следует, что высшее образование есть практически у 32% аудитории, при этом наибольшая по численности возрастная группа с высшим образованием как среди мужчин, так и среди женщин наблюдается в группе 26–30 лет (см. таблицу 4). В этой же группе наблюдается наибольшая диспропорция между мужчинами и женщинами с высшим образованием – число женщин превышает количество мужчин в 2,7 раза. Таким образом, потенциально 30% аудитории может быть отнесено к среднему классу, однако эту цифру необходимо уточнить, рассмотрев ряд других показателей.

Прямых критериев, позволяющих это сделать, социальная сеть ВКонтакте не даёт, поэтому будем опираться на косвенные показатели. Прежде всего нас интересует, какой процент аудитории относится к среднему классу в целом и к отдельным его сегментам, в частности (низший, срединный и высший средний класс). Для этого проанализируем совокупность двух параметров: тех, кто путешествует и при этом посещает ВКонтакте (первый параметр), используя мобильные

устройства и ноутбуки (второй параметр). Именно совокупность этих двух параметров позволяет относить респондента к среднему классу, поскольку зачастую стоимость путешествия и дорогого смартфона или планшета сопоставимы (в то время как дорогой смартфон представителю нашей аудитории мог просто подарить кто-то из близких).

Оперируя доступными нам критериями, мы можем утверждать, что лишь 8% (а не 30%, как если бы мы использовали только критерий высшего образования) можно отнести к среднему классу. И у мужчин, и у женщин лидерами по числу респондентов, относящихся к среднему классу, являются группы 21–25 и 26–30 лет. В результате можно сделать вывод, что лишь меньшая часть нашей аудитории относится к среднему классу, большая же часть в той или иной мере может испытывать финансовые трудности.

Проанализируем жизненные интересы аудитории на основе четырёх критериев, предоставленных самой социальной сетью. Это отношение к жизни, к людям, алкоголю и курению. По каждому из указанных критериев есть свои варианты ответа, которые могут выбирать представители нашей целевой аудитории. Первый из анализируемых критериев – отношение к жизни.

Таблица 5

Отношение к жизни у мужчин по возрастным группам,
в % от ответивших в каждой возрастной группе

№	Главное в жизни	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
1	Семья и дети	60,1	58,3	58,2	52,7	49,0	55,5
2	Карьера и деньги	3,1	2,4	1,2	1,3	1,2	0,7
3	Развлечения и отдых	4,4	2,0	1,3	1,3	1,0	1,0
4	Наука и исследования	1,0	1,4	1,8	2,5	2,0	1,9
5	Совершенствование мира	6,6	4,1	9,2	9,7	11,2	9,8
6	Саморазвитие	21,0	28,3	24,7	29,1	32,8	27,1
7	Красота и искусство	1,6	2,1	2,2	3,2	1,8	2,9
8	Слава и влияние	2,1	1,4	1,4	0,3	0,9	1,0

Таблица 6

Отношение к жизни у женщин по возрастным группам,
в % от ответивших в каждой возрастной группе

№	Главное в жизни	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
1	Семья и дети	69,1	73,0	44,4	75,2	65,0	57,4
2	Карьера и деньги	1,8	1,1	1,2	0,1	0,4	0,1
3	Развлечения и отдых	2,1	0,7	0,7	0,4	0,3	0,4

Продолжение таблицы 6

№	Главное в жизни	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
4	Наука и исследования	0,7	0,4	0,9	0,4	1,0	0,6
5	Совершенствование мира	4,3	3,9	9,7	4,6	6,5	6,5
6	Саморазвитие	17,6	18,8	38,5	17,4	24,6	32,3
7	Красота и искусство	3,6	2,1	3,9	1,7	1,9	2,5
8	Слава и влияние	0,5	0,1	0,7	0,2	0,4	0,2

Среди мужчин по критерию «отношение к жизни» первое место занимают «семья и дети» (от 55 до 60% в различных возрастных группах), на втором месте – «саморазвитие»: от 21 до 33% (заметим: значимость саморазвития возрастает с повышением возраста респондентов, так как оно понимается прежде всего как духовное развитие личности), на третьем месте – «совершенствование мира» (которое интерпретируется как миссия и привнесение православных ценностей в социум) – от 4 до 11%. У женщин, как и у мужчин, первые три места занимают фундаментальные традиционные ценности – «семья и дети» (от 44 до 75%), «саморазвитие» (от 17 до 38%) и «совершенствование мира» (от 4 до 6,5%). Рассмотренные варианты ответов являются преобладающими во всех возрастных группах как у мужчин, так и у женщин.

Вывод по критерию «отношение к жизни» – респонденты придерживаются в своей жизни традиционных духовно-нравственных ценностей, прежде всего, ценности семьи и детей. При этом развлечения и отдых набирают один из минимальных процентных показателей, даже среди возрастной группы 16–20 лет, где можно было бы ожидать больших цифр [Исследование «Жизненная позиция пользователей ВКонтакте»]. Вероятно, сдержанное отношение нашей аудитории к позиции «развлечения и отдых» есть специфическая характеристика именно православных интернет-сообществ.

Проанализируем критерий «отношение к людям» для мужчин и женщин.

Таблица 7

Отношение к людям у женщин по возрастным группам,
в % от ответивших в каждой возрастной группе

№	Главное в людях	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
1	Ум и креативность	4,5	4,8	3,7	3,5	3,2	2,9
2	Доброта и честность	73,1	78,5	84,3	78,6	79,0	79,5
3	Красота и здоровье	1,1	1,0	0,9	0,7	0,6	0,3
4	Власть и богатство	0,4	0,4	0,4	0,2	0,3	0,2
5	Смелость и упорство	7,5	8,0	6,8	4,2	4,8	2,4
6	Юмор и жизнелюбие	13,4	7,4	4,0	12,9	22,0	14,7

Таблица 8

**Отношение к людям у мужчин по возрастным группам,
в % от ответивших в каждой возрастной группе**

№	Главное в людях	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
1	Ум и креативность	3,7	5,0	3,6	4,8	5,0	2,6
2	Доброта и честность	65,	68,5	75,2	82,6	75,3	79,5
3	Красота и здоровье	2,9	1,8	1,2	0,7	1,0	0,7
4	Власть и богатство	1,0	1,2	0,8	0,8	0,9	0,4
5	Смелость и упорство	14,4	13,8	10,2	9,0	7,1	5,1
6	Юмор и жизнелюбие	12,1	9,7	8,9	2,1	13,4	11,7

По критерию «отношение к людям», как и в случае критерия «отношение к жизни», и у мужчин, и у женщин выделяются три основных ценности – «доброта и честность», «смелость и упорство», а также «юмор и жизнелюбие». У мужчин ценность «доброты и честности» варьируется от 66 до 83%, «смелости и упорства» – от 5 до 14%, «юмора и жизнелюбия» – от 2 до 13%. У женщин первое место также занимает «доброта и честность» (значимость этой ценности в их случае ещё выше – от 73 до 84%), в то время как второе место попеременно делят «юмор и жизнелюбие» и «смелость и упорство» – в зависимости от возрастной группы. Здесь также проявляется специфика аудитории.

Рассмотрим отношение к алкоголю и курению, которые, с православной точки зрения, являются отрицательными жизненными проявлениями.

Таблица 9

**Отношение к алкоголю у мужчин по возрастным группам,
в % от ответивших в каждой возрастной группе**

№	Отношение к алкоголю	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
1	Резко негативное	36,0	31,5	25,4	23,5	19,9	21,8
2	Негативное	30,9	31,1	33,6	29,6	29,6	27,2
3	Компромиссное	12,1	15,1	18,5	21,8	27,8	23,0
4	Нейтральное	17,3	19,6	19,8	21,1	18,4	22,9
5	Положительное	3,7	2,8	2,6	4,1	4,2	5,1

Таблица 10

**Отношение к алкоголю у женщин по возрастным группам,
в % от ответивших в каждой возрастной группе**

№	Отношение к алкоголю	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
1	Резко негативное	34,1	24,3	21,8	21,7	22,4	23,1
2	Негативное	36,2	36,3	36,5	36,0	37,0	36,5

Продолжение таблицы 10

№	Отношение к алкоголю	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
3	Компромиссное	10,4	18,2	20,7	20,9	22,2	22,2
4	Нейтральное	17,9	19,9	19,6	20,2	17,4	17,0
5	Положительное	1,4	1,4	1,4	1,2	1,1	1,2

Если суммировать «резко негативное» и «негативное» отношение мужчин к алкоголю, то вновь наибольший процент отрицательного отношения в группе 16–20 лет – 67%, на втором месте группа 21–25 лет – 62,6%, на третьем – 26–30 лет с результатом 58,3%, далее этот процент плавно снижается в последующих возрастных группах. Таким образом, во всех группах среди мужчин подавляющее большинство респондентов высказались отрицательно по отношению к потреблению алкоголя. У женщин сумма позиций «резко негативное» и «негативное» отношение к алкоголю практически аналогична мужской аудитории – от 57 до 70% по разным возрастным группам.

Последним критерием в группе жизненных ориентаций нашей целевой аудитории служит отношение к курению.

Таблица 11

Отношение к курению у мужчин по возрастным группам,
в % от ответивших в каждой возрастной группе

№	Отношение к курению	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
1	Резко негативное	50,1	37,9	39,7	37,9	36,3	33,7
2	Негативное	30,7	38,9	33,6	41,6	42,1	33,3
3	Компромиссное	4,5	6,9	8,7	7,7	5,8	10,8
4	Нейтральное	11,2	12,3	14,3	9,6	12,6	18,6
5	Положительное	3,5	3,9	3,7	3,2	3,2	3,6

Таблица 12

Отношение к курению у женщин по возрастным группам,
в % от ответивших в каждой возрастной группе

№	Отношение к курению	Возрастные группы (лет)					
		16–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
1	Резко негативное	47,3	36,8	32,2	31,5	33,6	32,4
2	Негативное	36,1	42,5	45,5	46,4	45,5	46,8
3	Компромиссное	3,8	6	7,5	8,2	8,5	7,9
4	Нейтральное	11,5	13,7	13,8	12,8	10,7	12,1
5	Положительное	1,2	1	1,1	1,1	1,7	0,9

Как и в случае отношения к алкоголю, отрицательно к курению относится подавляющее большинство как мужчин, так и женщин. У мужчин данный показатель колеблется от

Наибольший процент негативного отношения к алкоголю в группе 16–20 лет.

67 до 80% по разным группам, в то время как у женщин он несколько выше – от 77 до 83%. Обобщив полученные данные, мы снова приходим к выводу, что результат объясняется религиозной направленностью аудитории и её религиозной мотивацией в повседневной жизни.

Заключение

Обозначим основные выводы относительно социального портрета аудитории православных интернет-сообществ в социальной сети ВКонтакте. Во-первых, можно говорить о православных пользователях социальных сетей как о состоявшемся феномене. При этом, как показало наше исследование, в отличие от западных пользователей религиозных сообществ, например, в Facebook [Campbell, Calderon 2007], участники российских православных групп ВКонтакте обсуждают не только узконаправленную религиозную проблематику, но и политику, общественные проблемы, нравственные вызовы. С другой стороны, православные интернет-сообщества ни в коем случае не предпринимают попытки заменить живую религиозную жизнь прихода на некий виртуальный «суррогат» [Campbell 2012]. Православные группы в социальных сетях рассматриваются как миссионерская деятельность вне стен храма и, надо отметить, что в них состоят не только православные, но и люди, стремящиеся узнать православную точку зрения на актуальные современные вызовы.

Во-вторых, число православных пользователей социальных сетей довольно велико и продолжает расти. Только в нашей выборке анализируется около полумиллиона человек, при том, что мы рассматриваем лишь 25 крупных православных сообществ ВКонтакте, а на сегодняшний день таких сообществ более десяти тысяч. Если же рассматривать пользователей ВКонтакте, которые не обязательно состоят в православных сообществах, но при этом отметили свой религиозный статус как православный, то их насчитывается более 12 миллионов.

В-третьих, можно выделить две наиболее перспективные возрастные группы 21–25 лет и 26–30 лет – суммарно они составляют более 50% всей аудитории.

В-четвёртых, наше исследование показало, что в отношении к жизни доминируют семья и дети, саморазвитие (понимаемое как духовное развитие личности) и совершенствование мира. В отношении к людям – доброта и честность, смелость и упорство, юмор и жизнелюбие. При этом ценность власти и богатства обрела минимальные результаты. Одновременно по критериям отношения к алкоголю и курению представители целевой аудитории также были единодушны, продемонстриро-

Отрицательно к курению относится подавляющее большинство как мужчин, так и женщин.

Православные группы в социальных сетях рассматриваются как миссионерская деятельность вне стен храма.

вав в основном отрицательное к ним отношение. Эти установки способствуют поддержанию религиозно ориентированного отношения к жизни, что является главной задачей рассмотренных православных сообществ.

Библиографический список

Активные авторы в социальных медиа: исследование по возрастным группам // Компания PalitrumLab. URL: <http://habrahabr.ru/company/palitrumlab/blog/198772/> [Дата посещения: 26.07.2014].

Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. 2010. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Издательство физико-математической литературы. 228 с.

Давыдов А. А. 2009. Системная социология: анализ мультимедийной информации в Интернете. М.: ИС РАН. // Сайт Института социологии РАН URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=988 [Дата посещения: 26.07.2014].

Исследование «Жизненная позиция пользователей ВКонтакте в зависимости от пола и возраста» // URL: <http://habrahabr.ru/post/178019/> [Дата посещения: 26.07.2014].

Исследование «Число Данбара и пользователи ВКонтакте» // URL: <http://habrahabr.ru/post/189226/> [Дата посещения: 26.07.2014].

Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе / Пер с англ. Екатеринбург: У-Фактория. 328 с.

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Кастельс: наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства // Интервью РИА «НОВОСТИ». URL: <http://ria.ru/interview/20120622/679289114.html> [Дата посещения: 26.07.2014].

Классификация населённых пунктов – статья в Википедии // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> [Дата посещения: 26.07.2014].

Костина А. В. 2011. Интернет-сообщества: что обсуждается в Интернете? От думмеров – до фурри. От игнора – до троллинга. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 176 с.

Матюшонок И. Футурология в Сколково: какой станет Сеть через 10 лет // Журнал Компьютерра-Онлайн URL: <http://old.computerra.ru/think/637875/> [Дата посещения: 26.07.2014].

Онлайн исследования в России 3.0. / По ред. Шашкина А. В., Девятко И. Ф., Давыдова С. Г. М.: Издательский дом «Кодекс», 2012. 420 с.

О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 Пер с англ. // Журнал Компьютерра-Онлайн. URL: <http://old.computerra.ru/think/234100/> [Дата посещения: 26.07.2014].

Рейнгольд Г. 2006. Умная толпа. Новая социальная революция. М.: ФАИР-ПРЕСС. 416 с.

Сервис таргетированной рекламы ВКонтакте // URL: <https://vk.com/adscreate> [Дата посещения: 26.07.2014].

Социальные сети в России / Исследование Mail.Ru Group. // URL: <https://corp.mail.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotcialnykh-setej.pdf> [Дата посещения: 26.07.2014].

Сравнительное исследование активности покупателей «Пользователи iOS тратятся на приложения больше, чем пользователи Android» // ТехНикаPro. URL: http://www.texnikapro.ru/news/polzovateli_ios_tratyatsya_na_prilozheniya_bolshe_chem_polzovateli_android.htm [Дата посещения: 26.07.2014].

Статистика социальной сети ВКонтакте // ВКонтакте. URL: https://vk.com/about?w=page-47200925_44240810 [Дата посещения: 26.07.2014].

Урри Дж. 2012. Мобильности // Мониторинг общественного мнения. № 5. С. 197–252.

Ценовой разрыв между Android и iOS // 4ITC.ru. URL: <http://www.4htc.ru/smartphones/o-cenovom-razryve-mezhdu-android-i-ios-ustrojstvami.html> [Дата посещения: 26.07.2014].

Benett D. The Dunbar Number, From the Guru of Social Networks // Bloomberg Business week. URL: <http://www.businessweek.com/articles/2013-01-10/the-dunbar-number-from-the-guru-of-social-networks#p1> [Дата посещения: 26.07.2014].

Campbell H., Calderon P. 2007. The Question of Christian Community Online: The Case of the 'Artist World Network' // Studies in World Christianity. Vol. 13. Issue 3. P. 261–270.

Campbell H. A. 2012. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society // Journal of the American Academy of Religion. Vol. 80. Issue 1. P. 64–93.

Habermas J. 2006. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. Vol. 14. № 1. P. 1–25. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-0378.2006.00241.x/pdf> [Дата посещения: 26.07.2014].

Social Portrait of the Audience of Orthodox Online Communities in a Social Network Vkontakte

Pisarevsky Vasiliy Gennadievich

Researcher of the Information and analytical center, Orthodox Saint Tikhon Humanitarian University, Department of social sciences, Moscow, Russia. E-mail: wausily@yandex.ru

Abstract. In this article, we analyse the audience of social media through the prism of network approach, i.e. the strength of social bonds in online communities, using the example of orthodox Christian communities in the VKontakte social network. According to Manuel Castells' theory of network community, the Internet in the modern socium is not simply a communication channel. Rather, it is a complicated organisational structure of network society. In the present state of the art, the core of the Internet is presented, in turn, with communities of social networks. There are both strong and weak social relations among the participants of such communities. The strong social relations include some "circles of contacts" with relatives, work colleagues and friends. By contrast, the weak relations include those with users with whom a participant of a community is not acquainted personally but share a common interest. The current article describes the mechanism of social community growth by means of the development of weak social relations and virus-like content distribution (e.g., likes, republications, comments). The empirical study investigated the orthodox Christian communities in the VKontakte social network, specifically the social composition of these communities' users. This study examined the social and demographic make-up, social and economic characteristics, and life values of the audience. Concerning the life values of the audience, the study showed the domination of traditional spiritual and moral guides. According to the "attitude to life" criterion, these values include family and children, self-development (i.e., a person's spiritual development) and improvement of the world. The "attitude to people" category includes the values of kindness and honesty, courage and perseverance, humour and zest for life. Of note, the values of authority and money gained minimal results. At the same time, the representatives of the target audience rejected such "negative values" as smoking and alcohol. The main conclusion of the study is that the audience of orthodox Internet communities follows the traditional spiritual and moral values. The function of such communities is the everyday support and development of religious-oriented attitudes towards life.

Keywords: social networks, internet communities, network approach, the audience of orthodox internet-communities, life interests of the members of social networks communities.

References

Aktivnye avtory v social'nykh media: issledovanie po vozrastnym gruppam [Active authors in social media: research of age groups]. Kompanija PalitrumLab. URL: <http://habrahabr.ru/company/palitrumlab/blog/198772/> [accessed 26.07.2014].

Benett D. The Dunbar Number, From the Guru of Social Networks. Bloomberg Business week. URL: <http://www.businessweek.com/articles/2013-01-10/the-dunbar-number-from-the-guru-of-social-networks#p1> [accessed 26.07.2014].

Campbell H. A. Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society. Journal of the American Academy of Religion, 2012, Vol. 80, no. 1, pp. 64–93.

Campbell H., Calderon P. The Question of Christian Community Online: The Case of the "Artist World Network". Studies in World Christianity, 2007, Vol. 13, no. 3, pp. 261–270.

Castels M. Informacionnaja epoha: ekonomika, obschestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, SU-HSE. 2000. 608 p.

Castels M. Galaktika Internet: Razmyshlenija ob internete, biznese i obschestve [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society.]. Ekaterinburg, U-Faktorija, 2004. 328 p.

Castells: nasha zhizn' – gibrigid virtual'nogo i fizicheskogo prostranstva. Interview for RIA «NOVOSTI» [Castells: our life – a hybrid of virtual and physical space]. RIA «NOVOSTI» official website. URL: <http://ria.ru/interview/20120622/679289114.html> [accessed 26.07.2014].

Davydov A. A. Sistemnaja sociologija: analiz mul'timedijnoj informacii v Internete [Analysis of multimedia informayion]. Moscow, IS RAN, 2009. Website of Institute of Sociology. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=988 [accessed 26.07.2014]

Gubanov D. A., Novikov D. A., Chkhartishvili A. G. Social'nye seti: modeli informacionnogo vlijanija, upravlenija i protivoborstva. Moscow, Izdatel'stvo fiziko-matematicheskoy literatury, 2010. 228p.

Habermas J. Religion in the Public Sphere. *European Journal of Philosophy*, 2006, Vol. 14, no. 1, pp. 1–25. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-0378.2006.00241.x/pdf> [accessed 26.07.2014].

Issledovanie «Chislo Danbara i pol'zovateli VKontakte» [The research “Danbar’s number and users of VKontakte”]. Website Khabra. URL: <http://habrahabr.ru/post/189226/> [accessed 26.07.2014].

Issledovanie «Zhiznennaja pozicija pol'zovately VKontakte v zavisimosti ot pola i vozrasta» [The research “Beliefs of VRontakte users according to gender and age”]. Website Khabra. URL: <http://habrahabr.ru/post/178019/> [accessed 26.07.2014].

Klassifikacija naselionnykh punktov [Classification of settlements]. Website Wikipedia.org. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> [accessed 26.07.2014].

Kostina A. V. Internet-soobschestva: chto obsuzhdaetsia v Internete? Ot dummerov – do furri. Ot ignora – do trollinga [Internet-communities: what is discussed in Internet? From dummer to furri. From ignore to trolling]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 176 p.

Matiushonok I. Futurologija v Skolkovo: kakoy stanet Set' cherez 10 let [Futurology in Skolkovo: what kind will be a network in 10 years]. *Zhurnal Komp'yuterra-Online*. URL: <http://old.computerra.ru/think/637875/> [accessed 26.07.2014].

O'Raly T. Chto takoe Web 2.0.? [What is Web 2.0?]. *Zhurnal Komp'yuterra-Online*. URL: <http://old.computerra.ru/think/234100/> [accessed 26.07.2014].

Reyngol'd G. Umnaja tolpa. Novaja social'naja revoljucija [Smart crowd. The new social revolution]. Moscow, FAIR-PRESS, 2006. 416 p.

Servis targetirovannoy reklamy VKontakte [Service of target advertising of the network VKontakte]. *Vkontakte website*. URL: <http://vk.com/adscreate> [accessed 26.07.2014].

Shashkin A. V., Deviatko I. F., Davydov S. G., eds. Online-issledovaniya v Rossii 3.0. [Online-researches in Russia 3:0]. Moscow, Izdatel'sky dom «Codex», 2012. 420 p.

Social'nye seti v Rossii. Issledovanie Mail.Ru Group [Social networks in Russia. The research of Mail.Ru Group]. *Mail.ru corporate website*. URL: <https://corp.mail.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotcialnykh-setej.pdf> [accessed 26.07.2014].

Sravnitel'noe issledovanie aktivnosti pokupatelej “Pol'zovateli iOS tratjatsja bol'she chem. Pol'zovateli Android” [The comparative research of the activity of buyers “Users of iOS spent on applications more than users of Android”]. *TexNikaPro*. URL: <http://www.texnikapro.ru/news/polzovateli-ios-tratyatsya-na-prilozheniya-bolshe-chem-polzovateli-android.htm> [accessed 26.07.2014].

Statistika social'noy seti VKontakte [Statistics of social network VKontakte]. *Vkontakte website*. URL: https://vk.com/about?w=page-47200925_44240810 [date of visit 26.07.2014].

Tzenovoy razryv mezhdu Android i iOS [Price gap between Android and iOS]. *4HTC website*. URL: <http://www.4htc.ru/smartphones/o-cenovom-razryve-mezhdu-android-i-ios-ustrojstvami.html> [accessed 26.07.2014].

Urri J. Mobil'nosti [Mobilities]. *Monitoring obschestvennogo mnenija*, 2012, no. 5, pp. 197–252.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Владимир Александрович Ядов

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: ИТ-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдииков

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>